

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2023

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретишин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный университет;
С. М. Маркедонов, канд. ист. наук, доц., МГИМО; *А. О. Машовец*, д-р юр. наук,
проф., Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милоков*, д-р юр. наук, проф., Российский
государственный университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юр. наук,
проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *О. В. Попова*,
д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Е. Р. Россинская, д-р юр. наук, проф., Московская государственная юридическая
академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 14.12.2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Шабаров Д. В., Алексеева Ю. Б., Повжик О. Г.</i> Цифровая трансформация органов прокуратуры России: современное состояние и перспективы развития	5
<i>Илюхина В. А.</i> Классификация доктринальных принципов права	16
<i>Маткова Н. В.</i> Криминалистические аспекты участия гособвинителя в формировании коллегии присяжных с позиций ситуационного подхода.	26

История. Исторические науки

<i>Долгушин В. В.</i> Мужской бунт: борьба за гендерное равенство в польских землях Австрийской и Российской империй в начале XX века: проблемы политической коммуникации	35
<i>Стальмакова А. В.</i> Исторический нарратив в творчестве калининградских поэтов времен Перестройки: опыт контент-анализа	46
<i>Филёв М. В.</i> Конец колхозной жизни (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области)	58

Общество и политика

<i>Кирчанов М. В.</i> Историческая политика и мемориальная культура современного румынского общества	69
<i>Гасанов М. А.</i> Перспективы новой интервенции военных в политические процессы в Турецкой Республике	85
<i>Максимов И. П., Смирнов М.</i> Языковая политика Эстонии: достигнутые результаты и будущее русскоязычного образования	96

Рецензия

<i>Примак Т. К., Лонская С. В.</i> Рец. на кн.: <i>Серков П. П.</i> Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): монография : в 2 ч. Ч. 1: Правовая доктрина и меры правовой политики. — М. : Норма, 2023. — 872 с. ; Ч. 2: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. — М. : Норма, 2023. — 672 с.	106

CONTENTS

State and law

<i>Shabarov D. V., Alekseeva Yu. B., Povzhik O. G.</i> Digital transformation of Russian prosecution bodies: current status and development prospects	5
<i>Iliukhina V. A.</i> Classification of doctrinal principles of law	16
<i>Matkova N. V.</i> Forensic aspects of the state prosecutor's participation in jury election. Situational approach	26

History. Historical sciences

<i>Dolgushin V. V.</i> Men's revolt: the struggle for gender equality in the Polish lands of the Austrian and Russian Empires at the beginning of the XX century: issues of political communication	35
<i>Stalmakova A. V.</i> Historical narrative in the work of Kaliningrad poets during Perestroika: the experience of content analysis	46
<i>Filev M. V.</i> The end of the collective farm (the case of the collective farm "Novaya Znizn", Pravdinsky district, Kaliningrad region)	58

Society and politics

<i>Kyrchanov M. W.</i> Historical policy and memorial culture of modern Romanian society	69
<i>Gasanov M. A.</i> Prospects for a new intervention by military in the political processes in the Republic of Turkey	85
<i>Maksimov I. P., Smirnov M.</i> Language policy of Estonia: achievements and the future of education in the Russian language	96

Review

<i>Primak T. K., Lonskaya S. V.</i> Rev.: Serkov P. P. Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennoj pravovoj politiki): monografiya: v 2 ch. Ch. 1: Pravovaya doktrina i mery pravovoj politiki. – M.: Norma, 2023. – 872 p.; Ch. 2: Obobshchenie yuridicheskikh opytov voskhozhdeniya k cheloveku, obshchestvu i gosudarstvu. – M.: Norma, 2023. – 672 p.	106

УДК 347.963

Д. В. Шабаров¹, Ю. Б. Алексеева¹, О. Г. Повжик²

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

¹ Прокуратура г. Санкт-Петербурга, Россия

² Правовое управление Правительства Псковской области, Псков, Россия

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

Принята к публикации 24.06.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-1

5

Для цитирования: Шабаров Д.В., Алексеева Ю.Б., Повжик О.Г. Цифровая трансформация органов прокуратуры России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 5–15. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-1.

Рассмотрено развитие и внедрение цифровых технологий в процесс осуществления надзорной деятельности органами прокуратуры Российской Федерации. Изучены основные аспекты проводимой государственной политики цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры России. Отражены общие тенденции информатизации прокурорской деятельности в целях укрепления законности и правопорядка. Представлен опыт эффективной апробации в прокуратуре г. Санкт-Петербурга информационных платформ, обеспечивающих повышение квалификации и оценку знаний прокуроров. Освещена цифровая трансформация органов прокуратуры в условиях пандемии 2020–2021 гг. и санкционного давления со стороны недружественных стран на фоне текущей внешнеполитической обстановки. Обоснована актуальность подготовки специалистов по информационной безопасности и защите цифровой инфраструктуры прокуратуры Российской Федерации. Выявлены основные направления развития системы повышения квалификации прокуроров в условиях практико-ориентированной цифровой образовательной среды. Проведен анализ задач в рамках цифровизации надзорной деятельности и сформулированы предложения по повышению эффективности и оптимизации как ведомственного контроля со стороны прокуратуры России, так и информационно-аналитической и мониторинговой деятельности при проведении надзорных мероприятий.

Ключевые слова: прокуратура, цифровизация, трансформация, информационная среда, надзор

Интеграция современных информационных технологий в систему государственной власти является планомерным процессом в условиях вхождения в цифровую эпоху развития общества. В этом процессе неизбежно взаимопроникновение права, экономики, образования и

управления, поскольку «современные общественные отношения находятся в непрекращающемся процессе модернизации, обусловленном новыми потребностями экономики в быстром обмене данными, обработке значительных объемов информации, новых подходах к регулированию отношений» [9, с. 225].

При этом, говоря о проникновении инновационных технологий в общественные отношения, ряд исследователей утверждает важность «соблюдения баланса между новейшими технологиями и традиционными гуманитарными составляющими» [15, с. 153].

Актуально также суждение Н. И. Алексеевой о том, что «определяющим фактором развития общества на современном этапе являются информационные ресурсы. Они влияют на социальные связи, способы коммуникации и механизм правового регулирования, в том числе и на его эффективность» [5, с. 228].

Прогресс и скорость внедрения, постоянная модернизации программных продуктов, позволяющих оптимизировать взаимосвязи между институтами, корпорациями, различными отраслями и органами власти всех уровней, способствует достижению высокой эффективности функционирования всей государственной системы в целом и каждого ее органа в частности. По мнению С. В. Марихина, Ю. В. Дячук и А. М. Дячук, «тенденции цифрового развития обязывают также на законодательном уровне учитывать цифровизацию отраслей при подготовке нормативных правовых актов» [12, с. 147]. При этом необходимо отметить, что не только с точки зрения практики использования инновационных программных продуктов, но и «перед юридической научной общественностью ставятся вопросы о том, как соотносится в информационном пространстве информационное право и цифровое, что такое “цифра” не только с технической точки зрения, но и с правовой» [14, с. 76].

Цифровая трансформация происходит на всех административных уровнях, становится частью национальной политики России и охватывает практически все отрасли народного хозяйства. В связи с этим исследователи отмечают, что «первоочередными задачами, стоящими перед всеми звеньями сети потребителей цифровых информационных услуг, является безопасность полученных данных и обеспечение легитимного адресного доступа к ним лишь уполномоченных лиц» [17, с. 267]. Еще одну актуальную задачу составляет повышение цифровой грамотности потребителей информационных услуг, а также пользователей, осуществляющих работу в программном продукте, в связи с преобладанием «профессиональных кадров на начальных этапах внедрения технологий нового поколения, не подготовленных к новым стандартам» [10, с. 206]. Ряд исследователей отмечает «двойкий процесс: проникновение цифровых технологий в область юриспруденции, а также необходимость правовой регуляции пространства информационных технологий» [16, с. 202].

Таким образом, в сложившейся на сегодняшний день ситуации общество нуждается, с одной стороны, в компетентных и профессионально подготовленных специалистах, а с другой — в системе обучения ра-

боте с инновационными информационно-коммуникационными системами, позволяющими гражданам реализовывать и защищать свои конституционные права [1] при помощи современных компьютерных технологий.

Процесс всесторонней цифровой экспансии не обошел стороной и органы прокуратуры России. Развитие цифровой инфраструктуры и информатизация прокурорской деятельности оказали в последнее время существенное влияние на уровень знаний, умений и навыков современного специалиста надзорной деятельности в части работы с ведомственными информационными сервисами и компьютерной грамотности. Освоение внедряемых высокотехнологичных программных продуктов требует от современного прокурора высокой обучаемости и самодисциплины. Квалификационные требования, предъявляемые к получающему назначение прокурорскому работнику, обязывают его знать «правила ведения делопроизводства, в том числе в условиях электронного документооборота, основы систематизации законодательства, учета и статистической отчетности в органах прокуратуры, порядок работы с информационными системами, эксплуатируемыми в органах прокуратуры Российской Федерации, а также методики осуществления надзора с использованием информационно-коммуникационных технологий» [4; 13, с. 38 – 39].

Такие квалификационные характеристики обусловлены приведением компетенций прокуроров в соответствие с установленными законодательством требованиями [2], а также осуществляемой цифровой трансформацией органов прокуратуры России. Одна из целей этой трансформации состоит в «создании условий готовности к изменениям в общественно-политической и экономической ситуации, связанным с переходом к цифровой экономике, и переходе к сервисной модели владения собственной цифровой инфраструктурой и ее развития» [3].

На данном этапе общего развития цифровой инфраструктуры своеобразным «армированием» системы поддержания законности и правопорядка органами прокуратуры является работа по повышению квалификации и всестороннему личностному развитию высокопрофессионального юридического корпуса прокуроров. По мнению С. И. Литвиненко, «наибольшую актуальность в современных условиях для осуществления качественного прокурорского надзора имеют специальности экономической направленности: бухгалтерский учет, аудит, бюджетирование, управление закупками для государственных и муниципальных нужд» [11, с. 3].

Все перечисленные компетенции невозможно сформировать без поэтапного и качественного практико-ориентированного обучения прокуроров навыкам цифровой грамотности и работы в современных программных продуктах, обеспечивающих анализ деятельности, взаимодействие и контроль поднадзорных и внутриведомственных систем обработки данных. В создавшихся условиях на первое место выходит формирование парадигмы непрерывного образования, позволяющей поддерживать и обогащать актуальными знаниями и умениями прокуроров на всех этапах их трудовой деятельности.

Одной из положительно зарекомендовавшей себя технологией в системе повышения квалификации прокурорских работников является использование информационных платформ для удаленного мониторинга полученных в ходе обучения компетенций. «Оценка знаний и умений прокуроров по изученным в ходе повышения квалификации направлениям надзорной деятельности позволяет в индивидуальном порядке разработать план воспитания и обучения каждого отдельного работника на местах при взаимосвязи кадрового подразделения — районного прокурора, его заместителя, наставника и молодого специалиста» [7, с. 165].

8

Такая архитектура взаимодействия в системе повышения квалификации, в том числе на базе информационно-коммуникационных образовательных платформ, способствует совершенствованию имеющихся у молодого специалиста знаний и эффективному формированию профессиональных навыков.

Обучение специалистов прокурорской деятельности «информационно-технологической грамотности» особенно актуально в условиях постепенного перехода от бумажного документооборота и замещения ряда функций делопроизводства информационно-цифровой средой с целью исключения технических ошибок, а также возросшей цифровизации в ряде сфер прокурорской деятельности, обеспечивающих эффективное функционирование прокуратуры.

Параллельно с этим «использование цифровых средств обучения позволяет осуществлять оперативный мониторинг, проводить аналитическую деятельность с целью дальнейшего совершенствования содержания образовательных программ в системе повышения квалификации» [6, с. 317].

Также следует отметить, что сложившаяся на сегодняшний день внешнеполитическая обстановка и санкционное давление на Россию со стороны недружественных стран Запада, безусловно, оказывают некоторое негативное влияние на развитие цифровой инфраструктуры страны. Вместе с тем политика импортозамещения, проводимая правительством России, и разработка отечественного программного обеспечения — от привычных информационных оболочек офисных пакетов до систем работы с большими базами данных — позволяют не отставать и даже несколько опережать зарубежные аналоги. Имеющийся интеллектуальный и научный потенциал даст возможность в кратчайшие сроки устранить незначительные трудности, с которыми столкнулась отечественная сфера IT-технологий. Также этому в немалой степени способствует внедрение систем удаленного обучения в период пандемии 2020–2021 гг., позволившее трансформировать классическую систему очного и заочного образования в комплексную высокотехнологичную форму профессиональной подготовки с использованием дистанционного обучения.

На основе последних достижений в указанных сферах в системе прокуратуры России разработана двухконтурная система удаленного обучения открытого и закрытого типа. Система закрытого типа пред-

полагает такие формы удаленного взаимодействия, как видео-конференц-связь и система межведомственного взаимодействия, позволяющая делать запросы и получать ответы на обращения из органов государственной власти в электронном виде.

Система открытого типа предполагает использование информационных платформ посредством сети Интернет для оценки знаний и умений прокурорских работников в процессе профессиональной переподготовки, исключая работу с персональными данными, а также с данными, составляющими служебную и охраняемую законом тайну.

Системы открытого контура и технологии удаленного сбора и обработки информации в последние годы стали неотъемлемой частью практически всех образовательных и исследовательских институтов. Проведение опросов, анкетирования, удаленная проверка знаний, а также тестирование респондентов с использованием информационных платформ в цифровой образовательной среде показали свою эффективность и эргономичность.

Апробация таких информационных платформ в системе органов прокуратуры России впервые была проведена в прокуратуре г. Санкт-Петербурга. Алгоритм данной работы подробно рассмотрен в ряде научных публикаций, она обсуждалась на научных конференциях и положительно зарекомендовала себя в ряде прокуратур других субъектов Российской Федерации.

Результатом полного перехода межведомственного и внутриведомственного взаимодействия на цифровую платформу станет универсальная автоматизированная программная оболочка, которая благодаря своим функциональным параметрам сможет осуществлять целый комплекс вспомогательных вычислительных и алгоритмированных работ, высвобождая тем самым человеческий и временной ресурсы для точечной целенаправленной контрольно-надзорной деятельности, обеспечиваемой, как и прежде, высоким профессионализмом, личными и деловыми качествами прокуроров России.

Развитие такой системы позволит в кратчайшие сроки, например при обращении гражданина в органы прокуратуры о нарушении его социальных или трудовых прав, с учетом проведенного мониторинга и анализа состояния законности принять меры прокурорского реагирования в рамках целостного подхода и в совокупности решать в правовом поле все взаимосвязанные вопросы реализации взаимных прав и обязанностей конкретного работодателя и работника. Кроме того, в рамках такой системы станет возможным маркировать проблему применительно ко всей поднадзорной территории, прогнозировать вероятность возвращения к неправомерному состоянию трудовых отношений и разрабатывать меры по профилактике нарушений и совершенствованию правовых регуляторов.

Комплексность мер прокурорского реагирования, помимо прочего, предполагает необходимость постановки вопроса о дисциплинарной, административной, уголовной ответственности виновных лиц, а также надзорное сопровождение принудительного фактического исполнения

решения суда по иску прокурора в соответствии с законодательством об исполнительном производстве и в установленные сроки. Использование цифровой инфраструктуры в перспективе должно существенно повысить мобильность реализации перечисленных полномочий прокурора. На сегодняшний день приоритетными направлениями применения цифровых систем являются решение проблем конкретных граждан, обратившихся за защитой своих прав в органы прокуратуры, адресная точечная помощь, выявление на основе анализа системных просчетов в функционировании органов исполнительной власти и их устранение мерами прокурорского реагирования.

Приведенный маршрут построения цифровой трансформации органов прокуратуры базируется на единых, определенных законодательством принципах оптимизации, консолидации, надежности, стандартизации, унификации, виртуализации, модульности, импортозамещения, единой модели данных и информационной безопасности. Работа по возведению такой мощной и сложной структуры требует слаженности всех структурных подразделений органов и организаций прокуратуры, глубокой аналитической и методической работы, которая формирует основу построения высокотехнологичной контрольно-надзорной деятельности прокуратуры новой формации.

Для решения таких на первый взгляд сложных задач прежде всего необходимо проводить комплексную работу по обучению прокурорских работников и государственных гражданских служащих в информационно-цифровой среде с самого начала их трудовой деятельности. Это относится и к студентам образовательных организаций прокуратуры России, где целесообразно с начальных курсов вести обучение основным программам, которые в дальнейшем будут ими использоваться в процессе трудовой деятельности при поступлении на службу.

При получении информационно-технологических знаний в рамках вузовской подготовки, в том числе в условиях цифровой образовательной среды, внимание вновь назначенного прокурорского работника будет ориентировано не на изучение специализированного программного обеспечения, а на освоение контрольно-надзорной деятельности. Последнее достигается благодаря использованию существующей многоуровневой ведомственной программы психолого-педагогического сопровождения, направленной на стимулирование нравственного, интеллектуального и эмоционального развития, самостоятельности и формирование навыков прокурорской деятельности молодого специалиста органов прокуратуры посредством практико-ориентированного обучения.

Также немаловажным аспектом является поэтапная профессиональная переподготовка прокурорских работников и государственных гражданских служащих, имеющих продолжительный стаж в органах и организациях прокуратуры, с целью их скорейшей адаптации в условиях цифровой трансформации.

Все описанные мероприятия по развитию и модернизации цифровой инфраструктуры невозможны без обучения ведомственных специалистов по кибербезопасности. Обеспечение безопасности баз данных,

их дублирование, сохранение личных и персональных данных прокурорских работников, федеральных государственных гражданских служащих, а также граждан должны осуществляться в строгом соответствии с нормами российского законодательства.

Не вызывает сомнения и то, что нынешняя внешнеполитическая обстановка требует от каждого представителя государственной власти особой бдительности при работе с информацией. Недопущение несанкционированного допуска к базам данных, их утечки, поражения цифровой инфраструктуры вирусным программным обеспечением, а также иных подобных факторов риска должно стать нормой для каждого работника. Осознание ответственности и высокая правовая дисциплина, строгое соблюдение правил информационной безопасности и норм Кодекса этики прокурорского работника — вот основа информационно-психологического противоборства внешним угрозам. Именно эти факторы формируют положительный имидж работников российской прокуратуры среди коллег и граждан.

В процессе дальнейшего развития цифровой инфраструктуры профессиональная подготовка специалистов по обеспечению информационной безопасности и развитию нейросетей может стать перспективным направлением подготовки кадров для органов прокуратуры, равно как и подготовка специалистов по экономической безопасности. Обучение таких специалистов будет целесообразно проводить с привлечением высококвалифицированных преподавателей профильных вневедомственных вузов или на базе специализированных кафедр по вопросам безопасности информации, поддержания и развития цифровой инфраструктуры, создаваемых в образовательных организациях прокуратуры России. Выпускаемые специалисты обеспечат защиту и бесперебойную деятельность цифровых сервисов, от которых зависит эффективная информационно-аналитическая работа органов и организаций прокуратуры Российской Федерации.

Проведенный анализ основных задач, стоящих перед органами прокуратуры России в рамках проводимой государственной цифровизации, позволил сформулировать предложения, которые, на наш взгляд, окажут положительное влияние на деятельность органов прокуратуры.

1. Разработать и внедрить в контрольно-надзорную деятельность органов прокуратуры нейронную сеть, способную методом логического анализа выявлять возможные нарушения федерального законодательства в деятельности органов исполнительной власти. В перспективе аналогичная система может быть использована для оперативного мониторинга сети Интернет, например с целью поиска материалов экстремистской направленности. Актуальность построения такого рода программного обеспечения находит отражение в трудах Т. С. Волчецкой, по мнению которой «цифровое пространство долгое время оставалось серой зоной, где фактически не обеспечивалась защита прав и законных интересов граждан» [8, с. 200]. Процесс построения такой цифровой инфраструктуры будет достаточно сложным и трудоемким, но

ее внедрение позволит уравновесить масштабы исследуемого информационного пространства и кадровые ресурсы высокопрофессиональных юристов, проходящих службу в органах прокуратуры России.

2. Унифицировать и синхронизировать аналитические данные, предусмотренные существующими нормативными документами в рамках ведомственной отчетности по всем направлениям надзорной деятельности за год, полугодие, квартал и т. д., которые будут коррелировать с данными ведомственной и межведомственной правовой статистики.

3. В качестве экспериментального модуля разработать информационно-аналитический ресурс, позволяющий при помощи искусственного интеллекта в тестовом режиме производить логический анализ нормативно-правовых актов и материалов надзорных производств на предмет выявления возможных несоответствий и ошибок, который будет использоваться прокурорами в качестве инструмента вспомогательного объективного контроля.

4. В рамках модернизации кадрового сопровождения разработать программный продукт с интуитивно понятным интерфейсом, который позволит систематизировать и унифицировать многоуровневую архитектуру кадрового обеспечения в рамках электронно-цифрового делопроизводства и выступит в качестве одного из внутренних обеспечивающих модулей контроля и учета работы с личным составом, и в первую очередь с молодыми специалистами, прокуратуры России.

5. Для повышения эффективности и объективной оценки деятельности вновь принятого прокурорского работника начиная от момента трудоустройства в органы прокуратуры, разработать информационно-аналитическую модель виртуального личного кабинета прокурорского работника, в котором будет производиться синхронизация выполняемых функций с имеющимися показателями ведомственной статистики органов прокуратуры, иных правоохранительных органов и органов исполнительной власти.

6. С целью объективного контроля освоения молодым специалистом индивидуального плана воспитания и обучения внедрить в предлагаемую выше программную оболочку модуль «Электронный дневник молодого специалиста (планинг)», который позволит в режиме реального времени проанализировать, дополнить или скорректировать индивидуальный план повышения квалификации.

7. Активизировать деятельность по обучению населения использованию информационных ресурсов для взаимодействия с органами государственной власти.

8. На постоянной основе проводить обучение и переподготовку работников органов прокуратуры России в сфере высоких технологий при работе с информационными ресурсами.

Комплекс предложенных мероприятий, на наш взгляд, оптимизирует работу органов прокуратуры России и будет содействовать укреплению законности и правопорядка в нашей стране. Развитие цифровой инфраструктуры повысит объективность получаемой органами проку-

ратуры информации для проведения анализа состояния законности, обеспечения объективности и справедливости при принятии решений, от которых может зависеть судьба отдельно взятого человека или общества в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17.01.1992 г. №2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») : приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 г. №627 (ред. от 25.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ней прокуратуры : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.03.2023 г. №227. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Алексеева Н.И. Цифровые технологии как средство повышения эффективности правового регулирования // Образование и право. 2021. №5. С. 227–231. doi: 10.24412/2076-1503-2021-5-227-231.

6. Алексеева Ю.Б. Повышение квалификации прокурорских работников как приоритетное направление кадрового обеспечения прокуратуры России: практика прокуратуры г. Санкт-Петербурга // Образование и право. 2022. №11. С. 315–318. doi: 10.24412/2076-1503-2022-11-315-318.

7. Алексеева Ю.Б., Шабаров Д.В. Цифровые технологии в системе профессиональной переподготовки прокурорских работников: теоретический и прикладной аспект // Формирование цифровой экономики и развитие сквозных цифровых технологий в России как императив новой парадигмы экономического роста. Самара, 2023. С. 165–177.

8. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В. Прикладные аспекты противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве и особенности их профилактики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, №6 (127). С. 194–201. doi: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.194201.

9. Заржицкая Л.С. Проблемы внедрения электронных инструментов в сфере трудовых правоотношений // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VI межвуз. студ. науч. конф. М., 2022. С. 225–229.

10. Кованов Е.С. Искусственный интеллект как совершенная система оказания юридической помощи // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2022. С. 203–207.

11. Литвиненко С.И. Прокурор новой формации // Законность. 2020. №9 (1031). С. 3–5.

12. Марихин С.В., Дячук Ю.В., Дячук А.М. Психологические особенности работы государственных служащих в условиях цифровизации // Заметки ученого. 2023. №2. С. 146–148.

13. Надин А.Н. Высокие квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам на должности прокуроров, — одна из гарантий создания профессионального корпуса прокурорских работников // Российское государственное управление. 2020. №2. С. 31–51.

14. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. №5. С. 75–87. doi: 10.31857/S013207690009678-7.

15. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. №10. С. 151–159. doi: 10.31857/S102694520012242-7.

16. Леонтьев А.Н., Леонтьева Е.Ю., Селезнева И.Г., Сухова А.С. Цифровизация права: направления и этапы становления // Право и государство: теория и практика. 2022. №1 (205). С. 202–204. doi: 10.47643/1815-1337_2022_1_202.

17. Шабаров Д.В., Повжик О.Г. Цифровые технологии в системе повышения квалификации прокурорских работников России // Образование и право. 2022. №7. С. 266–269. doi: 10.24412/2076-1503-2022-7-266-269.

Об авторах

Дмитрий Валентинович Шабаров — прокурор отдела кадров, прокуратура г. Санкт-Петербурга, младший советник юстиции, Россия.

E-mail: shabarovdv@mail.ru

Юлиана Борисовна Алексеева — начальник отдела кадров, прокуратура г. Санкт-Петербурга, советник юстиции, Россия.

E-mail: alekseevayb@mail.ru

Олеся Григорьевна Повжик — заместитель начальника Правового управления Правительства Псковской области, Россия.

E-mail: olesia-tdk@mail.ru

D. V. Shabarov¹, Yu. B. Alekseeva¹, O. G. Povzhik²

DIGITAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN PROSECUTION BODIES: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

¹ Prosecutor's Office of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

² Legal Department of the Government of the Pskov Region, Pskov, Russia

Received 2 May 2023

Accepted 24 June 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-1

To cite this article: Shabarov D.V., Alekseeva Yu. B., Povzhik O.G., 2023, Digital transformation of Russian prosecution bodies: current status and development prospects, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 5–15. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-1.

The article discusses the development and implementation of digital technologies in the supervisory activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The main aspects of the state policy on the digital transformation of the bodies and organizations of the Russian Prosecutor's Office have been studied. The authors focus on general trends in the informatization of prosecutorial activities for the purpose of strengthening legality and maintaining law and order. The experience of the effective implementation of informational platforms in the Prosecutor's Office of St. Petersburg, providing for the qualification improvement and know-

ledge assessment of prosecutors, is presented. In addition, the article reflects the digital transformation of the prosecution authorities in the context of the 2020 – 2021 pandemic. and sanctions pressure from unfriendly countries against the backdrop of the current foreign policy situation. The relevance of training specialists in information security and the protection of the digital infrastructure of the Prosecutor's Office of the Russian Federation is substantiated. The article identifies the main directions of developing the system of prosecutors' qualification enhancement in the context of a practice-oriented digital educational environment. An analysis of tasks within the digitization of supervisory activities is conducted, and proposals are formulated to enhance the efficiency and optimize both departmental control by the Russian Prosecutor's Office and information-analytical and monitoring activities during supervisory measures.

Keywords: prosecutor's office, digitalization, transformation, information environment, supervision

15

The authors

Dmitry V. Shabarov, Prosecutor of the Human Resources Department, Prosecutor's Office of St. Petersburg, Russia.

E-mail: shabarovdv@mail.ru

Yuliana B. Alekseeva, Head of the Human Resources Department, Prosecutor's Office of St. Petersburg, Russia.

E-mail: alekseevayb@mail.ru

Olesya G. Povzhik, Deputy Head of the Legal Department of the Government of the Pskov Region, Russia.

E-mail: olesia-tdk@mail.ru

В. А. Илюхина

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

Академия ФСИН России, Рязань, Россия
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию 28.05.2023

Принята к публикации 16.07.2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-2

16

Для цитирования: *Илюхина В. А.* Классификация доктринальных принципов права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 16–25. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-2.

Отмечаются специфические черты доктринальных принципов права, осложняющие процесс их классификации. На основе позитивистского правопонимания предлагаются три авторские классификации доктринальных принципов российского права. Первая классификация основывается на таких критериях, как источник происхождения и источник, в котором сформулирован доктринальный принцип. Критерием второй классификации доктринальных принципов права является признание научным сообществом. В рамках третьей классификации доктринальные принципы выделяются в зависимости от сферы общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип.

Ключевые слова: доктринальные принципы права, принципы позитивного права, классификация, идея, позитивистское правопонимание

Введение

В юридической науке проблема классификации принципов права стала разрабатываться одновременно с проблемой принципов права в целом. К настоящему времени устоялись две основные классификации принципов права, а именно по сфере регулирования [1, с. 105–106; 12, с. 24–26; 19, с. 228–230] и по источнику закрепления принципов [4; 6; 20, с. 231–250]. В первом случае принципы делятся на общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые (иногда выделяют и принципы институтов), во втором – на конституционные принципы, не продублированные в отраслевом законодательстве, конституционные принципы, продублированные в отраслевом законодательстве, и принципы права, закрепленные только в отраслевом законодательстве.

Следует учитывать, что кроме принципов позитивного права (собственно принципов права) существуют также важные правовые идеи, которые не нашли прямого закрепления в текстах нормативных право-

вых актов именно в качестве принципов, основополагающих идей отрасли права, нескольких отраслей или правового регулирования в целом. Такие идеи являются доктринальными принципами права. Доктринальные принципы права представляют собой теоретический конструкт, не объективированный в правовой реальности и относящийся, как верно отметила Е.А. Лукашова, к сфере правосознания [8, с. 21]. К аналогичному выводу пришел Д.А. Фурсов, исследуя принципы арбитражного процессуального права. Он полагает, что если принцип не имеет нормативного закрепления, то он относится не к принципам права, а к принципам правосознания [21, с. 360–361]. В.М. Семенов также писал, что до закрепления в праве принципы права таковыми не являются — «они представляют собой принципы науки или правосознания, политики или идеологии, но не принципы права» [18, с. 47].

17

По нашему мнению, доктринальные принципы права — это социально значимые идеи, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных работах и иных текстах, а также в публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления.

Доктринальные принципы не играют и не могут играть непосредственную роль в правовом регулировании общественных отношений, однако их роль весьма высока в правотворчестве и отчасти в правоприменении. Все нормативно закрепленные в действующем законодательстве принципы права когда-то были доктринальными. И естественно, законодатель, принимая нормативные правовые акты, исходит из уже сформулированных в науке идей. Что касается правоприменения, то суды при мотивировании своих актов активно ссылаются не только на принципы позитивного права, но и на доктринальные принципы.

Несмотря на все вышесказанное, до настоящего времени не предпринималось попыток сформулировать классификацию доктринальных принципов права. В данной работе мы восполним этот пробел.

Основные проблемы классификации доктринальных принципов

Как и любое другое сложное явление правосознания и права, доктринальные принципы могут быть классифицированы по разным основаниям. Прежде чем перейти к классификации доктринальных принципов, необходимо выделить их особенности, влияющие на возможность классификации, создающие определенные проблемы при классификации доктринальных принципов.

Если принципы позитивного права — явление стабильное, обеспечиваемое стабильностью самого законодательства, то доктринальные принципы права — явление динамичное. Динамичность доктринальных принципов проявляется в том, что в любой момент они могут превратиться в нормативно закрепленные. Чаще всего это происходит в процессе создания новых кодифицированных актов. В новом кодексе всегда имеет место иная совокупность принципов права, чем в предыдущем аналогичном кодифицированном акте. Однако доктринальные

принципы могут переходить в принципы позитивного права и вне кодификационных процессов, а в ходе реформирования отраслевого законодательства. Так, например, произошло с принципом разумного срока судопроизводства (в 2010 г. он был закреплен в ст. 6.1 УПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ и ст. 6.1 ГПК РФ) и с принципом добросовестности (в 2012 г. он был закреплен в ч. 3 ст. 1 ГК РФ).

Также законодатель в связи с изменившимися конкретно-историческими условиями может отказаться от некоторых нормативно закрепленных принципов. Тогда они переходят в разряд доктринальных. Как правило, это происходит в ходе кодификационных процессов. Например, в ГПК РСФСР 1964 г. произошел отказ от принципа разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности — руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства, закрепленного в ст. 3 и 4 ГПК РСФСР 1923 г. и бывшего относительно кратковременным порождением соответствующей исторической эпохи, когда революционное правосознание являлось источником права. Другим примером может служить отсутствие в постсоветских процессуальных кодексах нормативного закрепления принципов объективной истины и процессуальной активности суда, характерных для советского права.

Следует понимать, что количество принципов позитивного права хотя и велико, но ограничено перечнем, который закреплен в текстах нормативных правовых актов. Количество доктринальных принципов не ограничено какими-либо рамками. Более того, даже подсчитать их общее число проблематично.

Принципы позитивного права обладают определенностью постольку, поскольку они сформулированы в текстах нормативных правовых актов. Также они маркированы законодателем именно в качестве принципов или основных начал соответствующей сферы правовой регуляции, законодательства, отрасли права. Нарушение принципов права, как и других правовых норм (а принципы позитивного права являются хотя и специфическими, но правовыми нормами), влечет за собой правовые последствия.

Содержание доктринальных принципов зависит от субъекта, осуществляющего их толкование. Причем один и тот же субъект может в разные моменты истолковать один и тот же доктринальный принцип по-разному. И это не будет нарушать какие-либо нормы права, не будет иметь правовых последствий.

По сути, классификация доктринальных принципов — это классификация идей. Как правило, идеи могут классифицироваться по каким-либо признакам, связанным с их содержанием. Однако нас интересует классификации доктринальных принципов в целом как определенного явления правосознания. Соответственно, теоретически классифицировать их по содержанию можно (например, выделить доктринальные принципы, имеющие отношение к конкретным отраслям права), но это не будет иметь какого-либо практического и даже теоретического значения.

Наконец, еще одной проблемой классификации доктринальных принципов состоит в том, что одна и та же идея может быть нормативно закреплена в одной отрасли права (то есть являться принципом позитивного права), а в другой отрасли не иметь нормативного закрепления (то есть представлять собой доктринальный принцип). Например, принцип справедливости нормативно закреплён только в ст. 6 УК РФ и в п. 3 ст. 6 и в ст. 9 КАС РФ (причем в КАС РФ он идет в сочетании с принципом законности), принцип гуманизма — в ст. 7 УК РФ и ст. 8 УИК РФ, а принцип добросовестности — в ч. 3 ст. 1 ГК РФ. Соответственно принцип справедливости выступает собственно принципом права только для уголовного и административного процессуального права, принцип гуманизма — только для уголовного и уголовно-исполнительного права, принцип добросовестности — для гражданского права. Для всех прочих отраслей российского права они являются исключительно доктринальными принципами.

Учитывая указанные ранее проблемы, перейдем непосредственно к классификациям по разным признакам доктринальных принципов права.

Виды доктринальных принципов права

Первая классификация.

Критерии — источник происхождения и источник, в котором сформулирован доктринальный принцип.

1. Доктринальные принципы, сформулированные в нарративах учеными, политиками и иными субъектами и нашедшие отражение в судебной практике:

— выводимые из содержания и смысла нормативного правового акта и/или их совокупности путем авторского толкования текста. Примеры: принцип диспозитивности, принцип транспарентности, принцип запрета поворота к худшему, принцип процессуальной экономии и др. Выделение таких принципов обычно проводится исследователями, придерживающимися позитивистского правопонимания и воспринимающими их в качестве принципов позитивного права. Однако данный подход является, на наш взгляд, ошибочным, так как в этом случае принцип права можно будет найти едва ли не в любой статье нормативного правового акта. Мы исходим из презумпции разумности законодателя, предполагающей, что он при принятии нормативного правового акта прекрасно осознавал, какие идеи являются основополагающими, а какие — нет. Соответственно, наиболее важные идеи он маркировал в качестве принципов права или основных положений. И в этой ситуации не нужно путем доктринального толкования «додумывать» что-либо за законодателя, формулировать какие-либо принципы, не сформулированные законодателем;

— выводимые из общих представлений о праве должном и существующем, из идей справедливости, разумности и прочих морально-этических категорий. В качестве примеров можно привести принцип формального равенства (в трактовке В.С. Нерсесянца) [10, с. 9; 11, с. 79],

принцип справедливости, принцип разумности, принцип гуманизма и др. Акцент на такого рода принципах с отведением им ведущей роли в правовой и общественно-политической жизни делается, как правило, в рамках естественно-правового и либертарного правопонимания.

Доктринальные принципы этой группы сформулированы чаще всего в научных работах и одновременно упоминаются (реже раскрываются их содержание) в текстах судебных актов. Отметим, что в данном случае не всегда можно утверждать, что первично: текстуальное их использование в судебных актах или в исследованиях ученых.

2. Доктринальные принципы, выводимые отдельными авторами из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве. Примеры: право быть выслушанным и быть услышанным [22], принцип концентрации гражданского процесса [9], принцип процессуального формализма [13], принцип контроля государства за состоянием брачно-семейной сферы общества [7, с. 67–68], принцип двухуровневого правового регулирования семейных отношений [7, с. 68], принцип ответственности за нарушение семейного законодательства [16; 17, с. 144–155], принцип компромисса [5], принцип научной обоснованности [3] и др. Выделение такого рода доктринальных принципов не опирается ни на судебную практику, ни на подход законодателя к формулированию основополагающих идей в текстах кодифицированных актов, но в теоретическом плане они ничем ни хуже и не лучше других доктринальных принципов. Однако по сравнению с доктринальными принципами, на которые делаются отсылки в судебных актах, их практическая ценность незначительна.

3. Доктринальные принципы, названные только в судебных актах. В судебной практике крайне редко встречаются отсылки к принципам права, к их нестандартным сочетаниям или интерпретациям, сформулированным именно судебским сообществом и ранее не являвшимся предметом специального научного исследования. Объясняется это, по нашему мнению, тем, что суды в первую очередь основывают свои решения на законах, а не на принципах права, тем более доктринальных. Примерами таких принципов, их сочетаний, интерпретаций могут служить «принцип разумной необходимости в ограничении его права на свободу в целях защиты основ общества» [2], «принцип разумной достаточности – достаточности с точки зрения поставленной цели» [15], принцип логичности [14].

Обратим внимание на то, что принципы позитивного права могут существовать исключительно в письменной форме. Подавляющее большинство доктринальных принципов также существует в письменном виде. Однако первоначально они могут быть сформулированы и устно (например, высказаны Президентом Российской Федерации, иными должностными лицами, государственными и общественными деятелями в публичных выступлениях непосредственно перед гражданами или в средствах массовой информации). Как правило, устно сформулированные принципы в таком виде существуют недолго – они очень быстро получают письменное выражение.

Вторая классификация.

Критерий – признание научным сообществом.

Данный критерий чрезвычайно субъективен. Восприятие той или иной идеи в качестве правильной, значимой зависит не только от личной научной (а иногда и общественно-политической) позиции ученого, но и от принадлежности его к определенной научной школе, конкретному научному направлению, поэтому сложно определить, насколько тот или иной доктринальный принцип признается научным сообществом в целом.

Исходя из критерия признания научным сообществом можно выделить следующие доктринальные принципы права:

1. Доктринальные принципы, признаваемые научным сообществом, составляющие часть научной доктрины в целом или доктрины отдельных отраслей права. Как правило, здесь именно в силу общеизвестности и общепризнанности конкретного принципа сложно установить его авторство, хотя иногда это получается. Ученые и правоприменитель могут находить какие-либо нюансы в трактовке содержания, сфере распространения и других параметрах одного и того же доктринального принципа, но в целом сходятся в оценке самого факта его существования и роли, которую он играет или должен играть в правоприменении.

Те доктринальные принципы, которые становятся признанными в научном сообществе, в которых научное сообщество видит потенциал и может довести свои взгляды до законодателя, чаще всего имеют возможность перейти в принципы позитивного права. Именно так произошло, как мы уже отмечали ранее, с принципом добросовестности и принципом разумного срока судопроизводства.

2. Доктринальные принципы, вызывающие нейтральное отношение со стороны научного сообщества, не получившие ни серьезной критики, ни поддержки. Чаще всего принципы этого вида являются плодом индивидуального творчества автора или небольшой группы. Как правило, они формулируются исходя из толкования отдельных нормативных правовых актов или их совокупности. В качестве примера можно привести принцип ответственности за нарушение семейного законодательства, принцип компромисса, принцип научной обоснованности. Потенциал перехода таких доктринальных принципов в ряд нормативно закрепленных принципов достаточно низок.

3. Доктринальные принципы, не признаваемые научным сообществом, игнорируемые им или иногда вызывающие его отрицательное отношение:

– устаревшие принципы, которые ранее были нормативно закрепленными или составляли часть доктрины, но от которых отказались вследствие изменения конкретно-исторических условий. В качестве примера можно привести закреплявшийся в ГПК РСФСР 1923 г. принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности – руководствуясь общими началами советского законода-

тельства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства. У части исследователей и практиков негативное отношение вызывает принцип объективной истины, который был присущ советскому праву;

— экстравагантные принципы, сформулированные отдельными учеными и именно в силу своей надуманности вызывающие недоумение или негативное восприятие научным сообществом. В качестве примера можно привести принцип процессуального формализма;

— идеи, не соответствующие отечественным историческим традициям, морально-нравственным ценностям, идущие вразрез с политикой государства. Такого рода принципы провозглашаются, как правило, не столько в научных, сколько в иных целях. В качестве примера приведем идею признания однополых браков, которая активно пропагандируется представителями и сторонниками ЛГБТ-сообщества, ориентированными на иные, чем традиционные российские ценности.

Третья классификация.

Критерий — сфера общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип. Это классификация схожа с классификацией принципов позитивного права, критерием которой является сфера правового регулирования (общие, межотраслевые, отраслевые принципы права). Однако критерий, используемый для принципов позитивного права, здесь неприемлем, так как доктринальные принципы не имеют прямого регулятивного воздействия, а значит, говорить о сфере правового регулирования в данном случае некорректно.

Исходя из такого критерия, как сфера общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип, можно выделить следующие доктринальные принципы права:

1. Общие доктринальные принципы права. Примеры: принцип справедливости, принцип разумности, принцип гуманизма и др.

2. Межотраслевые доктринальные принципы права. Примеры: принцип правовой определенности, принцип непосредственности судебного разбирательства; принцип транспарентности, принцип диспозитивности и др.

3. Отраслевые доктринальные принципы права. Примеры: принцип запрещения злоупотребления российским трудовым правом, принцип ответственности за нарушение семейного законодательства и др.

Заключение

Классификация доктринальных принципов права — задача достаточно сложная как сама по себе, так и по сравнению с классификацией принципов позитивного права. Это обусловлено рядом существенных различий между доктринальными принципами и собственно принципами права. Специфика доктринальных принципов, создающая сложности при классификации, заключается в том, что это идеи, которым свойственна динамичность, количество их не ограничено, а содержание зависит от субъекта их толкования. Кроме того, одни и те же идеи в

зависимости от того, имеют ли они нормативное закрепление в качестве принципов права, могут являться принципами позитивного права для одних отраслей и доктринальными принципами — для других.

Классификация принципов права может быть проведена по разным основаниям (критериям).

По источнику происхождения и источнику, в котором сформулирован доктринальный принцип, можно выделить: 1) доктринальные принципы, сформулированные в нарративах учеными, политиками и иными субъектами и нашедшие отражение в судебной практике (среди них существуют две группы идей — выводимые из содержания и смысла нормативного правового акта и/или их совокупности путем авторского толкования текста и выводимые из общих представлений о праве должном и существующем, о справедливости, разумности и из прочих морально-этических категорий); 2) доктринальные принципы, выводимые отдельными авторами из общего анализа законодательства, доктрины и собственных представлений о праве; 3) доктринальные принципы, названные только в судебных актах.

Исходя из критерия признания научным сообществом можно выделить: 1) доктринальные принципы, признаваемые научным сообществом, составляющие часть научной доктрины в целом или доктрины отдельных отраслей права; 2) доктринальные принципы, вызывающие нейтральное отношение со стороны научного сообщества, не получившие ни серьезной критики, ни поддержки; 3) доктринальные принципы, не признаваемые научным сообществом, игнорируемые им или иногда вызывающие его отрицательное отношение (среди них существуют три группы: устаревшие принципы, которые ранее были нормативно закрепленными или выступали частью доктрины, но от которых произошел отказ вследствие изменения конкретно-исторических условий; экстравагантные принципы, сформулированные отдельными учеными и в силу своей надуманности вызывающие негативное восприятие в научном сообществе; идеи, не соответствующие отечественным историческим традициям, морально-нравственным ценностям, идущие вразрез с политикой государства).

По сфере общественных отношений, на которую распространяется или может распространяться доктринальный принцип, можно выделить: 1) общие доктринальные принципы права; 2) межотраслевые доктринальные принципы права и 3) отраслевые доктринальные принципы права.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.
2. *Апелляционное* постановление Кемеровского областного суда №22К-5606/2014 от 25 ноября 2014 г. по делу №22К-5606/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3TtZH00sJFUj/> (дата обращения: 28.05.2023).
3. *Бринчук М.М.* Научная обоснованность как принцип экологического права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. №5 (112). С. 159–162.

4. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. №2. С. 32–35.
5. Демичев А.А. Компромисс как доктринальный принцип права // Компромисс в праве: теория, практика, техника : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Н. Новгород, 2014. Т. 1. С. 333–339.
6. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. №5. С. 5–13.
7. Косова О.Ю. Семейное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2016.
8. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. №6. С. 21–29.
9. Малюкина А.В. Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
10. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
11. Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М., 2004.
12. Общая теория государства и права: Академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2 : Теория права. М., 1998.
13. Першин А.А. Формализм как принцип гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. №6 (76). С. 136–138.
14. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2015 г. по делу №А19-17095/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PgMNU76GceZR/> (дата обращения: 28.05.2023).
15. Решение Ярославского областного суда №3А-99/2022 3А-99/2022-М-687/2021 М-687/2021 от 4 марта 2022 г. по делу №3А-99/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AzICUM0V5qlv/> (дата обращения: 28.05.2023).
16. Рыженков А.Я. О доктринальных принципах семейного права (на примере принципа ответственности за нарушение норм семейного законодательства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, №2. С. 169–177.
17. Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М., 2021.
18. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982.
19. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2001.
20. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. 1 : Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2020.
21. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999.
22. Шерсток В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушников. М., 2004. С. 57–63.

Об авторе

Вера Александровна Илехина – канд. юрид. наук, доц., Академия ФСИН России, Рязань, Россия; ст. науч. сотр., Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: eva3011@bk.ru

V. A. Iliukhina

CLASSIFICATION OF DOCTRINAL PRINCIPLES OF LAW

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the RANEPА,
Nizhny Novgorod, Russia
Received 28 May 2023
Accepted 16 July 2023
doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-2

To cite this article: Iliukhina V. A., 2023, Classification of doctrinal principles of law, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 16 – 25. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-2.

25

The specific features of doctrinal principles of law, complicating the process of their classification, are noted. Based on a positivist legal understanding, three original classifications of doctrinal principles of Russian law are proposed. The first classification is based on criteria such as the source of origin and the source in which the doctrinal principle is formulated. The second classification criterion for doctrinal principles of law is recognition by the scientific community. Within the framework of the third classification, doctrinal principles are distinguished depending on the sphere of social relations to which the doctrinal principle extends or may extend.

Keywords: doctrinal principles of law, principles of positive law, classification, idea, positivist legal understanding

The author

Dr Vera A. Iliukhina, Associate Professor, The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia; Senior Researcher, Nizhny Novgorod Institute of Management, RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: eva3011@bk.ru

Н. В. Маткова

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ
ГОСОБВИНИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ
ПРИСЯЖНЫХ С ПОЗИЦИЙ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.09.2023 г.

Принята к публикации 16.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-3

26

Для цитирования: *Маткова Н. В.* Криминалистические аспекты участия го-
собвинителя в формировании коллегии присяжных с позиций ситуационного
подхода // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.
Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 26–34. doi: 10.5922/
sikbfu-2023-3-3.

Рассматриваются тактические аспекты участия прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей. Исследование направлено на выявление и анализ существующих тактических проблем участия государственного обвинителя на данном этапе судебного разбирательства и разработку предложений по их разрешению. В основу методологии исследования положен комплекс общенаучных и специальных методов, а также ситуационный подход. Обозначены тактические задачи, которые встают перед государственным обвинителем на данном этапе судопроизводства. С позиций ситуационного подхода рассмотрен процесс установления и поддержания психологического контакта прокурора с кандидатами в коллегию присяжных заседателей. Представлены пути изучения государственным обвинителем личности потенциальных присяжных. Выделены типичные ситуации отбора в коллегию присяжных заседателей. Предложено решение проблемы сокрытия потенциальными присяжными информации о себе, предполагающее выделение в рамках опроса кандидатов в коллегию присяжных заседателей ситуаций в зависимости от формы проведения опроса и вероятности лжи при ответе. Сделан вывод о том, что в основе эффективного влияния прокурора на композицию состава коллегии присяжных лежит грамотное использование им права на мотивированный и немотивированный отвод, который базируется на результатах изучения их личности.

Ключевые слова: прокурор, государственное обвинение, суд присяжных, формирование коллегии присяжных, ситуационный подход, судебные ситуации

Вопросы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уже не первый год вызывают высокий интерес в юридической науке. При этом значительное внимание уделяется проблемам деятельности государственного обвинителя на различных этапах судебного разбирательства. К настоящему моменту наибольшую научную разработку получила деятельность прокурора на этапе судебного следствия как центральной части судебного разбирательства.

Между тем для работы суда присяжных повышенную важность и сложность приобретают вопросы деятельности государственного обвинителя на этапе формирования коллегии присяжных заседателей.

Отметим, что процессуальные и криминалистические особенности деятельности участников судебного разбирательства на этапе формирования коллегии присяжных заседателей уже были предметом исследований отечественных ученых [1; 2]. Криминалистические аспекты формирования коллегии присяжных на протяжении не одного десятилетия являются предметом научных изысканий ученых из США, которые в первую очередь опираются на психолого-социологические инструменты, включающие моделирование предпочтительного присяжного заседателя, работу с фокус-группами, проведение имитационных судебных разбирательств, привлечение консультантов из области психологии, проведение опросов [3, с. 12].

В связи с этим возникает вопрос, как можно использовать богатый опыт зарубежных исследователей. Представляется, что полная экстраполяция их научных разработок невозможна по причине того, что особенности судопроизводства в России и США значительно различаются, как различаются культурные, исторические, нравственные и социальные характеристики граждан этих стран.

Между тем мы считаем, что отдельные из этих разработок могут быть успешно применены в рамках отечественного судопроизводства в случае их грамотной адаптации и способны стать основой для создания собственных криминалистических рекомендаций по вопросам участия прокурора в процессе формирования коллегии присяжных заседателей. В этом, как точно указывают Д. А. Ляхова и С. М. Коцкомбас, и будет состоять сочетание оправданных заимствований и национальной правовой традиции [4, с. 134].

На рассматриваемом этапе перед прокурором встает целый ряд тактических задач: 1) установление и поддержание психологического контакта с потенциальными присяжными заседателями; 2) изучение личности возможных присяжных; 3) эффективное влияние на композицию состава коллегии присяжных заседателей. О. Г. Бондаренко справедливо отмечает, что поверхностное отношение прокурора к участию в рассматриваемом этапе приводит к проигрышу его первого сражения в суде присяжных [5, с. 50].

Исходя из сказанного, мы видим необходимым установить проблемы, с которыми сталкивается прокурор на этапе формирования коллегии присяжных заседателей при разрешении вышеуказанных задач, осуществить анализ имеющихся подходов к разрешению этих проблем и выработать новые современные научно обоснованные решения.

Установление государственным обвинителем психологического контакта с потенциальными присяжными заседателями относится к одной из важнейших стратегических задач. Ее реализация оказывает влияние на весь ход судебного процесса. Н. Ю. Решетова при обосновании важности создания государственному обвинителю положительно-го имиджа отмечает: «При прочих равных условиях люди легче согла-

шаются с позицией того человека, который вызывает у них эмоционально-позитивное чувство, и, наоборот, труднее принимают позицию того, кому они не доверяют» [6, с. 63].

На данный момент среди криминалистов отсутствует единая позиция относительно наполнения понятия «психологический контакт» [7; 8]. Анализ существующих подходов позволил нам заключить, что под психологическим контактом прокурора с возможным присяжным понимается формирование гособвинителем определенного рода атмосферы, которой присуще обоюдное уважение и доверие взаимодействующих сторон.

28

Повышению эффективности деятельности прокурора будет способствовать использование новых методов и подходов, на что указывают также другие авторы [9, р. 2108].

В связи с этим мы полагаем, что при установлении прокурором психологического контакта с присяжным целесообразно использовать определенные тактические приемы, выбор которых обусловлен сложившейся судебной ситуацией.

Мы предлагаем выделять такие ситуации в зависимости от стадии и особенностей установления и поддержания психологического контакта [10, с. 106]. Так, можно выделить следующие: 1) ситуация создания прокурором благоприятного первого впечатления как основа установления психологического контакта; 2) ситуация установления психологического контакта государственным обвинителем с кандидатом в присяжные; 3) ситуация поддержания психологического контакта между ними в процессе отбора в коллегию присяжных; 4) ситуация возобновления прерванного психологического контакта с присяжным.

Изучение личности кандидатов в присяжные заседатели является следующей задачей, которую государственный обвинитель должен разрешить на этапе формирования коллегии присяжных.

В последние годы вопросы криминалистического изучения личности достаточно обстоятельно были исследованы в трудах отечественных криминалистов [11 – 13].

Между тем как в науке, так и на практике отсутствует единая позиция относительно того, какой из путей изучения личности кандидатов в присяжные заседатели наиболее эффективен: а) соотнесение кандидатов в присяжные заседатели с разработанным профилем желаемого присяжного; б) привлечение к непосредственному участию в судебном заседании консультантов, сведущих в области психологии и социологии; в) самостоятельное изучение прокурором личности потенциальных присяжных. Так, результаты опроса должностных лиц органов прокуратуры показали, что в качестве наиболее предпочтительного расценивается последний из вышеуказанных подходов. Однако имеющиеся в науке криминалистические рекомендации по его реализации в большинстве своем сводятся к оценке психологической совместимости потерпевшего и подсудимого с потенциальными присяжными на основе сопоставления таких показателей, как пол, возраст, уровень образования, сфера деятельности, национальность, вероисповедание, интере-

сы и др. К настоящему моменту всесторонне исследованы лишь криминалистические особенности учета гендерного и возрастного показателей состава коллегии присяжных заседателей.

В этом контексте А.Г. Власов и И.Г. Гусева рассматривают феномен гендерного подхода и возрастной клановости. Так, например, при прочих равных условиях лица противоположного пола испытывают друг к другу большее притяжение, чем лица одинакового пола, при этом между лицами одного пола имеется психологическая несовместимость, которая больше выражена у женщин. Гораздо больше на психологическую совместимость влияет возраст подсудимого: чем он ближе, тем больше совместимы лица [14].

В связи с этим весьма интересными представляются исследования американских ученых, посвященные степени влияния названных показателей на итоговый вердикт по делу. Так, в исследовании, основанном на анализе более 500 уголовных дел, по которым присяжные вынесли оправдательный вердикт, было установлено, что такие факторы, как класс, возраст, пол, раса, не оказывали значимого влияния на уровень предвзятости коллегии присяжных заседателей [15]. В другом исследовании было выявлено, что демографические факторы определяют лишь 2 % вердиктов присяжных заседателей, характеристики личности и правовые установки также оказывают слабое влияние на итоговое решение по делу [16]. Исходя из этого, поскольку отсутствует достаточная эмпирическая поддержка наличия существенной взаимосвязи между итоговым вердиктом по делу и социально-демографическими характеристиками присяжных, мы полагаем некорректным связывать с указанными характеристиками судебную перспективу по делу и руководствоваться ими при реализации прокурором права на отвод.

При изучении личности кандидатов в присяжные заседатели мы рекомендуем государственному обвинителю сместить вектор внимания на определение психологических особенностей их личности, включая выявление психологических установок, сигнализирующих о наличии у потенциального присяжного значимых для конкретной исходной судебной ситуации предубеждений, а также на установление способа обработки кандидатами информации.

В качестве путей работы государственного обвинителя по обозначенным направлениям можно выделить: а) опрос кандидатов в присяжные в порядке ч. 8 ст. 328 УПК РФ; б) поиск и проверку информации о кандидате из сторонних источников.

Прокуроры зачастую испытывают значительные трудности при формулировании тактически значимых вопросов к кандидатам в присяжные заседатели. Как правило, гособвинители формулируют вопросы общего характера, не учитывающие исходную судебную ситуацию по конкретному уголовному делу.

По этой причине представляется необходимым выделить ряд типичных ситуаций отбора в коллегию присяжных.

1. Ситуация, определенная степенью резонансности и распространения информации об уголовном деле в СМИ, а также населенностью

территории, на которую распространяется подсудность суда. В ряде ситуаций уголовное дело становится объектом пристального внимания общественности еще до начала судебного разбирательства. В таких случаях среди потенциальных кандидатов необходимо установить лица, которые уже осведомлены из сторонних источников об обстоятельствах уголовного дела, а также определить, оказали ли какое-либо влияние на них эти сведения.

2. Ситуация, определенная особенностями преступления, подлежащего рассмотрению присяжными. Предпочтительный для прокурора состав коллегии присяжных напрямую связан с категорией рассматриваемого с участием присяжных преступления.

3. Ситуация, определенная особенностями доказательственной базы, подлежащей исследованию. К примеру, при рассмотрении с участием присяжных дела о незаконном обороте наркотических средств, совершенном с использованием сети Интернет, исследованию подлежат доказательства, в основе которых лежат виртуальные следы, зачастую достаточно сложные для понимания некоторыми категориями лиц.

4. Ситуация, определенная особенностями личности подсудимого и потерпевшего. В этом случае прокурору при формировании коллегии необходимо руководствоваться результатами анализа соотношения личности подсудимого или потерпевшего с личностями кандидатов, в том числе строить прогноз возможного появления у последних симпатии к подсудимому или сочувствия к потерпевшему.

Помимо этого, неразрешенной остается проблема сокрытия кандидатами в присяжные информации о себе. На грамотный вопрос прокурора потенциальному присяжному может последовать ложный ответ, что в дальнейшем станет причиной совершения государственным обвинителем ошибок при реализации права на отвод, а также отмены приговора вышестоящей судебной инстанцией ввиду незаконного состава коллегии, которая участвовала в рассмотрении дела.

При оценке правдивости ответов потенциальных присяжных на поставленные перед ними вопросы следует также учитывать высокую степень влияния фактора «социальной желательности», под которым понимается человеческая склонность давать предпочтительные и одобряемые социумом ответы.

С нашей точки зрения, гособвинитель может решить проблему сокрытия кандидатами сведений о себе, используя ситуационный подход.

Мы выделяем следующие ситуации опроса кандидатов в присяжные в зависимости от формы его проведения и вероятности лжи при ответе на вопросы:

1. Ситуации общего опроса, где вероятность лжи минимальна.

Этот опрос подразумевает одновременное обращение гособвинителя с вопросом ко всем кандидатам в присяжные и представляет собой исходную ситуацию опроса, закрепленного ч. 8 ст. 328 УПК РФ.

Эффективность деятельности прокурора в указанной ситуации базируется в первую очередь на установлении и поддержании психологического контакта.

Вначале кандидатам в присяжные необходимо задавать самые простые вопросы, которые не нарушают личные границы опрашиваемых лиц. Следует принимать во внимание, что для подавляющего большинства из них участие в рассмотрении уголовного дела является стрессовой ситуацией. Кроме того, потенциальные присяжные вынуждены в некоторых случаях давать ответы на очень личные вопросы при совершенно незнакомых людях. В связи с этим государственному обвинителю целесообразно предварительно подготовить корректные формулировки подобных вопросов, прибегнув к рефлексии или консультации с лицом, сведущим в области психологии.

Затем необходимо перейти к пласту вопросов, которые предполагают установление более личных обстоятельств. По возможности содержание таких вопросов должно иметь достаточно обобщенный характер, чтобы, поднимая руку, кандидат мог «затеряться» среди социально одобряемых и социально не одобряемых образов, которые затрагиваются в вопросе.

При распознавании правдивых и «социально желательных» ответов также важны невербальные реакции кандидата на поставленные перед ним вопросы. Ведущему опрос гособвинителю необходимо отмечать, вызвали ли они у опрашиваемых сомнение, озадаченность, смущение, гнев, раздражение, и далее анализировать полученную таким образом информацию.

2. Ситуации частного опроса с высокой вероятностью лжи.

Такой опрос подразумевает обращение к определенному кандидату в присяжные заседатели у стола председательствующего в присутствии сторон.

Ситуацию частного опроса могут образовывать следующие обстоятельства: а) потенциальный присяжный поднял руку на вопрос, направленный на установление личных обстоятельств его жизни; б) его невербальная реакция на данный вопрос свидетельствует о вероятно возникшем у него сомнении, озадаченности, смущении, гневе или раздражении; в) предварительное изучение личности возможного присяжного свидетельствует о вероятно ложном ответе на вопрос.

Вопросы необходимо произносить вполголоса, чтобы не допустить раскрытия личных сведений кандидата в присяжные и сформировать условия для дачи им правдивых ответов.

Г.В. Карпова призывает также использовать каждый подход кандидата к столу председательствующего с максимальной эффективностью, указывая, что «наблюдение за кандидатом, подошедшим к столу председательствующего для ответа на вопрос, его реакцией на вопросы государственного обвинителя и защитника поможет обнаружить негативное отношение к государственному обвинителю, в том числе в силу психологической несовместимости» [17, с. 89].

Эффективное влияние на композицию состава коллегии присяжных. Успешное разрешение данной задачи предполагает грамотную реализацию прокурором предоставленного ему права на мотивированный и немотивированный отводы.

Очевидно, что эффективность влияния прокурора на композицию состава коллегии присяжных находится в прямой зависимости от качества изучения им личности потенциальных присяжных, результаты которого и должны послужить основой для обоснования мотивированных и немотивированных отводов.

На практике суды подходят к разрешению таких ходатайств с различной степенью строгости. Это обусловлено индивидуальным характером внутреннего убеждения председательствующего, а также низкой явкой кандидатов в присяжные заседатели. К примеру, судьи по-разному оценивают возможность негативного влияния на беспристрастность потенциальных присяжных таких обстоятельств, как вероятность привлечения их к административной ответственности, наличие юридического образования, их знакомство между собой, осведомленность о деле.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что на этапе формирования коллегии присяжных заседателей перед государственным обвинителем встают три важнейшие задачи, успешная реализация которых возможна за счет эффективных тактических решений. При этом основой принятия таких решений следует в первую очередь признать ситуационный подход.

Список литературы

1. *Тисен О.Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей (теоретические и практические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009.
2. *Спирин С.В.* Теория и практика формирования состава коллегии присяжных заседателей по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010.
3. *Волчецкая Т.С., Куркова Н.А.* Проблемы современной юридической науки и образования: вызовы XXI века // Современное право. 2020. №12. С. 11 – 14.
4. *Ляхова Д.А., Коцюмбас С.М.* «Имей мужество пользоваться собственным умом (И. Кант)»: к вопросу заимствования зарубежного опыта формирования коллегии присяжных заседателей // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2017. №24 (273). С. 129 – 134.
5. *Бондаренко О.Г.* Ошибки прокурора, допускаемые на стадии формирования коллегии присяжных при опросе кандидатов в присяжные заседатели // Криминалистика. 2022. №3 (40). С. 49 – 55.
6. *Решетова Н.Ю.* Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Психологические особенности участников уголовного процесса : сб. науч. тр. Круглого стола, Москва, 1–30 ноября 2017 года / под ред. О.Д. Ситковской. М., 2018. С. 61 – 73.
7. *Малыгина О.В., Рукавишников Г.А.* К вопросу о некоторых психологических приемах установления контакта сотрудниками органов внутренних дел с источниками оперативной информации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. №4 (45). С. 176 – 183.

8. Зверев В.О., Соколов А.Б., Половников О.Г. и др. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность в деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, №2 (77). С. 219–226.

9. Volchetskaia T.S., Primak T.K. Establishing contractual relationships: an anthropological approach // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. №11. P. 2107–2117.

10. Бедризов А.Г. Личность свидетеля как объект криминалистического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2020.

11. Бедризов А.Г., Волчецкая Т.С., Галяшин Н.В. и др. Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров. М., 2023.

12. Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности : монография. М., 2022.

13. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022.

14. Власов А.Г., Гусева И.В. Основания отстранения присяжных заседателей от участия в рассмотрении уголовного дела // Законность. 2018. №3 (1001). С. 3–6.

15. Cowley-Cunningham M. (2017). Introduction to Psychological Criminology: Jury Verdicts and Jury Research Methodology (Archived eJournal) // SSRN Electronic Journal. 2017. doi: 10.2139/ssrn.2996155.

16. Willmott D., Oostinga M. Scientific Jury Selection // Baker B., Minhas R., Wilson L. (eds.). Psychology and Law: Factbook. 2nd ed. / European Association of Psychology and Law, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/323642404_Scientific_Jury_Selection (дата обращения: 15.08.2023).

17. Карпова Г.В. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей // Криминалистика. 2018. №2 (23). С. 85–91.

Об авторе

Наталья Вячеславовна Маткова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: natalyamatkova@bk.ru

N. V. Matkova

FORENSIC ASPECTS OF THE STATE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN JURY ELECTION. SITUATIONAL APPROACH

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 September 2023

Accepted 16 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-3

To cite this article: Matkova N. V., 2023, Forensic aspects of the state prosecutor's participation in jury election. Situational approach, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 26–34. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-3.

The article considers the tactical aspects of the prosecutor's participation in forming the jury panel. The study aims to identify and analyze existing tactical issues of the state prosecutor's involvement in this stage of judicial proceedings and develop proposals for their resolu-

tion. The research methodology is based on a combination of general scientific and specialized methods, as well as a situational approach. Tactical tasks facing the state prosecutor at this stage of legal proceedings are outlined. From the perspective of the situational approach, the process of establishing and maintaining psychological contact between the prosecutor and potential jury candidates is examined. The ways in which the state prosecutor studies the personalities of potential jurors are presented. The author identifies typical situations of jury selection. A solution to the problem of potential jurors concealing information about themselves is proposed, involving the identification of situations within the jury candidate questionnaire, depending on the form of the questionnaire and the likelihood of lying in response. The conclusion is drawn that the effective influence of the prosecutor on the composition of the jury panel is based on the judicious use of their right to challenge with cause and without cause, which is grounded in the results of studying the jurors' personalities.

34

Keywords: prosecutor, public prosecution, jury trial, jury election, situational approach, judicial situations

The author

Natalya V. Matkova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: natalyamatkova@bk.ru

УДК 94(438).071+94(438).073

В. В. Долгушин

**МУЖСКОЙ БУНТ: БОРЬБА ЗА ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО
В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ АВСТРИЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

35

МАОУ СОШ №28, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.06.2023 г.

Принята к публикации 02.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-4

Для цитирования: Долгушин В. В. Мужской бунт: борьба за гендерное равенство в польских землях Австрийской и Российской империй в начале XX века: проблемы политической коммуникации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 35–45. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-4.

Рассматривается сотрудничество мужчин и женщин в рамках третьей волны феминизма в польских землях Российской и Австрийской империй на рубеже XIX – XX вв. Освещается роль отдельных мужчин в становлении первых крупных феминистских организаций. Раскрывается роль Станислава Кошутского в формировании первой массовой женской организации в польских землях. Характеризуется совместная деятельность женщин и мужчин в Лиге мужчин в защиту прав женщин и Союзе за равные права польских женщин. Проанализированы причины раскола Союза за равные права польских женщин, роль Станислава Кошутского во внутреннем конфликте Союза и его взаимоотношения с ключевыми активистками польского женского движения. Отдельно освещается политическое становление Марии Дуленбянки в галицийском сейме и ее сотрудничество с австрийскими социалистами. Рассматриваются позиции ключевых активисток польского женского движения по вопросу сотрудничества с мужчинами и с политическими партиями. Охарактеризована позиция отдельных политиков и общественных деятелей, не примыкавших ни к одной из организаций, выступавших за эмансипацию женщин для достижения национальных интересов.

Ключевые слова: женское движение, равноправие, польские земли, Польша, эмансипация

В современной историографии, освещающей борьбу польских женских организаций за достижение равноправия, в недостаточной мере рассматривается вклад мужчин в эту деятельность. Чаще всего роль мужчин раскрывается в контексте гендерного противостояния. Подобную позицию, основанную на идее «войны полов», можно оценивать как результат поляризации мнений на страницах женских периодиче-

ских изданий, таких как «Плющ» и «Руль». Идея «войны полов» показала и показывает взаимоотношения мужчин и женщин в патриархальной перспективе, предполагающей системное подчинение последних. В рамках этой концепции освободительный поворот, направленный на достижение феминистками равных прав для женщин и мужчин, нередко воспринимается как революция или как объявление войны не только естественному порядку, но и самим мужчинам. Исследование роли мужчин — общественных деятелей в феминистском движении дает возможность лучше понять суть этого поворота. Вместо исследования противостояния мужчин и женщин, противопоставления интересов тех и других более продуктивным будет исследование опыта их коммуникации и кооперации в рамках социальных механизмов того времени, так как во многом поляки и польки, участвовавшие в этих процессах, рассматривали борьбу за гендерное равенство как часть борьбы за национальное освобождение.

Исследование роли мужчин в освободительной деятельности женщин также поднимает ряд вопросов о вкладе мужчин в развитие польского женского движения, так как мужчины внесли вклад по крайней мере в формирование первых организаций. Это важно для анализа становления и развития женского движения, в частности в польских землях в начале XX в.

Источниковую базу исследования формируют материалы периодической печати. Преимущественно полемика о положении женщин в польском обществе, результатах деятельности польских женских организаций раскрывается именно на страницах периодических изданий, тем самым журналы представляют особую ценность как источник. Прежде всего следует упомянуть в этой связи оцифрованные еженедельники и ежемесячники «Руль» (Ster) [17], «Плющ» (Bluszcz) [1], «Ренессанс» (Odrodzenie) [11], издававшиеся типографиями женских организаций.

«Руль» — это ключевое периодическое издание, отражавшее взгляды польских феминисток. Журнал издавался с 1895 по 1914 г. под редакцией Паулины Кучальской-Рейншмит (1859–1921). В нем не только последовательно описывались события и механизмы взаимодействия мужчин и феминистских организаций, но и публиковались наиболее важные документы, характеризовавшие женские организации, например устав Союза за равные права женщин.

На страницах женского периодического издания «Плющ» (Bluszcz), выходящего в австрийской части польских земель, в 1910 г. развернулась дискуссия о причинах раскола Союза за равные права женщин и о роли мужчин в этом расколе.

При работе над статьей мы обращались к сочинениям таких видных представительниц женского движения, как Сесилия Валевская (1859–1940) и Романа Пахуцкая (1886–1964) [12; 20], в которых они не только высказывали свое личное мнение о сотрудничестве с мужчинами, но и приводили конкретные факты взаимодействия мужчин и женщин в процессе создания женских организаций. Также при подго-

товке использованы материалы «Антологии польских феминистских текстов 1870–1939 гг.» под редакцией Аннеты Гурницкой-Боратынской [5]. Большую ценность среди них представляют материалы, раскрывающие участие Марии Дуленбянки (1861–1919) в выборах в галицийский сейм.

В польской и отечественной историографии данной теме посвящено крайне мало исследований. Вместе с тем есть фундаментальное исследование Мацея Дуды «Надгендерная солидарность (?). Поддержка мужчин в борьбе за избирательное право» [3], посвященное вкладу в становление всеобщего избирательного права в польских землях писателя Эдварда Прондзиньского (1839–1895). Также Дуда изучал статьи журналистов Евгениуша Старчевского (1862–1927) и Яна Урбана (1874–1940) о необходимости равноправия женщин и мужчин. При этом он почти не рассматривал роль польского политического деятеля и юриста Станислава Кошутского (1872–1930) в становлении женского движения и формировании первых ключевых женских организаций.

Прежде чем говорить о вкладе мужчин в женское движение и конкретных действиях, которые совершили мужчины для женского движения, необходимо очертить круг эмансипаторов: к каким социальным группам они принадлежали, представителями каких профессий были, каких политических взглядов придерживались.

Среди эмансипаторов были родственники эмансипанток: братья (Леон Петражицкий, брат Ядвиги Петражицкой-Томицкой) или мужья (Ишполит Скимборович – муж энтузиастки Анны Соколовской; Ян Владислав Давид – муж Ядвиги Щавинской; Станислав Кошутский – муж Людвиги Яхолковской; Одо Буйвид – муж Казимиры Буйвид, урожденной Климонтович). Однако нельзя утверждать, что взгляды этих мужчин были сформированы под влиянием близких им женщин, борющихся за свои права. Большинство эмансипаторов имели дворянское происхождение, высшее образование (зачастую не одно), жили в крупных городских агломерациях. Словом, они были представителями интеллигенции.

Важно отметить, что среди мужчин, сочувствовавших женскому движению, фигурировали представители различных политических взглядов. Среди них были демократические либералы (Эдвард Прадзинский, Александр Свентоховский), социалисты (Людвик Кривицкий, Казимеж Кель-Ле-Крауз), национал-демократы (Евгений Старчевский), консерваторы (Ян Урбан).

Профессиональная и общественная деятельность эмансипаторов также характеризуется разнообразием: это были журналисты, публицисты, писатели, издатели (Александр Свентоховский), педагоги (Петр Хмелевский), библиотекари (Эдуард Славевик), юристы (Карл Дунин), преподаватели университета (Петр Хмелевский), ученые – биологи (Бенедикт Дыбовский), этнологи (Бронислав Пилсудский), бактериологи (Одо Буйвид), юристы (Леон Петражицкий), врачи (Владимир Попель). Все они занимали различные должности. Среди них были студенты (Станислав Карчевский), депутаты различных парламентов (Леон

Петражицкий, Евгений Старчевский) и профессора (Петр Хмелевский). Их должности также оказали влияние на их деятельность по обеспечению равенства женщин, позволяя содействовать женскому движению.

Важно отметить, что участие мужчин в деятельности женского движения выражалось в различных формах: теоретическое обоснование необходимости равенства мужчин и женщин, создание собственных мужских организаций, активное участие в создании женских организаций, а в иных случаях женщины сами искали союза с мужчинами, ставя национальные интересы выше гендерного равенства.

В качестве примера самостоятельной активности и массовых действий мужчин, поддерживавших эмансипацию польских женщин, следует упомянуть Лигу мужчин в защиту прав женщин, созданную в 1913 г. в австрийском Львове. О создании Лиги известно из периодического издания «Руль». В 1913 г. был опубликован текст статьи «Лига мужчин в защиту прав женщин», включавшей информацию о самой Лиге и текст-обращение, направленный ею «всем категориям организаций и союзам, как мужским, так и женским» [18, s. 97–98]. Лига действовала под руководством президиума, членами которого были Бронислав Павлевский (польский химик, дважды возглавлявший Высшую политехническую школу), Витольд Левицкий (галицийский политический деятель и писатель, бывший также членом галицийского ландтага и австрийского рейхсрата) и Игнаций Древновски (польский инженер и общественный деятель). Статья сообщала читателям, что «40 представителей различных партий: крестьян, прогрессистов, социалистов, национал-демократов и клерикалов» — дополнили ряды Лиги [Ibid.]. Там же было опубликовано обращение Бронислава Павлевского и Витольда Левицкого, настаивавших на необходимости на законодательном уровне предоставить женщинам равные права. В 9-м номере «Руля» за 1907 г. напечатана информация о функционировании ячеек Мужской лиги в Англии [9, s. 356–367]. Выпуск за 1913 г. включает заметку о конгрессе Международной мужской лиги, действовавшей с 1911 г., в заседании которой принимало участие львовское отделение [18, s. 97–98]. Это свидетельствует о том, что Лига вынесла проблему галицийских феминисток на международный уровень.

Помимо организации мужской Лиги защиты прав женщин мужчины также принимали участие в создании женских организаций. В апреле 1907 г. в Варшаве была зарегистрирована одна из первых женских организаций — Союз за равенство польских женщин. Это событие стало результатом тесного и конструктивного сотрудничества мужчин и женщин. К деятельности организации был привлечен муж одной из учредительниц, Людвика Яхолковской-Кошутской, Станислав Кошутский. Будучи автором труда «Женщина и политика» (1908) [7], в котором обосновывалась необходимость предоставления женщинам политических прав и их включения в экономические отношения, Кошутский приобрел популярность и авторитет в феминистских кругах. Одна из его важных заслуг заключалась в составлении устава организации, где излагались основные цели: «достижение равноправия женщин в

сфере воспитания и образования, экономической жизни, нравственных, правовых отношениях и помощь им в борьбе за существование», а также указаны способы их реализации — «организация собраний, съездов, опросов, информационных агентств, женские и смешанные школы, курсы, библиотеки и читальные залы, приюты для женщин и т. д.» [14, s. 206]. Кошутский был членом правления наравне с такими видными деятельницами, как Роза Брунерова, Людвика Яхолковская-Кошутская, Сесилия Валевская и др. [Ibid.]. Союз вел юридическую, политическую, педагогическую, литературную и издательскую деятельность. В рамках просветительской работы проводились встречи, на которых звучали доклады известных юристов, в том числе уже упоминавшегося выше Станислава Кошутского и Вацлава Липацевича. Кошутский и Липацевич пригласили к сотрудничеству Карла Дунина (польский юрист, специализировавшийся на экономических спорах), Мечислава Эттингера (адвокат по уголовным делам, член Высшего совета адвокатов), Генриха Коница (юрист, журналист, политический деятель, депутат Государственной думы II созыва от Плоцкой губернии, профессор Варшавского университета) и др.

Преподавательская деятельность Союза заключалась не только в теоретической работе, но и в материальной поддержке воскресной и вечерней школы для работниц, насчитывавшей своими слушательницами 300 женщин и девочек [20, s. 36]. Усилиями издательской секции Союза вышло несколько брошюр о женском движении, в том числе Станислава Кошутского «Женщина и политика» (о необходимости политических прав для женщин, 1908) [7], Карла Дунина «Права женщин в новом Гражданском кодексе» (сравнение с другими законодательными актами, 1909) [4].

Так происходило вовлечение мужчин-специалистов из разных сфер общественной жизни в просветительскую деятельность организации, что поначалу феминистками приветствовалось: они полагали, что совместная деятельность будет «способствовать повышению интеллектуального уровня женщин и поможет им в борьбе за существование», а также способствует «организации собраний, съездов, опросов, информационных бюро, женских и смешанных школ, курсов, библиотек и читальных залов, приютов для женщин, закусовых» [15, s. 275].

Однако активное участие мужчин привело к внутреннему конфликту в организации. Еще в 1907 г. стал назревать раскол среди руководителей Союза за равенство польских женщин. Из организации ушли Паулина Кучальская-Рейншмит и Изабелла Мосьченьская. Они создали Союз за равенство в правах польских женщин (СРППЖ), а затем Польское общество равноправия женщин. Их уход был вызван возросшим влиянием Станислава Кошутского — по словам Натальи Ястшембской, Кучальская-Рейншмит обвинила его в увлеченности просветительской деятельностью и отсутствии каких-либо действенных мер для достижения целей женского движения [6, s. 111].

Наталья Ястшембская в 1910 г. на апрельском общем собрании членов Союза не только выразила в своей речи гордость за впечатляющие

достижения молодой организации, особенно в области образования и издательства, но и посетовала, что один мужчина «тиранит» и «навязывает свой авторитет и волю» остальным восьми членам правления — женщинам. Она также раскритиковала уход из организации Кучальской-Рейншмит, обосновав критику «отсутствием у женщин навыков ведения рациональной дискуссии, хладнокровия в спорах и умения сопротивляться оппозиционным взглядам с тактом и осторожностью» [6, s. 111].

После ухода Кучальской-Рейншмит в течение 1907—1910 гг. организацию покинули остальные женщины — члены правления, что привело к окончательному распаду Союза и прекращению его деятельности.

Станислав Кошутский и другие общественные деятели-мужчины действительно оказали помощь в создании одной из ключевых женских организаций, что подтверждается самими активистками. Без Кучальской-Рейншмит как ключевого идеолога движения единство в Союзе сохранить не удалось, но опыт, который был передан от мужчин женщинам в образовательной, организационной и издательской деятельности, дал серьезный толчок к созданию аналогичных союзов.

Немного по-другому обстояли дела в Союзе за равенство польских женщин в австрийском Львове. Сильвия Буяк-Богуская, характеризуя Союз во Львове, в колонке «Сотрудничали» перечислила следующие имена мужчин: Людвик Кривицкий, Станислав Кошутский, В. Лапачевич, Генрик Конич, Курантовский, Поплавский, Эмиль Рапапорт, Соболевский, Вацлав Маковский, доктор Стерлинг, Казимеж Столихво, Юзеф Васовский, Станислав Кемпнер [2, s. 14]. В свою очередь, из записей Ядвиги Петражицкой-Томицкой, которая собрала данные о Союзе за равенство польских женщин во Львове, мы знаем количество женщин и мужчин — членов Союза за 1909—1914 гг. В отчете за 1909/10 г. указано 200 членов, в том числе 24 мужчины [21, s. 8], в отчете за 1910/11 г. — 238 членов, в том числе 29 мужчин [21, s. 13]; отчет за 1911/12 г. — 345 членов, в том числе 39 мужчин [21, s. 15]; отчет за 1912/13 г. — 400 членов, в том числе 35 мужчин [21, s. 19]; отчет за 1913/14 г. — 446 членов, в том числе 40 мужчин [21, s. 26]. Также Петражицкая-Томицкая перечислила мужчин, участвовавших в митингах и в дискуссии об избирательной реформе 16 мая 1914 г.

Резюме-доклады Петражицкой-Томицкой ежегодно регистрируют около 10% новых членов-мужчин, включенных в список Союза за равенство польских женщин во Львове. Их деятельность проявлялась в активном участии в митингах и дебатах. Так же было и в других организациях. Мужчины не только числились в списках, но и принимали активное участие в акциях.

Эти данные нельзя считать свидетельством того, что оформилось самостоятельное мужское движение за гендерное равенство. Большинство упомянутых мужчин за некоторым исключением редко занимались описанием личного участия или саморефлексией, поэтому нельзя однозначно говорить о самостоятельной активности.

Женское движение в польских землях Российской империи по большей части не было тесно связано ни с одной из партий. Женщины осознанно обособливались от мужчин. Например, Союз за равенство в

правах польских женщин (СРППЖ) сознательно избегал сотрудничества с политическими партиями и стремился быть политически независимым. Это объяснялось тем, что женщины опасались использования женского электората отдельными политическими партиями в своих, отличных от заявленных Союзом целях. «Жизненный опыт демонстрирует, что либертарианские партии, стремясь извлечь максимальную пользу, для достижения собственной победы всегда легко игнорируют принцип “вне различия полов”. Именно исходя из этого женские организации обязательно должны организовываться независимо и самостоятельно от политических партий. Это позволит достичь статуса равноправного союзника по отношению к другим партиям и не быть в их руках бесправным инструментом, от которого избавляются после использования», — писала Кучальская-Рейншмит в сочинении «Избирательные права женщин» [8].

Проблема гендерного равенства не входила в число приоритетных вопросов, занимавших мысли лидеров политических партий польских земель. Романа Пахуцкая, одна из самых молодых соратниц Кучальской-Рейншмит, подтверждала свою озабоченность будущим женского движения на примере Галиции, где к 1909 г. определенные категории женщин имели ограниченные избирательные права в соответствии с законом Артура Шмеллинга 1861 г. (женщины имели право голоса только по доверенности, и только если они были землевладелицами, имели докторскую степень, были учительницами либо чиновницами) [10]. Во время предвыборных кампаний в галицийский сейм для увеличения количества своих сторонников лидеры социалистических политических партий давали обещания расширить спектр гражданских и политических прав для женщин, обеспечить для них равенство во всех сферах жизни общества. Однако, получив желанные голоса, а затем заняв ключевые посты, мужчины забывали о своих обязательствах. Р. Пахуцкая пишет в «Мемуарах»: «Когда, однако же, мы начали агитацию среди женщин, принадлежащих к национально-демократической и социалистической партии, нас ожидал большой сюрприз — все отказывались. Женщины из правого крыла боялись быть осмеянными, а социалистки гордились тем, что борются за права для человека (следовательно, не называя человеком женщину), и говорили, что это может помешать им в кампании за избирательную реформу и в требовании прав для рабочих масс, в которых, как это ни удивительно, они не замечали работниц. Таким образом, правые поддержали левых в сопротивлении феминизму» [12, с. 93].

Такое мнение Пахуцкой не было всеобщим, отдельные активистки активно пользовались поддержкой мужчин в решении своих политических задач. В 1908 г. Мария Дуленбянка выдвинула свою кандидатуру на очередных выборах в сейм Галиции, поддержку в этом ей оказала Крестьянская партия Галиции (Стронництво людовое). Женщины в Галиции в то время еще не имели всей совокупности гражданских и политических прав, поэтому Дуленбянка осознавала, что победа в этих выборах для нее маловероятна, однако эта авантюра являлась в большей степени демонстрацией для привлечения внимания широкой об-

щественности к проблеме отсутствия у женщин политических прав и возможности баллотироваться в сейм. Организовать предвыборную кампанию Марии Дуленбянки помогал Тадеуш Рутовский, который, будучи лидером Крестьянской партии Галиции, имел и ресурсы, и опыт подобной деятельности. Разумеется, Мария Дуленбянка, хотя и получила 511 голосов избирателей-мужчин, депутатом не стала [16, s. 55], ее имя было вычеркнуто из списка для голосования, поскольку женщины не имели права работать в парламенте, а голоса ее сторонников были аннулированы. Вместе с тем сложившаяся ситуация не заставила ее отказаться от намерения добиться для женщин права на участие в политической жизни [5, s. 15].

В Царстве Польском с Польской социалистической партией была связана Изабелла Мосьченьская, которая в 1913 г. стала членом женской Лиги боевой готовности, действовавшей в интересах военного легиона Пилсудского (преобразована в 1928 г. в профсоюз труда «Гражданская женщина»). Так же, как и Фелиция Носсиг-Прухникова, она считала, что сотрудничество с мужчинами приведет к достижению национальных целей и позволит решить задачи женского движения [Ibid.].

Таким образом, не всегда мужчины искали сотрудничества с женщинами или стремились оказывать им помощь в достижении гендерного равенства. Как оказалось, некоторые представительницы движения сами стремились сотрудничать с мужчинами для достижения, на их взгляд, более значимых целей, чем гендерное равенство, а именно обретения польскими землями национальной независимости, после которого, как предполагалось, их ожидало вознаграждение за вклад в общее дело: достижение равенства мужчин и женщин в гражданских и политических правах.

Помимо участия эмансипаторов в деятельности организаций, необходимо упомянуть об их индивидуальной деятельности. Так, Леон Петражицкий, сотрудничая с Союзом за равноправие женщин в Российской империи, декларировал в первой Думе необходимость безусловного допуска женщин к образованию на всех его уровнях и предоставления им возможности занимать государственные должности. Такой шаг должен был, по его мнению, обеспечить государству постоянный приток просвещенных женских умов, которые будут отвечать за установление нового строя. Резюмируя его слова, можно сказать, что чем больше выбор среди потенциальных образованных работников, тем больше шансов на качественные реформы. Свобода образования и доступа к труду обеспечивалась притоком достойных и храбрых людей, которые станут работать ради всеобщего блага. «Исключить всю половину возможных кандидатов-женщин было бы очень неразумным расточительством и без этого незадействованных сил», — убеждал Петражицкий [13, s. 9].

Из вышесказанного ясно, что мотивация к переменам не предполагала индивидуальных стремлений и интересов женщин. Изменение закона должно было принести взаимную победу женщинам и обществу. Причем в выступлении теоретика права индивидуальный интерес первых был не высказан. Более важным оставался коллективный аргумент.

В 1918 г. на страницах иезуитского «Всеобщего обозрения» появилось эссе в семи частях священника Яна Урбана [19], в котором рассматривался вопрос о гражданских правах для женщин. Он считал его одним из важнейших и незавершенных вопросов XIX в. Урбан в седьмой части постулировал необходимость гендерного равенства: «...поддерживая женские стремления, мы действуем не для какого-то враждебного нам, мужчинам, класса, потому что действуем в интересах наших матерей, жен, сестер и дочерей. Помогая им, мы помогаем самим себе. Поэтому, выступая за гражданское равенство женщин, мы говорим не во имя какого-то их исключительного интереса, противопоставляемого интересам мужчин, а во имя общего блага всех. В равенстве женщин завершится работа демократизации общества» [19]. В продолжение своей мысли Урбан говорил об особенностях женщины как политической фигуры. Он утверждал, что женщины, в силу своей «сентиментальности, чувственности и религиозности», во многих вопросах компетентнее мужчин. Завершая свою мысль, автор подчеркивал, что есть много талантливых и образованных женщин, так что крайне расточительно отказываться от их помощи в построении демократического общества [19]. Тем самым он призывал мужчин дать женщинам всю совокупность политических и гражданских прав, допустить до административных и руководящих должностей, мотивируя свой призыв тем, что такие уступки приведут к всеобщему благу поляков.

Ответ на вопрос о мотивах мужчин, принимавших активное участие в женском движении, также может быть ответом и на вопрос о том, что они получали от своей активности, сотрудничая с эмансипантами и женскими организациями. В качестве выгоды было спроектировано независимое государство, происходила демократизация общества.

В заключение необходимо отметить, что в начале XX в. среди польских феминисток австрийских и российских польских земель не было единого мнения о том, нужно ли сотрудничать с мужчинами. С одной стороны, просветительская деятельность и материальная помощь способствовали поддержке женского движения, мужчины передали женщинам бесценный опыт в общественной деятельности. С другой — опасение женщин быть использованными мужчинами в их политических целях и раскол одной из первых официальных организаций, Союза за равенство польских женщин, поставили под вопрос необходимость сотрудничества мужчин и женщин для достижения равноправия. Действия мужчин в этом направлении нельзя характеризовать как окончательно оформленное движение за равноправие, это были только зачатки такого движения, сформировавшиеся до начала Великой войны и получившие в дальнейшем свое развитие.

Список литературы

1. *Bluszcz: pismo tygodniowe illustrowane dla kobiet*. 1883. R. 18, t. 19, №3. URL: <https://polona.pl/item/bluszcz-pismo-tygodniowe-illustrowane-dla-kobiet-r-18-t-19-nr-3-17-stycznia-1883,NDc2OTIxNDA/0/#info:metadata> (дата обращения: 13.03.2023).

2. *Bujak-Boguska S.* Na straży praw kobiet. Pamiętnik Klubu Politycznego Kobiet Postępowych 1919 – 1939. Warszawa, 1930.

3. Duda M. Ponadpłciowa solidarność (?). Wsparcie mężczyzn w walce o prawa wyborcze // Polek Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. 2019. №3.
4. Dunin K. Prawa kobiet w nowym kodeksie cywilnym. Skład główny w księgarni gebethnera i wolffa. Warszawa, 1909.
5. Górnicka-Boratynska A. Chcemy całego życia. Antologia polskich tekstów feministycznych z lat. 1870–1939. Warszawa, 1999.
6. Jastrzębska N. Z Pol. Stow. Równoupr. Kobiet // Odrodzenie. 1910. №7. S. 111.
7. Koszutski S. Kobieta i polityka: (o potrzebie praw politycznych dla kobiet). Warszawa, 1908.
8. Kuczalska-Reinschmit P. Wyborcze prawa kobiet. Warszawa, 1911.
9. Liga mężczyzn dla wywalczenia praw wyborczych kobiet w Anglii // Ster. 1907. №9.
10. Nasze drogi i cele. Szkic do programu działalności kobiecej. Lwów, 1897.
11. Odrodzenie: tygodnik polityczno-społeczny, literacki i artystyczny. 1910. №7.
12. Pachucka R. Pamiętniki z lat 1886–1914. Wrocław, 1958.
13. Petrażycki L. O prawa dla kobiet. Mowa wygłoszona w I Dumie rosyjskiej / przeł. J. Petrażycka Tomicka. Lwów, 1919.
14. Seidlerowa Z. Kronika działalności kobiecej // Błuszcz. 1907. №19.
15. Seidlerowa Z. Kronika działalności kobiecej // Błuszcz. 1907. №24.
16. Semczyszyn M. Wybory w kurii miejskiej we Lwowie 1861–1914 jako pretekst dla ukazania społeczno-politycznego potencjału miasta. Toruń, 2013.
17. Ster: organ równouprawnienia kobiet polskich. 1910. R. 4, №7–8. URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/250098/display/Default> (data обращения: 13.03.2023).
18. Ster: organ równouprawnienia kobiet polskich. 1913. R. 7, №13–14. URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/250065/display/Default> (data обращения: 13.03.2023).
19. Urban J. O prawa obywatelskie dla kobiet. Przegląd Powszechny. Kraków. 1918.
20. Walewska C. Ruch kobiecy w Polsce. cz. 2. Gebethner i Wolff. Warszawa, 1909.
21. Związek Równouprawnienia Kobiet we Lwowie. Przyczynek do Historii Równouprawnienia kobiet w Polsce / oprac. J. Petrażycka Tomicka. Kraków, 1931.

Об авторе

Викентий Владимирович Долгушин – учитель истории и обществознания, МАОУ СОШ №28, Калининград, Россия.
E-mail: vikentiidolgushin@mail.ru

V. V. Dolgushin

MEN'S REVOLT: THE STRUGGLE FOR GENDER EQUALITY IN THE POLISH LANDS OF THE AUSTRIAN AND RUSSIAN EMPIRES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: ISSUES OF POLITICAL COMMUNICATION

School №28, Kaliningrad, Russia

Received 6 June 2023

Accepted 2 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-4

To cite this article: Dolgushin V. V., 2023, Men's revolt: the struggle for gender equality in the Polish lands of the Austrian and Russian Empires at the beginning of the XX century: issues of political communication, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 35–45. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-4.

The article examines the cooperation between men and women during the third wave of feminism in the Polish territories of the Russian and Austrian Empires at the turn of the 19th and 20th centuries. The role of individual men in the establishment of the first major feminist organizations is highlighted. The author studies the contribution of Stanisław Kośutski in forming the first mass women's organization in the Polish territories. The collaborative efforts of women and men in the League of Men for the Defense of Women's Rights and the Union for Equal Rights of Polish Women are characterized. The reasons for the split in the Union for Equal Rights of Polish Women, Stanisław Kośutski's role in the internal conflict of the Union, and his relations with key activists of the Polish women's movement are analyzed. The political evolution of Maria Dulebianka in the Galician Sejm and her collaboration with Austrian socialists are separately discussed. Meanwhile, the article examines the positions of key activists in the Polish women's movement regarding cooperation with men and political parties. The stance of certain politicians and public figures, who did not align with any of the organizations advocating for women's emancipation to achieve national interests, is characterized.

Keywords: women's movement, equal rights, Polish lands, Poland, emancipation

The author

Vikentiy V. Dolgushin, teacher, School №28, Kaliningrad, Russia.
E-mail: vikentidolgushin@mail.ru

А. В. Стальмакова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ
КАЛИНИНГРАДСКИХ ПОЭТОВ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ:
ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Принята к публикации 03.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5

46

Для цитирования: Стальмакова А. В. Исторический нарратив в творчестве калининградских поэтов времен Перестройки: опыт контент-анализа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 46–57. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5.

В годы Перестройки в центре общественного внимания оказались дискуссии о сталинизме и советском наследии. В Калининградской области интерес к истории в этот период сместился к региональному довоенному прошлому, культурному наследию края, истории его заселения и освоения советскими людьми. Исторические темы стали одним из ведущих мотивов и в творчестве калининградских поэтов. Цель статьи – выявить «образы прошлого», которые формировали исторический нарратив в калининградской поэзии периода Перестройки. Ведущим методом исследования стал контент-анализ, выполненный с помощью программы Max QDA 2020. Источниками для анализа послужили 126 поэтических произведений 47 авторов, опубликованные с 1985 по 1991 г. «Образы прошлого» рассмотрены в статье сквозь призму отражения исторической памяти калининградцев и с использованием концепта «мест памяти». Показана динамика публикаций стихотворений по годам, охарактеризованы приоритетные исторические темы – события Великой Отечественной войны, заселение и восстановление области, судьба историко-культурного наследия. Делается вывод о том, что в период Перестройки под влиянием изменений в общественном сознании калининградцев происходит постепенное включение в поэтический текст новых исторических образов довоенного и послевоенного прошлого края с одновременной тенденцией к сохранению и частичному переосмыслению некоторых прежних компонентов советского исторического нарратива, связанных с войной и образованием Калининградской области.

Ключевые слова: историческая память, пресса, поэзия, Перестройка, контент-анализ, Калининградская область

Введение

Историческая память – многогранный феномен коллективного сознания. Французский историк Пьер Нора рассматривает формирование массовых представлений о прошлом через призму «мест памяти», которые соединяют в себе духовное и материальное и становятся эле-

ментами национального самосознания. При этом французский термин «lieu de mémoire», переведенный как «место памяти», обозначает не только историко-культурный объект в пространстве, но и совокупность определенных, устойчивых «образов прошлого», которые составляют основу исторической памяти конкретного социума. Набор таких исторических представлений, или «мест памяти», является относительно устойчивым на протяжении длительного времени и может трансформироваться в момент общественно-политических изменений [21, с. 41]. Одним из периодов трансформации стала Перестройка в СССР, с началом которой и провозглашением «гласности» в обществе развернулась дискуссия о прошлом страны и проявилось стремление к смене исторического нарратива. В центральной прессе стали обсуждаться темы сталинских репрессий, коммунистической идеологии и советского наследия. В Калининградской области этот процесс имел свои особенности. Кроме обсуждения проблем отечественной истории стало возможным обращение к довоенному прошлому, бывшему ранее под негласным запретом; началась дискуссия об историко-культурном наследии и послевоенном развитии края, что вызвало большой общественно-политический резонанс.

Трансформация исторической памяти о прошлом региона рассмотрена в работах калининградских историков И. О. Дементьева, Ю. В. Костяшова, Г. В. Кретицина, В. Н. Маслова [9; 11; 12; 14; 17] и др. В историографии выделяются три этапа формирования исторического нарратива о прошлом региона. Первый этап – период послевоенной советизации края, на протяжении которого осуществлялся курс на «изгнание прусского духа» [11, с. 9]. На втором этапе (середина 1960-х – середина 1980-х гг.) появляется ограниченная конкуренция дискурсов о прошлом, когда наряду с господствующей официальной политикой памяти возникают альтернативные представления об истории края [22; 31]. На третьем этапе, в годы Перестройки, происходит усиление альтернативного дискурса и реабилитация довоенного прошлого. Именно этот период является одним из самых интересных для понимания процесса формирования регионального исторического нарратива.

Следуя традициям Тартуско-московской семиотической школы в части понимания текста как семиотической структуры, исследователи обращаются к проблемам исторической памяти в художественной литературе региона. Так, Л. М. Гаврилина выделяет особое понятие «калининградский текст», в рамках которого происходит постоянное сравнение старого / нового, довоенного / послевоенного, «чужого / своего» [6, с. 75]. При этом важнейшим элементом она называет память о Второй мировой войне [7, с. 66]. Проявление оппозиции «своего» и «чужого» в «геопозитике города К.» рассматривают в своем исследовании Т. В. Цвигун и А. Н. Черняков [32, с. 112].

Цель настоящей статьи – выявить «образы прошлого», которые формировали исторический нарратив в поэзии калининградских авторов периода Перестройки. Поэтический текст выбран неслучайно. Если для исследования современной исторической памяти эффективны

социологические методы (опросы, интервью), то при изучении прошлого необходимо обращение к эго-документам, публицистике, прессе, художественной литературе [18, с. 8]. Согласно концепции Ю.М. Лотмана, текст, в том числе художественный, является «не только генератором новых смыслов, но и конденсатором культурной памяти» [15, с. 22]. Поэты и писатели воплощают свой художественный мир с помощью образов. Вместе с тем, будучи частью конкретного общества и испытывая влияние эпохи, они так или иначе отражают реалии окружающего их мира, мысли, чувства и настроения своих современников.

В качестве основного инструмента при изучении содержания калининградской поэзии был использован контент-анализ, выполненный с помощью программы Max QDA 2020. Контент-анализ позволяет с использованием качественно-количественных измерений выявить в тексте различные факты и тенденции [8, с. 14]. Для определения «образов прошлого» в поэзии калининградцев на первом этапе был создан частотный словарь употребления всех слов в стихотворениях. На основе наиболее часто встречающихся образов разработана следующая система категорий: Исторические темы, Историческое место, Историческое пространство и Образ города.

Стихотворения калининградских поэтов по исторической тематике были выявлены по публикациям в региональных периодических изданиях и поэтических сборниках за 1985–1991 гг. Всего было отобрано 126 стихотворных произведений: поэмы, стихи, тексты песен, частушки, которые отражали различные исторические явления и события отечественной и региональной (включая довоенную) истории (сюжеты из всеобщей истории практически отсутствовали) или выражали отношение автора к прошлому.

Распределение публикаций по годам показывает, что в начале Перестройки интерес к истории среди калининградских поэтов шел на убыль (минимум в 1987 г. — 3 произведения). Это было связано с тем, что в центре внимания людей оказались насущные социальные проблемы. Вновь интерес к истории пробуждается только с 1988-го г. (четвертого (!) года Перестройки) и достигает пика в 1990 г. (37 произведений). Именно тогда через прессу и другие СМИ советское общество оказывается вовлечено в дискуссии по спорным вопросам истории, прежде всего советской.

Исторические сюжеты в своих стихах за рассматриваемый период затронули 47 авторов. Наибольшее число таких стихотворений (свыше двух третей) принадлежало перу 19 профессиональных поэтов, членов Союза писателей России: А. Самусевич (13), В. Михайлова (10), В. Сысоева, В. Еремеева, П. Затолочного (по 9), А. Лунина (7), С. Симкина (6) и др. Еще 28 поэтов-любителей опубликовали в основном по одному-двум стихотворениям. Калининградская перестроечная поэзия имела «мужское лицо», среди авторов женщины составляли менее $\frac{1}{5}$. Больше половины поэтов принадлежало к поколению родившихся в 1930–1940-х гг., шестеро воевали в годы Великой Отечественной войны, только трое были уроженцами области, остальные в разное время переселились сюда в основном из РСФСР и Украины [2, с. 113].

Главные исторические темы

Контент-анализ поэтических текстов целесообразно начать с выявления ведущих тем, наиболее часто упоминаемых событий и исторических периодов.

При подсчете частоты употребления слов во всем массиве текстов из 126 стихотворений прежде всего бросается в глаза доминирование двух понятий: «город» и «война» (по 28 раз). Именно они чаще всего соседствуют в стихах и в сознании людей. Второе место по частоте встречаемости занимают категории времени и памяти, о чем свидетельствуют слова «напоминать» (27), «время» (21), «век» (18), «год» (11), «день» (11). При этом главным мериллом потока времени и истории выступает сам человек: «*Наше время состоит из нас, / Свято место пусто не бывает*» [28, с. 28].

Остановимся сначала на образе города, который, по сути, выступает как действующее лицо, главный герой поэтических текстов, как связующее звено между прошлым и настоящим: «*Вдохновенный после возрождения, / Он – учитель мой и мой судья; друг с лица необщим выраженьем*» [28, с. 28]

Именно в период Перестройки появляется интерес к прошлому города, отношение к которому строится на сравнении советского Калининграда, «города моряков и строителей», и «загадочного Кёнигсберга», чьи следы то и дело попадают на глаза его жителям: «*Собор старинной кладки / мелькнет в моем окне – / и весь маршрут “девятки” / напомнит о войне*» [25, с. 59]. В стихах то и дело появляются и такие символы старого города, как черепичные крыши и каштановые аллеи.

Говоря о довоенном прошлом города, поэты нередко награждают его нелестными эпитетами: «печальный», «мрачноватый», «недобрый». Кёнигсберг в первую очередь описан как место, «где война родилась / И где смерть к ней пришла» [33, с. 4]. Совсем иные истоки у наследника Калининграда, который рожден в горниле войны: «*Подарен штурмом*»; «*Родился в боях в сорок пятом*» [16, с. 29]. Похожую характеристику получили и другие города области: «*Военищину прусскую смыл ледяною волною, / Поднялся Балтийск и бушует зеленой листвою*» [10, с. 4].

Весь Калининградский край возродился «как птица Феникс – затоцвет, из пепла и огня» и стал краем «пролетарским», «рабочим», «мирным». Здесь, на берегах Балтики, с первыми переселенцами началась новая жизнь: «*С глубин России принесен / Характер русский в этот край*» [10, с. 148].

Контент-анализ позволяет не только подсчитывать частоту употребления слов, но и анализировать контекст употребления слова «город» (рис. 1). Посчитана частота слов-эпитетов, которые находились в одном предложении со словом «город». Больше всего обращают на себя внимание местоимения и прилагательные «мой», «твой», «наш», «нашенский», «родной», которые отражают завершение процесса, называемого в социологии «присвоением» чужого культурного наследия.

Напротив, каждое воспоминание о прошедшей войне порождает размышления о ее уроках, о невозможности повторения трагедии: «За обелиском обелиск, / От маленького до большого... / Какой необратимый риск / Сейчас войну готовить снова!» [23, с. 4]. Если вспомнить, что годы накануне Перестройки ознаменовались витком гонки вооружений и появлением угрозы ядерной войны, то становится особенно понятен лейтмотив стихотворения А. Самусевич «Хатынь»: «Боль на всех языках понятна... / Стать Хатынью может планета, / Если мы не пойдем друг друга» [25, с. 11]. Перед лицом погибших товарищей оставшиеся в живых должны сохранить мир: «Лежат в строю безмолвно тыща двести / И не кричат о славе и о мести. / Они с надеждой смотрят на меня» [28, с. 31].

Обращение к памяти о Восточно-Прусской операции 1945 г. для поэтов-фронтовиков и первых переселенцев становится обоснованием прав на эту землю, обильно политую кровью соотечественников; с другой стороны, это способ самоидентификации на новом месте: «Я не считаюсь здешним старожилом, / Но чтоб понять своих ошибок суть, / Я прихожу на братские могилы, / Как на товарищеский суд» [27, с. 43–46]. События конца войны, штурм Кёнигсберга отражались в текстах стихотворений как начало новой истории края и предмет заслуженной гордости новоселов: «Мы захватили город с бою... / И потрясенный этой встречей, / Притихший город узнавал / Неповторимость русской речи» [26, с. 4].

Исторические время и место в поэтическом произведении

Поэтическое произведение помещено в контекст времени и пространства. Обращение к тому или иному периоду или отсутствие упоминания о нем отражает историческую память автора. Необходимо отметить общие характеристики *исторического времени*. Контент-анализ позволил определить, что в стихотворениях превалирует история XX в. (92 % всех текстов), причем почти нет описания событий начала столетия — мировой войны 1914–1918 гг., которая как раз имела прямое отношение к истории края, революции и Гражданской войны в России. Еще 5 % стихов касаются эпохи Средневековья (посвящены почти исключительно Крещению Руси в связи с 1000-летним юбилеем).

Если обратиться к конкретным *историческим событиям*, они в основном касались военных действий (81 %). Для калининградских авторов история — в первую очередь история войн: Великой Отечественной (74 %), Афганской (5 %), Крымской (1 %) и Наполеоновских войн (1 %).

Важная для калининградской идентичности тема переселения в первые послевоенные годы и возрождения разрушенного войной края занимает 13 %. Журналист Анатолий Дарьялов, долгие годы проработавший в «Калининградской правде», в стихотворении «Калининградцы» так описывает процесс переселения: «Переселенцев поезда / Из Тулы, Брянска и Тамбова... / Был первый старенький трамвай, / Был первый плуг, поднявший пашню... / Так начинался новый край / И так кончался край вчерашний» [1, с. 47]. «Вчерашний край» — завоеванный Кёнигсберг —

в стихотворениях и частушках уступает место российскому Калининграду: «Я остался жить у моря / На краю родной земли. / Милку вызвал из Рязани, / Стали строить корабли» [4, с. 3].

С событиями истории тесно связаны упоминаемые личности (рис. 2). Важно отметить тех, кого не упоминают в стихотворениях: нет ни В. И. Ленина, ни И. В. Сталина, ни русских царей, только два полководца (оба из старых времен — П. С. Нахимов и М. Б. Барклай де Толли), а весь пантеон великих людей заполнили философы, поэты и писатели. Чаще всего среди личностей упоминается И. Кант как «гений места». Конечно, не могли не быть представлены «собратья по перу». Здесь на первом месте оказался Ф. Шиллер — не только как поэт, но и как знаковый кёнигсбергский памятник, а тот факт, что А. А. Ахматова опередила А. С. Пушкина, безусловно, стал следствием всплеска интереса к запрещенной ранее неофициальной советской литературе.

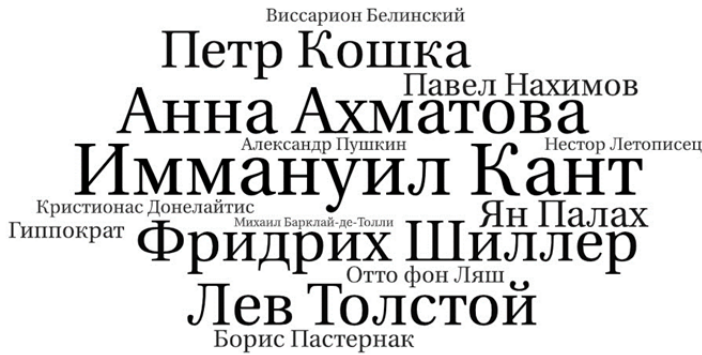

Рис. 2. Исторические личности в поэтических произведениях

Неотъемлемую часть пространства составляют объекты историко-культурного наследия (рис. 3), благодаря которым в исторической памяти формируются определенные устойчивые представления о прошлом земли, где они расположены. С другой стороны, размещение своих памятников на бывшей чужой земле, в чуждом культурном ландшафте позволяет конструировать собственную историческую идентичность.

Рис. 3. Историко-культурные объекты и архитектурные сооружения Калининграда

Наибольшее количество объектов связано со штурмом Кёнигсберга и памятью о войне — обелиски, памятник 1200 гвардейцам, башня Дона, монумент «Мать-Россия», памятник Неизвестному солдату. В то же время соотношение довоенных и советских объектов разделилось примерно поровну.

В поэзии периода Перестройки впервые появляются образы старого города и архитектурных памятников, чаще без упоминания прежних названий, в обезличенном виде. Наиболее интересный пример — стихотворение поэта и врача, почетного гражданина города Советска Яснодора (Калиниченко), посвященное сносу Альтштадтской кирхи. Шпиль здания — это «осколок прусской старины», произведение искусства, которое стало уже «привычным» для калининградца. При этом автор соглашается с необходимостью сноса частично разрушенного памятника, но в то же время жалеет о случившемся: *«И нет привычной высоты! / И сразу плоским стало небо. <...> / Пусть в том была необходимость — / И все же почему-то жаль / Погибшую неповторимость»* [34, с. 7–8].

Некоторые объекты довоенного времени обрели новую жизнь в советском Калининграде. Например, построенную в духе неоготики кирху памяти королевы Луизы, где после реставрации был размещен кукольный театр, поэт Вениамин Еремеев называет «теремом», «сказке под стать»: *«Творческой удачею зодчего Ваганова, — / Домик детский кукольный в кирху так вписать»* [10, с. 5]. Сравнение «чужого» на первый взгляд готического храма со славянским «теремом» делает здание «своим» и «родным». Другим примером служит здание Музея янтаря, которое стало для калининградцев *«подарком сказочно богатым»*. Бывший фортификационный комплекс воспринимается как *«Дворец-музей, что было сил / Служивший крепостью когда-то»* [10, с. 9].

Авторы стихов не только рассуждают о сложной судьбе памятников, но и ставят проблемные вопросы об их спасении и сохранении. Так, «Кёнигсбергский» (Кафедральный) собор назван «умирающим утопленником», которого «собирают в последнюю дорогу». При этом поэт Дмитрий Ужгин, даже желая изменить ситуацию, отмечает, что многое уже безвозвратно утрачено: *«Плыви, Собор, утопленник, святой. / Харон не перепутает погоста. / Я не смогу тебя согреть рукой / издалека. Да это и не просто»* [30, с. 8].

По облаку имен видно, что самым любимым памятником калининградских поэтов стал памятник Шиллеру. Он чаще других упоминался как символ поэзии, осколок старого Кёнигсберга в советском городе. Несмотря на то что памятник воспринимается как немецкий и «чужой», В. Еремеев подчеркивает, что бронзовая фигура Шиллера стала для калининградцев «своей», в отличие от других довоенных памятников: *«Интересны памятников судьбы, / Судьбы поднятых на пьедестал: / Переплавлен император Фридрих, / Фридрих Шиллер к нам в шеренгу встал»* [10, с. 21]. Деятели культуры отделяются от политики, их принадлежность к «своим» поэт определяет через гуманистические ценности: *«Гуманист великий и мечтатель, — / Он и нынче — нашего полку»* [10, с. 19].

Следует отметить, что среди монументов советской эпохи ни разу не упомянуты главные официальные памятники Ленину, которых к концу советского периода в области насчитывалось более семидесяти.

И лишь единожды появляется памятник М.И. Калининну, формальному патрону Калининграда, чей монументальный образ, впрочем, снижается слегка ироничной интонацией: *«Всероссийский староста Михаил Калинин / У вокзала встретит вас, руку протянув. / Все черты знакомые и борода клином...»* [10, с. 5].

Самая большая группа объектов советского историко-культурного наследия, как и следовало ожидать, связана с Великой Отечественной войной. В первую очередь в поэтических текстах присутствует некий обобщенный образ мемориала Неизвестному солдату. Эта роль часто отводится памятнику 1200 гвардейцам в Калининграде: *«Как солнце, / Он горяч и светел / И, как живой, / Он прям и строг. / Здесь в тишине / Играют дети / У бронзовых солдатских ног»* [16, с. 73]. Этот обелиск, сооруженный уже в 1945 г., стал главным советским «местом памяти» на калининградской земле. Он не только хранитель памяти о великом подвиге советских людей, но и напоминание новым поколениям защищать завоевания тех, кто проливал здесь свою кровь: *«Светлый штык обелиска, / Как опора. Вот тут / Так особенно близко / Слышен цокот минут»* [13, с. 4].

С памятью о войне некоторые поэты связывают и монумент «Мать-Россия», который был установлен в областном центре в 1974 г. в ознаменование образования в составе РСФСР Калининградской области. Об этом стихотворение А. Самусевич «Рисунки на асфальте»: *«“Мать-Россия” здесь же на асфальте / На рисунке детском ожила: / Женщина седая, в черном платье, / Над могилой братской замерла»* [25, с. 43].

Одновременно с бережным отношением к военным памятникам в конце Перестройки начинают звучать слова о том, что дело не в возведении новых памятников — память хранится в сердцах и поступках людей. Об этом имел право сказать фронтовик Василий Сабиров в опубликованных на страницах «Калининградской правды» стихотворных строках: *«Кому нужны бетонные останки, / Когда война навек погребена! / Кому утрата в душу не запала, / Какой солдат невзгодами не сят? / Лишь одному музею горя мало: / Не смог весь подвиг воинов вместить!»* [24, с. 4]. Ему вторил поэт, переживший войну ребенком, а в период Перестройки — руководитель литературного объединения «Росток» Яснодор: *«Стареет время. / Дряхлеют памятники. / Нужны инъекции / Для нашей памяти!»* [34, с. 8].

Заключение

Поэтические произведения в настоящем исследовании рассмотрены как источник для изучения трансформации исторической памяти калининградцев в годы Перестройки. Поэтический текст, как и всякий другой художественный текст, не только воспроизводит знания конкретных авторов о прошлом, но и отражает господствующие в обществе стереотипы и представления об истории. Использование контент-анализа позволило выявить содержание и отчасти проследить трансформацию исторического нарратива в поэзии, тем самым приблизившись к пониманию происходивших в ту переломную эпоху изменений в массовом историческом сознании калининградского социума.

Прежде всего контент-анализ продемонстрировал, что в региональном историческом нарративе безраздельно доминирует военная тематика, а $3/4$ произведений содержат отсылки к событиям Великой Отечественной войны. При этом в годы Перестройки наряду с прославлением, как и прежде, бессмертного подвига советского воина появляются и начинают занимать все более значимое место образы войны как страшной трагедии, ужасы которой никогда не должны повториться. Меняется и отношение к памятникам, приходит понимание того, что возведением мемориалов нельзя заменить живую память о павших героях и заботу об оставшихся в живых ветеранах.

В то же время память о воевавших отцах и дедах и воинские обелиски выступают главными знаками принадлежности Калининграда России. Штурм Кёнигсберга положил начало новой истории города, память о тех событиях — это способ самоидентификации на новом месте. К концу Перестройки меняется «портрет города», все чаще в стихах возникают образы довоенных архитектурных достопримечательностей. При этом сохраняется дистанцирование от «старого» и «мрачного» Кёнигсберга. «Присвоение» довоенного прошлого происходит посредством включения объектов историко-культурного наследия прошлых веков в круг «своих». Отныне они осознаются как неотъемлемые черты, «меты», если использовать точное определение С. Симкина, городской среды, создающие неповторимый стиль Калининграда. Современный облик города связан с ролью первых переселенцев, которые «привнесли русский характер» на калининградскую землю, и разрушенный войной город возродился, «как птица Феникс».

В период Перестройки в поэзии калининградских авторов прослеживается «переоткрытие» прошлого родного края. Происходит постепенное включение в поэтический текст новых исторических образов довоенного прошлого города и региона, одновременно наблюдается тенденция сохранения и переосмысления прежних советских исторических нарративов.

Исследование поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123092000008-9.

Список литературы

1. *Трона земная* : антология. Калининград, 1985.
2. Баранова Е. В., Тростянецкий А. А. Литераторы Калининградской области советской эпохи // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2020. №11. С. 113–119.
3. Белинцева И. В. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти. Калининград, 2012. С. 151–160.
4. Белук В. Калининградские частушки // Калининградская правда. 1986. 16 февр. С. 3.
5. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. №6. С. 77–94.
6. Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2011. №6. С. 75–83.

7. *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. №3. С. 64 – 79.
8. *Гарскова И.М.* Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.
9. *Дементьев И.О.* «Разделенная история»: Изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 105 – 120.
10. *Еремеев В.* Калининград – любовь моя. Калининград, 1990.
11. *Костяшов Ю.В.* Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. Калининград, 2003.
12. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
13. *Кочкуров Ю.* У памятника 1200 воинам-гвардейцам // Калининградская правда. 1991. 5 мая. С. 4.
14. *Кретицин Г.В.* Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 61 – 66.
15. *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
16. *Лунин А.А.* Искренность. Калининград, 1985.
17. *Маслов В.Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100 – 107.
18. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко М. ; СПб., 2018.
19. *Михайлов В.Д.* Лава. Калининград, 1989.
20. *Мушник С.* Забыть невозможно // Калининградская правда. 1985. 16 июня. С. 4.
21. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 40 – 41.
22. *Полатовский С.А.* Исторические сюжеты в творчестве калининградских писателей 1960-х годов // Калининградские архивы. 2018. №15. С. 148 – 158.
23. *Рыкова Н.А.* Сентябрь. Калининград, 1989.
24. *Сабиров В.* Моя земля // Проспект мира. 1991. 30 нояб. С. 4.
25. *Самусевич А.Г.* Утренний обход: Стихи. Калининград, 1988.
26. *Серебряков В.* По земле врага // Калининградская правда. 1985. 16 июня. С. 4.
27. *Симкин С.Х.* Сад у моря. М., 1985.
28. *Симкин С.Х.* Цвета моря. Калининград, 1986.
29. *Тейтельбаум Е.С.* Дихотомия «свое / чужое» в феноменологии Б. Вальденфельса // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2011. №3 (94). С. 148 – 156.
30. *Ужгин Д.* Кёнигсбергский собор // Калининградский комсомолец. 1990. 1 дек. С. 8.
31. *Фостова С.А.* Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №3. С. 49 – 58.
32. *Цвигун Т.В., Черняков А.Н.* К геоэтике города К.: оптики чувствования // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13, №4. С. 111 – 123.
33. *Чернов Ю.* Письмо в Калининград // Калининградская правда. 1985. 3 апр. С. 4.
34. *Яснодор.* Талисман. Калининград, 1989.

Об авторе

Ангелина Вячеславовна Стальмакова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: angelinasaenko08@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

A. V. Stalmakova

**HISTORICAL NARRATIVE IN THE WORK
OF KALININGRAD POETS DURING PERESTROIKA:
THE EXPERIENCE OF CONTENT ANALYSIS**

57

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 4 July 2023

Accepted 3 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5

To cite this article: Stalmakova A. V., 2023, Historical narrative in the work of Kaliningrad poets during Perestroika: the experience of content analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 46–57. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5.

During the years of Perestroika, discussions about Stalinism and the Soviet legacy became a focal point of public attention. In the Kaliningrad region, interest in history during this period shifted towards the regional pre-war past, the cultural heritage of the area, the history of its settlement, and the development by Soviet people. Historical themes became one of the leading motifs in the works of Kaliningrad poets. The aim of the article is to identify the “images of the past” that shaped the historical narrative in Kaliningrad poetry during the Perestroika period. The primary research method employed is content analysis conducted using the Max QDA 2020 software. The analysis is based on 126 poetic works by 47 authors published from 1985 to 1991. The “images of the past” are examined in the article through the prism of the reflection of historical memory of Kaliningraders and utilizing the concept of “lieux de mémoire” (places of memory). The article demonstrates the dynamics of poem publications over the years and characterizes the prioritized historical themes, including events of the Great Patriotic War, the settlement and recovery of the region, and the fate of the historical and cultural heritage. The conclusion is drawn that during the Perestroika period, influenced by changes in public consciousness, there was a gradual incorporation of new historical images of the pre-war and post-war past of the region into poetic texts. Simultaneously, there was a tendency to preserve and partially reconsider certain components of the Soviet historical narrative related to the war and the formation of the Kaliningrad region.

Keywords: historical memory, press, poetry, Perestroika, content analysis, Kaliningrad region

The author

Angelina V. Stalmakova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: angelinasaenko08@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

М. В. Филёв

**КОНЕЦ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА «НОВАЯ ЖИЗНЬ»
ПРАВДИНСКОГО РАЙОНА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

Принята к публикации 25.08.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6

58

Для цитирования: *Филёв М. В. Конец колхозной жизни (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 58 – 68. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6.*

На основе неопубликованных материалов Государственного архива Калининградской области и архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ», в частности протоколов общих собраний и заседаний правления колхоза, материалов первичной парторганизации и др., в рамках микроисторического похода изучаются последние годы существования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области. Цель исследования – реконструкция взглядов колхозников на происходившие в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы. Представлен анализ основных трудностей, с которыми столкнулось хозяйство в период Перестройки. Многочисленные преобразования М. С. Горбачёва в аграрной сфере не привели к ожидаемым качественным изменениям, а такие явления, как рост цен и товарный дефицит, вызвали разочарование в идеях Перестройки. Рассмотрен процесс реорганизации колхоза в закрытое акционерное общество. Сделан общий вывод о том, что, несмотря на имевшуюся возможность организовать индивидуальные фермерские хозяйства, большинство крестьян сделали выбор в пользу сохранения устоявшегося коллективного жизненного уклада, поскольку видели в нем гарант поддержки в условиях критического экономического положения в российской деревне начала 1990-х гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Калининградская область, колхоз, микроистория, история повседневности, Перестройка, аграрные реформы

Несмотря на то что экономические преобразования в период Перестройки не обойдены вниманием исследователей, изменения в сельском хозяйстве изучены недостаточно. Реформы в аграрном секторе оцениваются как запоздавшие, непродуманные, несистемные, что привело к усилению кризисного положения уже после распада СССР [14 – 16; 27]. Авторы подготовленных на региональном материале публикаций преимущественно останавливают свое внимание на правовой стороне реорганизации колхозов и совхозов и экономических показателях хозяйств нового типа [1; 5; 26], анализируют социально-экономическое положение тружеников сельхозпредприятий в период аграрной ре-

формы 1990-х гг. [11; 12]. В общих чертах эти вопросы рассмотрены в коллективной монографии «История сельского хозяйства Калининградской области» [8, с. 35–38, 155–156]. При этом отношение самих крестьян к происходившим событиям практически не затрагивается.

В настоящей статье, являющейся частью комплексного микроисторического исследования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области (1946–1991 гг.), предпринята попытка представить взгляд крестьян на происходившие на селе и в стране в целом изменения на рубеже 1980–1990-х гг.

Основными источниками исследования стали неопубликованные материалы Государственного архива Калининградской области и архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ»: протоколы общих собраний и заседаний правления колхоза, собраний парторганизации «Новой жизни», годовые отчеты колхоза, отчетные доклады его председателя [2; 6]. Еще одним источником послужило записанное нами интервью с Владимиром Александровичем Бакалиным, последним председателем колхоза, руководителем закрытого акционерного общества «Новая жизнь» (1987–1996), ныне главой муниципального образования «Правдинский городской округ» [7].

Колхоз «Новая жизнь» был создан в 1946 г. в поселке Поречье Правдинского района (первоначально назывался «Большевик»). К началу Перестройки он являлся типичным для региона сельхозпредприятием, в котором насчитывался 191 двор (8 населенных пунктов), а общая земельная площадь составляла 4212 га [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 341], что в целом соответствовало среднеобластным показателям в 1985 г. (4041,5 га); среднее количество дворов – 202 [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1268, л. 2]. Для сравнения: в СССР в 1985 г. в среднем на 1 колхоз приходилось 6400 га земельных угодий [23, с. 7]. В 1969 г. первый секретарь обкома КПСС Н. С. Коновалов говорил о «Новой жизни» как о крепком середняке [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 375, л. 25–26]. Этот статус сохранился за колхозом и в годы Перестройки [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 74 об.].

«Новая жизнь» в период Перестройки

Однако следует отметить, что к середине 1980-х гг. колхоз «Новая жизнь» испытывал целый ряд серьезных трудностей. В запущенном состоянии оказалась производственно-техническая база колхоза, что являлось общей для всей страны проблемой [16, с. 378–380]. Бригадиры и механизаторы регулярно жаловались на отсутствие элементарной инфраструктуры (нехватку умывальников для мытья рук [6, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 82–83] или отсутствие дверей в помещениях) [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 3]), парк тракторов и комбайнов практически не обновлялся [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 2 об.; 6, ф. П-145, оп. 1, д. 33, л. 119]. Обслуживающие организации не всегда справлялись со своими обязанностями. Например, районное объединение «Сельхозтехника» некаче-

ственно ремонтировало колхозную технику, поэтому ее приходилось приводить в надлежащее состояние своими силами [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 67]. Достать запчасти было проблематично, иногда за ними приходилось ездить в Белоруссию [2, ф. 28, оп. 1, д. 222, л. 31].

Районное начальство занимало твердую позицию, которая заключалась в том, что в своих проблемах колхоз виноват исключительно сам. Так, в марте 1987 г. на партсобрании колхозники предъявили претензии районному агропромышленному объединению (РАПО) в связи с плохим снабжением техникой и некачественно проведенными мелиоративными работами, в результате которых были заболочены 80 га пашни. Председатель РАПО Матков эти жалобы не принял, а рекомендовал колхозникам «самим лучше работать» и развивать «интенсивные технологии» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 58].

Другая трудность была связана с сокращением количества трудоспособных колхозников. Максимальный показатель в 315 трудоспособных членов колхоза был достигнут в 1965 г. [6, ф. Р-139, оп. 9, д. 1415, л. 1 об.], после чего их количество постепенно сокращалось. В 1984 г. в «Новой жизни» остался 241 трудоспособный колхозник [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 322], в 1987 г. — 230 [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 245, т. 2, л. 170–171 об.], а в 1990 г. — 225 [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 739, л. 113].

Отчетливо проявлялась тенденция к «старению» села. Например, в 1984 г. на 241 трудоспособного приходилось 98 мужчин и женщин старше 60 лет (соотношение 2,5:1) [6, ф. Р-139, оп. 11, д. 1126, л. 322]. Ввиду невысокой зарплаты, низкой престижности сельхозтруда и слаборазвитой инфраструктуры молодежь не желала оставаться в колхозе, что создавало кадровый дефицит. Предпринимались попытки удержать ее за счет выплат колхозных стипендий во время обучения в средне-специальных или высших учебных заведениях и выдачи подъемных в размере 3 месячных окладов по возвращении в колхоз [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 33], но эта перспектива прельщала единицы молодых людей. В таких условиях бригадиры были вынуждены заниматься распылением ограниченных трудовых ресурсов, что среди самих руководителей среднего звена называлось «латанием дыр» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 154].

Перестройка стала временем многочисленных преобразований. Аграрный сектор экономики был исключением: организация колхозного труда на протяжении короткой горбачевской эпохи претерпела существенные изменения. Появились арендные подряды, коллективы интенсивного труда (КИТы), был осуществлен переход на полный хозрасчет. Большинство этих новшеств являлось лишь массовой реализацией экспериментальных методов, внедрявшихся в отдельных хозяйствах и предприятиях в СССР еще со времен хрущевской оттепели (см.: [3; 4; 10]).

Вместе с тем, как отмечает Р.Г. Пихоя, «руководители страны постарались “играть на двух досках”», что выразалось в довольно радикальном реформировании экономической системы при сохранении командного стиля управления [24, с. 376].

Характерным примером этой «игры» можно считать внедрение коллективов интенсивного труда — небольших трудовых структур из 3—5 работников, основанных на принципах самостоятельности, арендных отношений и освоения интенсивных технологий [16, с. 395].

В реальности КИТы функционировали под постоянным надзором со стороны всевозможного рода инстанций, что, впрочем, воспринималось как нормальная практика. Так, например, глава Пореченского сельсовета Братчун летом 1988 г. заявила, что контроль «сверху» является необходимостью из-за слабых производственных показателей «Новой жизни» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 37, л. 86—88].

Несмотря на призывы самих колхозников «дать свободу крестьянину» [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 51], ситуация не претерпела значительных изменений и в дальнейшем. Партийные и государственные организации различного уровня продолжали вмешиваться в работу малых трудовых коллективов, что в совокупности с целой когортой своих колхозных руководителей (председатель, правление, партийные функционеры, бригадиры, заведующие фермами, специалисты) и при сохранявшейся необходимости достижения плановых показателей позволяет говорить о том, что принцип их самостоятельности остался нереализованным.

На январском (1987) пленуме ЦК КПСС был представлен законопроект «О государственном предприятии (объединении)», который М. С. Горбачёв охарактеризовал как призванный «коренным образом изменить условия и методы хозяйствования в основном звене экономики, закрепить в деятельности предприятий сочетание планового начала и полного хозрасчета» [20].

Сам закон был издан 30 июня 1987 г. Им предусматривался переход на принципы полного хозрасчета и самофинансирования, отказ от централизованной системы снабжения ресурсами, а пятилетний план теперь разрабатывался и утверждался самим предприятием [18].

С 1 января 1988 г. все предприятия Советского Союза перешли на полный хозрасчет. В «Новой жизни» ожидавшегося после этого экономического подъема не произошло, напротив, кризисное положение продолжало усугубляться. К «кадровому голоду» и сложностям со снабжением машинно-тракторного парка добавился еще и продуктовый дефицит. И если первые две проблемы были «головной болью» руководящего звена, то продуктовый дефицит отразился уже на всех членах колхоза, что не замедлило сказаться на их восприятии происходивших перемен. Так, бригадир Крюков, изначально с энтузиазмом отнесшийся к Перестройке, стал критиковать новообразованные кооперативы, которые «обдирают рабочий люд», а переход на хозрасчет, с его точки зрения, привел лишь к «удовлетворению личных потребностей» руководителей [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 71].

Подобные настроения были свойственны и другим ораторам, выступавшим на собраниях [6, ф. П-145, оп. 1, д. 38, л. 71—73]. Неудачная реализация большинства реформаторских проектов поменяла отношение колхозников к Перестройке: если в первые годы большинство ее поддерживало, то с конца 1980-х гг. вера людей в Перестройку начала стремительно угасать.

Колхоз в 1990–1991 гг.

В марте 1989 г. на пленуме ЦК КПСС одной из ключевых тем стало дальнейшее развитие арендных отношений, в том числе и в аграрной сфере (см.: [13, с. 34–174]). В следующем месяце вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому физическим и юридическим лицам в «возмездное и срочное пользование» могли передаваться «земля, другие природные объекты», «имущество государственного, кооперативного или иного общественного предприятия (организации)», «отдельные здания, хозяйственные постройки, сооружения, сельскохозяйственная техника, оборудование, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот и другие материальные ценности» [17].

В апреле 1990 г. на общем собрании членов колхоза «Новая жизнь» было решено перевести все колхозные подразделения на арендные отношения [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 48 об. – 50]. Это были самоуправляемые структуры, вписанные в контур крупного общественного хозяйства [16, с. 393]. Иначе говоря, по каждому виду производимой бригадой или звеном сельхозпродукции и оказываемых ими услуг устанавливались внутрихозяйственные цены, по которым данная продукция продавалась колхозу.

Предполагалось, что такие коллективы смогут работать более продуктивно, поскольку доход их членов напрямую зависел от количества проданной сельхозпродукции. Новый способ трудовой организации был представлен председателем колхоза Бакалиным и, по всей видимости, вызвал бурную дискуссию, но секретарь собрания ограничился записью в протоколе: «задано много вопросов доярками, механизаторами, бригадирами» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 48 об. – 50].

Важная составляющая арендных коллективов – взаимответственность за итоговый результат. Это привело к изменению санкционной политики в отношении нарушителей трудовой дисциплины: если прежде их наказание длительное время ограничивалось выговором и лишь в случае постоянного уклонения от работы в колхозе и несоблюдения общественного порядка нарушители дисциплины наказывались штрафом, то теперь к ним стали применять более строгие меры значительно быстрее.

Инициатива при этом нередко исходила от рядовых работников. Например, весной 1990 г. по ходатайству доярок второй бригады из колхоза была исключена их коллега Прозорова. «Вы работать по-доброму не хотите, пьянствуете, прогуливаете...», – прокомментировал это решение председатель Бакалин [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 16]. Оставалась и ежегодная практика лишения за различные проступки от 5 до 100 % премиальных. Так, по итогам 1991 г. таким образом были наказаны 73 колхозника [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 39 об. – 40 об.].

Первый опыт использования арендных подразделений оказался удачным. В 1990 г. колхоз достиг рекордных для себя показателей по валовым сборам озимых и яровых зерновых. Это не было обусловлено

увеличением посевных площадей: площадь посевов озимых в 1990 г. в сравнении с 1989 г. увеличилась на 12 % (с 458 до 513 га), а валовые сборы — на 38 % (с 16 609 до 22 925 ц), площадь посевов яровых увеличилась на 29 % (с 307 до 398 га), а валовые сборы — на 48 % (с 10 051 до 14 876 ц) [6, ф. Р-139, оп. 12, д. 581, л. 178 об. — 179; оп. 12, д. 739, т. 2, л. 122 об. — 123]. Позитивными оказались и результаты 1991 г.: к успехам в полеводстве добавилось выполнение планов по продаже молока и мяса [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 51 об.]. Наряду с внедрением новой техники [7] и благоприятными погодными условиями этому способствовало и более рациональное использование трудовых ресурсов арендными трудовыми коллективами. Тем не менее краткосрочный период их использования не позволяет в полной мере оценить эффективность этой формы организации труда.

Успехи 1990 г. были омрачены повышением цен на минеральные удобрения, технику, запасные части, топливо. В результате в октябре этого года на заседании правления Бакалин отметил, что «недосчитались прибыли по колхозу 200 тыс. руб.» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 34]. Несмотря на это, получившаяся по итогам года прибыль дала возможность немного повысить заработную плату колхозникам [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 34].

Увеличение зарплат продолжалось и в дальнейшем. Весной 1991 г. они выросли на 25 % для колхозников и административно-управленческого аппарата, а для механизаторов, трудившихся на тяжелых тракторах, — и вовсе на 30 % [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 9 об — 10]. Существенные прибавки не означали роста благосостояния крестьян, поскольку практически одновременно происходило повышение розничных цен [9, с. 141]. На колхозе это тоже отражалось негативно: за 1991 г. стоимость продукции в среднем выросла в 4–5 раз, а техники, удобрений, химикатов — в 15–20 раз [2, ф. 28, оп. 1, д. 236, л. 1].

С каждым месяцем экономическая ситуация в стране становилась все сложнее. В ноябре 1991 г. Бакалин предложил правлению «поддерживать [колхозников] в это трудное время», доплатив за август, сентябрь и октябрь, и раздать предназначавшееся для продажи зерно бесплатно. «Правильно, нам на том же уровне зарплаты прожить очень трудно», — высказал общее мнение бригадир Щемелев [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 42 — 42 об.].

В условиях, когда, по словам членов колхоза, «рубли ничего не стоят» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 47], правление изыскивало всевозможные способы помочь колхозникам. В. А. Бакалин отмечал, что невысокие заработные платы колхоз пытался компенсировать за счет других бонусов: бесплатной выдачи сена (по 4 т на семью), зерноотходов, меда (3 л на семью), установления «символических» цен на мясо. Такая практика была названа им «маленьким коммунизмом» [7].

Помимо этого существовали и другие меры поддержки: например, доплаты к государственным пенсиям для ветеранов Великой Отечественной войны и ветеранов труда из колхозного бюджета [6, ф. П-145, оп. 1, д. 36, л. 12]. Также в случае смерти члена колхоза или его близкого родственника его семье выделялась материальная помощь в размере 15 кг мяса [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 24].

В 1990 г. на заседании правления было принято решение о надбавках из средств колхоза для всех пенсионеров [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 19 об., 29 об.], чьи ежемесячные доходы соответствовали минимальному размеру государственного пенсионного обеспечения в 70 руб. [19]. У этой инициативы было предельно исчерпывающее объяснение — «жизнь дорожает» [2, ф. 28, оп. 1, д. 233, л. 19 об.].

В колхозе было организовано небольшое предприятие по производству колбасы (в настоящее время мясокомбинат «Поречье» является одним из ведущих предприятий на рынке колбасно-мясной продукции в Калининградской области) [23]. Членам колхоза колбасные изделия продавались по льготным ценам [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 6]. Реализация остальной продукции позволяла пополнять бюджет хозяйства.

Не отказывал колхоз и в помощи своим членам в различных житейских ситуациях. Как вспоминал В. А. Бакалин, «если родился ребенок — идут к председателю — дай машину. В последний путь проводить — тоже к председателю, т.е. колхоз всю “социалку” нес на себе полностью» [7].

В феврале 1991 г. секретарь парторганизации «Новой жизни» Корнеев на пленуме райкома КПСС выражал тревогу относительно будущего селян. Корнеев, не понаслышке знавшего проблемы крестьян, пугала перспектива безработицы. В ответ первый секретарь райкома Артемьев предложил «переломить стереотип», что «рынок нас накормит, напоит и на дорогу даст», и, приведя в пример бывшие социалистические страны, рекомендовал готовить население к тому, что «рынок половину из нас пустит по миру» [6, ф. П-122, оп. 64, д. 32, л. 32–34].

Среди самих крестьян в это время царили настроения растерянности и недоверия. В 1991 г. на общем собрании Бакалин предложил вступить в региональный Союз аграриев, в ответ на это последовало несколько довольно резких выпадов. Бригадир Алексеев предположил, что «это может быть еще один нахлебник», а экономист Виноградова задалась вопросами: «От кого нас защищать? Кто на нас собирается нападать?» Следуя многолетней традиции во всем соглашаться с начальством, большинство все же проголосовало за вступление в организацию [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 50].

От колхоза к закрытому акционерному обществу

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. на всесоюзном уровне в СМИ и научных кругах велись дискуссии о путях дальнейшего развития сельского хозяйства. Сложились три основные точки зрения: а) необходимо сохранить колхозы и совхозы — только они способны прокормить страну; б) нужно развивать фермерство — хозяйства такого типа позволят рационально использовать землю и средства производства; в) оптимальным является сочетание различных форм хозяйствования и собственности [16, с. 393].

В декабре 1990 г. появился закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», который допускал многообразие

форм ведения хозяйственной деятельности: это могли быть государственные или муниципальные предприятия, индивидуальные (семейные) частные предприятия, полные и смешанные товарищества, акционерные общества открытого или закрытого типа [22].

Двадцать пятого октября 1991 г. глава «Новой жизни» поручил подчиненным составить к 1 января 1992 г. опись общественного имущества и подсчитать заработную плату крестьян за последние 10 лет, в соответствии с которой предполагалось провести приватизацию (секретарь собрания этот процесс на протяжении 1991 г. называл «проектизация») [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 41, 42 об.]. Было решено организовать на базе колхоза закрытое акционерное общество (ЗАО), но окончательное слово в этом деле оставалось за общим собранием [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 41].

Оно состоялось уже на следующий день. После доклада главы «Новой жизни» выступили несколько колхозников. Тональность их речей была схожей: «Нужно жить и работать всем вместе в это трудное и неопределенное время». В итоге договорились о создании закрытого акционерного общества [2, ф. 28, оп. 1, д. 235, л. 51 об. — 52].

Уже после распада СССР, 29 декабря 1991 г., было издано Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», согласно которому «совхозы и колхозы обязаны до 1 января 1993 г. провести реорганизацию и привести свой статус в соответствие с Законом РСФСР “О предприятиях и предпринимательской деятельности”» [21].

В январе 1992 г. Бакалин представил правлению варианты дальнейшего развития событий. Инвентаризационная и приватизационная комиссия выделяла каждому члену бывшего колхоза земельный и имущественный пай. Затем они могли выбрать между вступлением в ЗАО и созданием индивидуального фермерского хозяйства. В первом случае нужно было «вложить» свои паи в акционерное общество, во втором — написать заявление, которое утверждалось в течение месяца, после чего полученные паи можно было использовать для ведения личного хозяйства (или распорядиться ими иным образом) [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 1 об.].

В феврале 1992 г. работа комиссий была завершена. Каждому работающему и колхозникам-пенсионерам полагалось 10 га земли. Участки выделялись исходя из двух принципов: а) земля должна была находиться как можно ближе к дому; б) распределение земли зависело от семейно-родственных отношений, то есть членам одной семьи выделялись соседние участки [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 4 об.]. Оставшаяся земля оказалась в резервном фонде — для трудоустроившихся в «Новую жизнь» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 17 об.]. В колхоз за выдачей пая обращались и его бывшие члены, например Шарай, трудившийся в колхозе до 1962 г. Правление на его заявление ответило отказом, но все-таки оказало поддержку, выделив зерно по льготной цене [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 3].

Общее собрание утвердило эти решения, но не обошлось и без негодования относительно некоторых условий нового порядка. Крестьянин Михайлов недоумевал, почему «все мое должно остаться в акционерном обществе» в случае, если «я, допустим, рассорился и хочу уехать в другое место» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 17 об. — 18].

ЗАО «Новая жизнь» унаследовало основные структурные элементы колхоза: возглавлял его председатель, которому помогали члены правления, были сформированы комплексные трудовые бригады. Выборы правления проходили раз в три года. Производимые в хозяйстве продукты продавались для его работников вдвое дешевле рыночных цен. Остались прежние механизмы начисления зарплаты. И даже в протоколах собраний за 1992 г. членов ЗАО продолжали именовать «колхозниками» [2, ф. 28, оп. 1, д. 238, л. 1–18].

Подводя итоги, отметим, что реформы периода Перестройки не смогли качественным образом улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. К прежним проблемам (недостаток кадров, сложности с техническим обеспечением) добавился товарный дефицит. Резкий рост цен на необходимую для качественной работы продукцию (химикаты, удобрения и т. п.) нивелировал достигнутые в 1990–1991 гг. неплохие производственные показатели.

Возникшее в аграрной сфере к началу 1990-х гг. положение отчетливо иллюстрируют слова из отчетного доклада председателя «Новой жизни» Бакалина по итогам 1991 г.: «Сегодня неприворотливая и покорная деревня здыбилась (так в оригинале. — М.Ф.), забурлила, а это приводит к повсеместному катастрофическому падению производства и закупок сельхозпродукции, сокращению поголовья, к резкому ухудшению экономического и финансового положения» [2, ф. 28, оп. 1, д. 236, л. 1]. Руководство колхоза не бросило его членов на произвол судьбы, обеспечивая поддержку посредством установления льготных цен на сельхозпродукцию. С учетом резкого обесценивания рубля произошел частичный возврат к натуроплате труда.

После ликвидации колхоза большинство крестьян созданию индивидуальных фермерских хозяйств предпочли сохранение прежних порядков под эгидой закрытого акционерного общества. С одной стороны, причина выбора в пользу коллективизма заключалась в консервативной ментальности сельских жителей, предпочитавших рискованному индивидуальному хозяйствованию устоявшийся жизненный уклад, связанный с работой в крупном сельхозпредприятии. С другой стороны, люди надеялись, что сообща будет легче выживать в условиях тяжелого экономического кризиса.

Список литературы

1. *Андреев С. Н.* Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области // *Крестьяноведение*. 2019. №4. С. 58–75.
2. *Архивный отдел администрации муниципального образования «Правдинский городской округ».*
3. *Бабий П. М.* Чековая система взаиморасчетов: из опыта колхозов Одесской области. М., 1978.
4. *Байдюк А. Т.* Поточно-цеховая система в молочном животноводстве. М., 1980.
5. *Бледнова Е. М.* Становление новой системы хозяйствования в Курском селе в конце XX — начале XXI в. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. №1 (45). С. 79–89. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/50> (дата обращения: 12.01.2023).

6. Государственный архив Калининградской области.
7. Интервью Владимира Александровича Бакалина, бывшего председателя колхоза «Новая жизнь». Запись 15.03.2023 г. (архив автора).
8. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.
9. Кирсанов Р. Г. На пути к рынку: денежная реформа 1991 г. как попытка стабилизировать финансовую систему СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. №1 (23). С. 137–142.
10. Кулёв В. М. История подряда как формы активизации человеческого фактора в сельском хозяйстве России: от Н. С. Хрущёва к Л. И. Брежневу // Известия Самарского научного центра. 2010. №6. С. 139–145.
11. Логунова И. В. Неквалифицированные работники сельскохозяйственных предприятий Центрального Черноземья в условиях аграрной реформы 1990-х годов (социально-экономический аспект) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2022. Вып. 28. С. 155–163.
12. Логунова И. В. Особенности правового положения работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-х гг. (на материалах Центрального Черноземья) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. №1 (57). С. 55–61.
13. Материалы пленума ЦК КПСС. 15–16 марта 1989 г. М., 1989.
14. Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: Проблемы разработки и реализации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1997.
15. Наухацкий В. В. Динамика сельскохозяйственного производства СССР в 60–80-е годы: характер, проблемы, противоречия // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. №1 (20). С. 79–87.
16. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.
17. Об аренде и арендных отношениях в СССР : указ Президиума ВС СССР от 7 апреля 1989 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. О государственном предприятии (объединении) : закон СССР от 30 июня 1987 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9049736> (дата обращения: 18.07.2022).
19. О пенсионном обеспечении граждан в СССР : закон СССР от 15 мая 1990 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901700237> (дата обращения: 05.05.2023).
20. О Перестройке и кадровой политике партии : доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва 27 января 1987 г. URL: <http://www.uaio.ru/5/88/od1987.htm> (дата обращения: 18.07.2022).
21. О порядке реорганизации колхозов и совхозов : постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. О предприятиях и предпринимательской деятельности : закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093079&backlink=1&nd=102010276&rdk=0> (дата обращения: 07.05.2023).
23. Поречьё : [офиц. сайт]. URL: <http://gc-porechie.ru/> (дата обращения: 07.05.2023).
24. Пихоя Р. Г. Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР // Экономическая история : ежегодник. М., 2022. С. 371–389.
25. Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1988.
26. Серогодский Н. А. Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 – начало 2000-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №1–1 (51). С. 182–184.
27. Серогодский Н. А. Социально-экономическое развитие села: опыт, проблемы, тенденции. 1980–2000 гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополя : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2004.

Об авторе

Максим Викторович Филёв — ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>

M. V. Filev

THE END OF THE COLLECTIVE FARM (THE CASE OF THE COLLECTIVE FARM “NOVAYA ZNIZN”, PRAVDINSKY DISTRICT, KALININGRAD REGION)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 May 2023

Accepted 25 August 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6

To cite this article: Filev M. V., 2023, The end of the collective farm (the case of the collective farm “Novaya Znizn”, Pravdinsky district, Kaliningrad region), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 58 – 68. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-6.

Based on unpublished materials from the State Archive of the Kaliningrad region and the Archival department of the administration of the municipal entity “Pravdinsky Urban District”, including minutes of general meetings and board sessions of the collective farm, materials from the primary party organization, etc., this microhistorical study explores the final years of the “Novaya Znizn (New Life)” collective farm in the Pravdinsky district of the Kaliningrad region. The research goal is to reconstruct the views of collective farm members on the processes occurring in the country in the late 1980s to early 1990s. The analysis presents the main challenges faced by the farm during the period of Perestroika. Despite numerous transformations initiated by M. S. Gorbachev in the agricultural sector, they did not lead to the expected qualitative changes. Phenomena such as rising prices and shortages of goods caused disillusionment with the ideas of Perestroika. The author examines the process of reorganizing the collective farm into a closed joint-stock company. The general conclusion is that, despite the possibility of organizing individual farming enterprises, the majority of peasants chose to preserve the established collective way of life. They saw it as a guarantee of support in the face of the critical economic situation in the Russian countryside in the early 1990s.

Keywords: agriculture, Kaliningrad region, collective farm, microhistory, history of everyday life, Perestroika, agrarian reforms

The author

Maksim V. Filev, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tsvachim03@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4217-6197>

УДК 323.232

М. В. Кирчанов

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СОВРЕМЕННОГО РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА**

69

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 20.04.2023 г.

Принята к публикации 19.06.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7

Для цитирования: Кирчанов М. В. Историческая политика и мемориальная культура современного румынского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 69–84. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7.

Целью исследования является анализ современной политики памяти в Румынии в начале 2020-х гг. Автор анализирует роль и место интеллектуальных сообществ как основных пространств генезиса памяти и функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти в современной общественной и политической мысли Румынии. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики румынского общества в контексте объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур. В статье показано, что 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного румынского общества вносит значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик румынских интеллектуалов как агентов политики исторической памяти и форматоров различных версий мемориальной культуры варьируется от исторического ревизионизма до попыток сформировать либеральный мемориальный канон, 3) мемориальные практики современного интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием гражданского и этнического националистического дискурса, 4) участие интеллектуалов в мемориальной политике актуализирует политическую и идеологическую гетерогенность современного общества, содействуя параллельному созреванию и конкуренции различных форм исторической памяти. Предполагается, что роль румынского гражданского общества в исторической политике современной Румынии будет возрастать, а интеллектуальное сообщество останется одним из активных участников политики коллективной памяти.

Ключевые слова: Румыния, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Введение

Трансформации исторического знания как формы науки в начале XXI в., связанные с общим падением ее престижа, ростом авторитета альтернативных идей и выдвижением откровенно антинаучных концепций, привели к тому, что история стала более активно использоваться правящими политическими кругами различных стран для решения собственных задач. Весь спектр действий со стороны властей в отношении истории определяется как историческая политика или политика памяти. Историческая политика в первой четверти XXI в. смогла превратиться в универсальное явление, широко распространенное в мире и применяемое различными политическими элитами и общественными активистами.

Цели и задачи этих сил могут отличаться, но методы их обращения с историей имеют несколько общих особенностей. Во-первых, представления об истории подвергаются существенной политизации и идеологизации. Во-вторых, интерпретации истории утрачивают свою формальную самостоятельность и оказываются в зависимости от стремления элит решать конкретные политические задачи. В-третьих, в сложившейся ситуации углубляется разрыв между академической научной историографией и теми представлениями об истории, которые преобладают в публичных и общественных пространствах современных государств. Подобные практики, характерные для большинства стран современного мира, не стали исключением и для тех государств Европейского союза, которые вошли в состав организации в начале XXI в. Среди таких стран особое место занимает Румыния.

Политика памяти в Румынии: основные особенности

Историческая политика Румынии на современном этапе обладает несколькими существенными особенностями.

Во-первых, политика памяти, проводимая современными историческими активистами, в значительной степени подвержена политизации и идеологизации.

Во-вторых, основными идеологиями, которые существенно влияют на векторы и траектории трансформации исторической коллективной памяти в Румынии, являются румынский национализм и либерализм.

В-третьих, в современной Румынии, в отличие от других стран Восточной и Центральной Европы, отсутствуют специализированные институты, за исключением Института расследования преступлений коммунизма и памяти румынской эмиграции (Institutul de Investigare a Crimelor Comunismului și Memoria Exilului Românesc), призванные развивать и продвигать официально санкционированные версии исторической памяти и мемориальной культуры в целях консолидации государства.

Все эти три фактора оказывают ощутимое воздействие на современную историческую политику в Румынии.

Методология и историография

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии памяти, которая начала активно развиваться в XXI в. Институционализация современной историографии памяти стала возможной благодаря успешному развитию мемориального поворота, в рамках которого в исторических исследованиях наметился тренд в сторону большего внимания к различным формам памяти в ее связи с национальной идентичностью и политической культурой [1]. Особое внимание в академической литературе уделяется тем социальным силам и акторам, которые формируют коллективную память и, как следствие, являются агентами исторической политики или политики памяти. В целом в современной междисциплинарной историографии исторической памяти наметились две основные интерпретационные тенденции, представленные дискурсивно-нарративным и визуальным анализом.

В рамках дискурсивно-нарративного подхода историческая политика или политика памяти анализируется через призму текстов [2]. Таким образом, путем конструкции или деконструкции нарративов, выявления их смыслов или приписывания им таковых происходит конструирование самой исторической памяти. В этом случае, как правило, анализируются нарративы, предлагаемые представителями политических элит и прочими участниками процесса формирования коллективной памяти [3]. В рамках визуального поворота историческая политика рассматривается в контекстах визуализации образов прошлого и различных версий истории в публичных и общественных пространствах современных государств, ориентированных в первую очередь на ассимиляцию истории обществом потребления [4]. С опорой на эти подходы в представленной статье будет проанализирована историческая политика в Румынии [5], которая в современной междисциплинарной историографии исследуется через призму восприятия памяти как социального, культурного и политического конструкта [6], используемого как элитами [7], так и интеллектуалами [8] для легитимации собственного статуса и ревизии истории [9].

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ основных тенденций и закономерностей в политике памяти, реализуемой современными румынскими элитами и общественными активистами в начале 2020-х гг. Поставлены следующие задачи: 1) выявление основных тематических направлений «проработки прошлого» в рамках румынской исторической политики в общественных пространствах; 2) изучение особенностей политики памяти в современной Румынии в той форме, в которой она проводится активистами, но не институтами; 3) анализ перспектив развития исторической политики в контекстах как консолидации общества, так и возможных мемориальных конфликтов.

Национализм как фактор мифологизации мемориальной культуры

Историческая политика в современной Румынии, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, основана на активном использовании национализма как фактора, который содействует консолидации мемориальной культуры и укреплению исторической памяти. Политика памяти, в реализацию которой вовлечены общественные активисты, как правило, носит ситуативный характер, актуализируя в публичных и общественных пространствах образы, воспринимаемые в качестве системных для современной румынской политической и этнической идентичности. Среди таких моментов, которые периодически оказываются в центре внимания и используются для решения задач консолидации общества, — объединение Румынии и Трансильвании в 1918 г.

72

В этом контексте историческая политика актуализирует свое значение в качестве инструмента, используемого политическими элитами. Поэтому 1 декабря отмечается как Национальный день Румынии, так как именно в этот день Великое собрание в Алба-Юлии проголосовало за объединение Трансильвании с Румынией. В современной мемориальной культуре это событие стало объектом мифологизации. В частности историк Флорин Ангел подчеркивает, что в румынской идентичности 1 декабря напоминает «о героизме и мужестве, мифе румынского народа, который стал реальностью через страдания, доверие и чувство собственного достоинства» [10]. Столь эмоционально окрашенное использование прошлого в румынской мемориальной политике свидетельствует о том, что «история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами» [11, р. 470].

Поэтому историческая политика успешно и эффективно использует мобилизационный ресурс, характерный для восприятия истории через призму мифологизированного сознания. Важным фактором в развитии мемориальной культуры в Румынии в начале 2020-х гг. являлся гражданский национализм. Премьер-министр Румынии Людовик Орбан в одном из своих выступлений, 9 октября 2020 г., предпринял попытку сформулировать взгляд на историческую память через призму гражданского национализма. По мнению политика, коллективная память должна «оставаться живой, достойной и незапятнанной попытками переписать историю и развиваться так, чтобы румынский народ сопротивлялся искушениям популизма, расистского цинизма и ксенофобии, фундаментализма и экстремизма в различных формах, которые ставят под угрозу демократические и общечеловеческие ценности» [12].

Ради достижения подобных целей правительство Румынии в 2020 г. планировало направить 200 млн евро в ближайшие годы на оцифровку книжных коллекций и архивных фондов, посвященных памяти жертв коммунизма [13]. Комментируя роль гражданского национализма,

Ф. Ангел подчеркивает, что подобные идеи не только стимулировали чувство союзнической солидарности между румынами и итальянцами как романскими нациями в период Первой мировой войны, но и интегрировали вклад нерумын в коллективную историческую память. Примером такой интеграции следует признать Памятник Героям в коммуне Когелак: на его постаменте «большинство имен немецкие, среди которых едва ли найдется хотя бы один Исмаил или такие фамилии, как Попа, Драгичи или Стойнеску. Молодые немцы из Когелака и Тариверде погибли осенью 1916 года за Румынию в боях за оборону Добруджи, против германской армии и кайзера Вильгельма II. Это почти наверняка единственная история в стране, где молодые немцы, первое поколение, родившееся в Добрудже, сражались и умирали за Румынию на глазах немцев из Германии» [14].

В рамках такой версии мемориальной культуры подчеркивается важность «сохранить память о тех, кто пожертвовал собой в Великой войне для достижения национального идеала» [15]. Подобная стратегия реализации исторической политики превращает представления о прошлом в «значительной степени мифическую конструкцию в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [16]. Другие авторы также склонны в исторической памяти актуализировать моменты, связанные с «объединением всех румын в границах единого государства» [17], что указывает на универсальность национализма в современной политике памяти.

Политика памяти в обществе потребления

Подобные элементы политики памяти как процесса мифотворчества в большей степени проявляются в попытках интеграции истории в публичные и общественные пространства, что фактически ведет к ее ассимиляции со стороны массовой культуры и общества потребления. Последнее склонно редуцировать политику памяти до перформанса, который в большей или меньшей степени стимулирует мемориальную культуру, как, например, имело место 17–19 сентября 2021 г. в рамках мероприятий, приуроченных памяти Стефана Батория [18]. Визуализация памяти не ограничивается только Средневековьем. Объектами подобной визуализации и, как следствие, интеграции в мемориальный канон стали более спорные с идеологической точки зрения фигуры новейшей истории Румынии – король Михай I и королева Мария [19].

Визуализация последних средствами современного кино указывает на ассимиляцию части пласта коллективной памяти, раннее отягощенной политическими противоречиями и различными идеологическими интерпретациями. В рамках такой тенденции развития исторической политики Михай и Мария были «выведены» за пределы актуальной мемориальной культуры, так как в их отношении утвердилось компромиссное восприятие их роли и вклада в новейшую историю страны. Другой, более радикальной формой визуализации памяти в Румынии в

начале 2020-х гг. стало издание графического романа «История коммунизма в Румынии» Михая Граждану [20], утверждающего, что он «представляет историю с точки зрения детей и подростков через концепцию прикладного комикса» [21]. Румынский историк Камил Ионеску в связи с этим указывает на то, что такое «графическое, яркое изображение одного из поворотных моментов в новейшей истории Румынии, описывающее возникновение и установление коммунистического режима», отражает основные закономерности развития исторической памяти [21].

Актуализация именно таких моментов в коллективной исторической памяти, сочетающих политическую, просветительскую и развлекательную функции и реализующих стремление вывести прошлое как объект мемориальной культуры из сферы мемориальной конфронтации в направлении общественных пространств как места репрезентации истории, указывает на то, что в Румынии пересматривается отношение к румынскому национализму, который используется для консолидации памяти в рамках не только этнической и мифологизированной систем координат, но гражданской и, отчасти, более рациональной. Последние тенденции, однако, становятся менее заметными, когда в центре исторической политики Румынии оказываются события, связанные с коммунистическим наследием. По мнению украинского исследователя Я. Грыцака, «после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [22, р. 230]. Такие интеллектуальные поиски привели к разным результатам, но общим последствием стало усиление зависимости истории как науки от политической конъюнктуры и превращение прошлого в мобилизационный ресурс, применяемый в рамках исторической политики.

2021 – 2022: политика памяти в условиях конфронтации

Демократический транзит в 1990-е гг. в значительной степени стимулировал политизацию истории и ее перемещение в центр политических дебатов, что сопровождалось открытием архивов и публикацией документов, проливающих свет на репрессии и активность специальных служб. И хотя 2010-е гг. были отмечены снижением интенсивности дебатов в отношении наследия авторитарного режима, инициативы правительства начала 2020-х гг., связанные с пересмотром самой процедуры доступа к архивным фондам, вновь превратили этот вопрос в предмет обсуждения в рамках исторической политики.

Инициатором очередной волны мемориальной конфронтации стало государство, представленное Главным управлением внутренней охраны (Direcția Generală de Protecție Internă), которое выступило с инициативой ревизии архивных фондов, содержащих секретные документы 1930–1980-х гг. Седьмого июня 2021 г. архивариусы уездов Клуж, Яссы и Марамуреш Национального архива Румынии подписали меморандум на имя директора, указав на недопустимость уничтожения архивных фондов, на чем настаивали представители специальных

служб. Руководство НА Румынии проигнорировало эту инициативу и только в 2022 г. признало необходимость нормализации ситуации с доступом к архивам. Реакцией академического сообщества стало открытое письмо, в котором подчеркивалась опасность введения цензуры, так как в число закрытых для доступа документов попали «сведения, отражающие уровень жизни рабочих в 1950-е гг., репрессивная политика, проводимая коммунистическим режимом в контексте Венгерской революции 1956 г., и даже информация об экспорте вина в СССР» [23].

Столь активная реакция интеллектуалов указывает на то, что они усвоили уроки демократического транзита, который позволил им осознать себя в качестве сообщества. В такой ситуации сообщество понимает, что ему необходимо «продолжать деконструировать — критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [24, с. 95]. Подобная политика, с одной стороны, воспринимается интеллектуалами как форма контроля над прошлым и над процессами развития коллективной памяти, с другой — интеллектуальное сообщество периодически подчеркивает, что политические правящие элиты в Румынии не проявляют уважения к историческому прошлому. Такое отношение составляет одну из системных характеристик румынской мемориальной политики, воспринимаемой интеллектуалами через призму укрепления режима за счет гражданского общества.

В качестве примера подобного неуважительного отношения к исторической памяти общественными активистами позиционировался снос в начале 2023 г. греко-католической церкви Святой Троицы в селе Унгень. Снесенная церковь воспринимается гражданскими активистами как «историческая резиденция трансильванских румын и важный центр духовности в Трансильвании XIX века» [25]. Ситуация, сложившаяся на протяжении 2020–2022 гг. в области мемориальной культуры в целом и исторических архивов в частности, заставила румынских интеллектуалов поднять вопрос о фактическом возникновении в Румынии национальной версии политики памяти, инициируемой, контролируемой и проводимой государством.

Интеллектуалы и проблема ревизионизма в политике памяти

Дорин Добринку в 2022 г. поставил перед историческим сообществом и элитами несколько неудобных вопросов: «Кто боится прошлого?», «Кому выгодна реклассификация документов, находившихся в открытом доступе в течение последних 15 лет?», «Хотим ли мы снова положить под замок документы, касающиеся румынских диктатур?», «Хотим ли мы воссоздания Управления секретных документов в том виде, в каком оно существовало в Государственном архиве и других учреждениях до начала 1990-х годов?», «Хотим ли мы, чтобы не было известно, чем занимались авторитарные лидеры, вне зависимости от того, были ли они коронованными особами, генералами или маршала-

ми, главами экстремистских партий, от легиона Архангела Михаила до Румынской коммунистической партии?», «Хотим ли мы, чтобы об институтах румынского государства — в его репрессивных и даже криминальных проявлениях — больше не знали?», «Хотим ли мы ограничить доступ к документам о массовых убийствах в Яссах или Одессе 1941 года?», «Хотим ли мы обелить румынский фашизм и коммунизм?», «Хотим ли мы общество без памяти?» [26].

Формулировка именно таких вопросов свидетельствовала о том, что интеллектуалы «должны решить “внутренние споры”, попытаться критически разобраться с собственным прошлым, чтобы “скелеты в шкафу” не помешали нам избавиться от комплексов и политического балласта. Каждая “национальная историография” не только на востоке, но и на западе Европы сталкивается при решении этой проблемы со своими трудностями» [27, с. 46]. В румынском случае эта задача оказалась практически невыполнимой, так как желание интеллектуального сообщества сформировать новую коллективную память столкнулась с непониманием и нежеланием элит менять используемые версии мемориальной культуры, которые казались им вполне применимыми для решения политических задач.

Эти вопросы в большей степени имеют отношение к историческому ревизионизму как поиску новых ответов на вопросы, формулируемые самой логикой развития истории как науки. Вместе с тем часть историков в современной Румынии констатирует, что мемориальная культура в большей степени основана на консервации интерпретаций, а не на пересмотре предложенных ранее объяснений. Поэтому Кодруц Константину подчеркивает опасность исторической профессии в Румынии, где ряд вопросов национального прошлого табуирован [28]. Среди этих проблем, которые подвергаются маргинализации и перемещению в пространства коллективной социальной и исторической амнезии, находятся вопросы подмены памяти о румынском коммунизме субъективными и личными воспоминаниями о нем же, граничащими с ностальгией [29].

В такой ситуации обращение к прошлому в коллективной памяти «является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего путем нарушения прошлого опыта и его трансформированного перехода к современности» [30, с. 419]. Если в начале 2020-х гг. румынское общество не только было готово такие вопросы слышать, но и пыталось отвечать на них, подчеркивая, что «потребовались десятилетия, чтобы узнать правду о тех годах... и теперь нам необходимо говорить ответственно, с уважением и благочестием в демократической Румынии, которая стала способна осудить преступления диктаторского режима и избавиться от лицемерия коммунизма» [31], то к 2022–2023 гг. история оказалась в центре политических дебатов, став как предметом манипуляции, так и мобилизационным ресурсом. Поэтому Д. Добринку констатирует необходимость «понять и принять уникальность и специфику деятельности архивов на службе общества» [32] в рамках сохранения исторической памяти.

Политические противоречия мемориальной культуры

В этих условиях в Румынии сложилась ситуация конфликта памяти общества и памяти власти, так как «желание властных инстанций контролировать историческую политику может наталкиваться на препятствия и противодействие за пределами государственных структур» [33, с. 16]. Подобная позиция румынских интеллектуалов вступает в явное противоречие с той, что занимают элиты. Если первые акцентируют внимание на памяти как факторе прогресса общества, то вторые склонны сводить ее функции почти исключительно к контролю.

Среди политически неудобных вопросов оказался и вопрос, связанный с ролью румын в Холокосте. Анка Спану, комментируя 28 января 2023 г. участие Румынии в Международном дне памяти жертв Холокоста, констатировала, что современная мемориальная культура переполнена примерами «возрождения языка вражды ко всему инаковому» [34], что является «первым шагом в направлении нежелательного повторения истории». По мнению А. Спану, коллективная память сталкивается с «натиском ложной информации, и противостоять ей становится все труднее, как отдельным активистам, так и институтам» [34]. Ионел-Клаудиу Думитреску в связи с этим указывает на то, что объектом таких манипуляций с прошлым и мифологизации истории является коммунизм и его место в коллективной памяти. Согласно Думитреску, «румынский народ, которому надоели промахи политиков, ищет образцового лидера, который вытащит страну из грязи и, так как память масс очень недолговечна, лишь бывший диктатор претендует на такую роль. Ложь пропаганды превратила его в своего рода мученика и жертву... Николае Чаушеску воспринимается как патриот... но документы, опубликованные после событий декабря 1989 года, показывают лицо другого человека» [35].

По мнению исследователей коллективной памяти, «пересмотр прошлого произошел после краха коммунизма, частично оттого, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в “режиме забывания”» [36, р. 177], что представляется неверным для Румынии, где общество превратило рефлексии относительно собственного коммунистического опыта в прошлом в важный элемент идентичности. Деконструкция образа Н. Чаушеску как героя и его демонизация в посткоммунистической мемориальной культуре актуализирует вопрос ответственности политического класса и его участия в исторической политике, что возвращает общество к списку вопросов, сформулированных Д. Добринку. По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, «сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого» [37, с. 90].

Интеллектуальная инициатива Д. Добринку, которая активизировала политику исторической памяти в Румынии, актуализировала плюрализм общества, оказавшийся, правда, односторонним в силу того, что

в подобных ситуациях, по словам белорусского историка Г.Н. Сагановича, «мышление стереотипами боится демократизации и открытости» [38, с. 111]. Готовность к различным восприятиям прошлого проявили почти исключительно интеллектуалы, в то время как представители элит, наоборот, предпочли сохранить мемориальный канон, созданный их предшественниками. Проблемы, на важность и нерешенность которых обратили внимание румынские историки, оказались в одинаковой степени неудобны как для властей, так и для активистов исторической политики, потому что они манипулировали прошлым с целью политической мобилизации и легитимации, а не ради его научного изучения, к которому стремится академическое сообщество, представленное Д. Добринку.

Отвечая на эти вопросы, Д. Добринку указывал на важность коллективной исторической памяти, подчеркивая, что «свободный доступ к архивам необходим для демократического общества, на него не должны влиять политические или бюрократические интересы и игры. Без свободного доступа к следам прошлого, к архивам, к историческим документам ослабевают основы демократического общества» [26]. Анка Спану такую тенденцию в развитии мемориальной культуры связывает с попытками институционализации в румынском обществе коллективной амнезии с целью маргинализации и вытеснения политически и идеологически неудобных для элит моментов. В такой ситуации, как полагает А. Спану, «коллективная память нацелена на забывание зла в чистом виде, что основано на использовании недостатка образования или его поверхностности» [34], позволяющих цензурировать коллективную память.

Политические элиты и интеллектуалы: мемориальная конкуренция

Интеллектуальная инициатива Д. Добринку актуализировала в современном румынском обществе ситуацию, в которой «представители нации размышляют о своей истории», но «им тяжело говорить на одном и том же языке» [39, с. 14]. Поэтому, полемизируя со сторонниками инструментализации прошлого, его превращения в политический ресурс в рамках исторической политики, Д. Добринку указывал на важность политики памяти, осуществляемой историками и другими интеллектуалами, понимающими, что «граждане имеют право на общественную память, будь то память микросообществ или политического тела, государства, которая формируется через дебаты, диалог, противостояние различных, конкурирующих точек зрения» [40].

В этой ситуации румынские интеллектуалы, в том числе профессиональные историки, оказываются вынужденными участниками исторической политики, представляя ее умеренное течение, в основе которого лежит в большей степени признание истории и прошлого в качестве символических ресурсов, но не их непосредственное использование ради легитимации и консолидации режима. Последнее активно

практикуется со стороны политических элит, в своем мемориальном противостоянии с активистами гражданского общества стремящихся институционализировать ту версию исторической памяти, которая, на их взгляд, является наиболее верной. Именно поэтому в рамках такой политической линии в июле 2022 г. президент Румынии Клаус Йоханнис обнародовал закон об учреждении Национального музея антикоммунистической революции в г. Тимишоара [41].

Решения о создании Музея антикоммунистической революции и о введении с 2024 г. в школьную программу курса «История коммунизма в Румынии» [42] фактически свидетельствуют о стремлении элит играть доминирующую роль в исторической политике и лишить гражданских активистов инициативы в формировании и развитии коллективной исторической памяти, что в перспективе обезопасит элиты от появления и развития как альтернативных интерпретаций, так и параллельных мемориальных культур. Поэтому современная политика памяти в Румынии отличается множественным и гетерогенным характером. Комментируя ситуацию, Д. Добринку подчеркивает, что «после 1989 года и в последние годы различные институты румынского государства продолжали увековечивать и вновь подтверждать память о своих мрачных периодах либо во время Второй мировой войны, либо в коммунистический период, что относится к Министерству внутренних дел, жандармерии и румынской разведывательной службе» [43].

В сложившейся ситуации историческая память румынского общества не только актуализировала свое значение, санкционируя «обращение как к ужасам прошлого, так и к радостям истории», но и оказалась вынужденной выбирать между «коллективным аутизмом» и «уродливым эгоцентризмом» [44]. Если, по мнению румынских экспертов, первому «не должно быть места в развитом обществе», то второе «не оставит камня на камне от памяти» [44]. Таким образом в начале 2020-х гг. институционализировались особенности мемориальной культуры Румынии. Государство, с одной стороны, сохранило свою роль в исторической политике, будучи в состоянии избежать создания специального института памяти. С другой стороны, общественные активисты стали основными форматорами создания и развития культуры исторической памяти в публичных и общественных пространствах. Отношения между этими двумя полюсами в современной румынской исторической политике могут быть определены как конфронтационные, развивающиеся в рамках «войн памяти», в ходе которых с обеих сторон оспаривается право как формировать память, так и осуществлять ее контроль и цензурирование.

Выводы

Политика памяти на современном этапе в значительной степени подвержена идеологическому и политическому влиянию со стороны румынского национализма. Именно национализм является основным фактором, который содействует формированию запроса современного

румынского общества на наличие тех или иных интерпретаций коллективного исторического опыта. Поэтому, интерпретации фактов прошлого, которые имеют распространение в публичных и общественных пространствах современного румынского социума, в значительной степени подвержены влиянию националистической идеологии. Политика памяти и формируемая в ее результате мемориальная культура в современной Румынии отличаются значительным уровнем фрагментации. Современное румынское общество не в состоянии сформировать единый мемориальный канон, который содействовал бы как консолидации национальной политической гражданской идентичности, так и развитию единой компромиссной версии исторической памяти.

В новейшей румынской истории существует ряд тем, которые содействуют фрагментации румынской мемориальной культуры. Основные темы, которые ведут к развитию исторической памяти Румынии на принципах множественного соразвития различных памятей, связаны с восприятием опыта румынского национализма и коммунизма в XX в. Именно интерпретация этих противоречивых событий в истории страны становится поводом для мемориальной конфронтации и войн памяти в современном румынском обществе. При этом следует принимать во внимание и то, что степень конфликтности румынской мемориальной культуры в значительной степени ниже, чем аналогичный показатель в других постсоциалистических странах, по причине в большинстве случаев гетерогенного состава населения последних. Отсутствие серьезных этнических конфликтов между представителями различных групп в этой ситуации содействует тому, что основная линия разграничения в рамках мемориальной культуры проходит вокруг различных идеологически и политически мотивированных интерпретаций фактов прошлого, что оказывает существенное влияние на реализацию и протекание современной мемориальной политики в Румынии.

В целом следует подчеркнуть, что история как мобилизационный и легитимационный ресурс политических элит будет и в дальнейшем использоваться правящими кругами в современной Румынии. Склонность элит к применению символического потенциала истории свидетельствует об универсальности исторической политики памяти как формы мобилизации и легитимации. Что касается перспектив развития румынской исторической политики, то не следует исключать более активного применения символического ресурса истории в контекстах решения политических и частично экономических задач. В этой ситуации правящие политические элиты и в дальнейшем будут обращаться к истории как к эффективному консолидационному ресурсу и механизму.

Таким образом, историческая политика в современной Румынии в начале 2020-х гг. актуализировала и национальные особенности политики памяти, и общие закономерности, которые характерны для манипуляции фактами исторического прошлого в современных публичных и политических пространствах. Подобное активное использование по-

литики памяти современными румынскими элитами свидетельствует об их решимости в применении символического мобилизационного потенциала истории и указывает на необходимость дальнейшего междисциплинарного и анализа румынской мемориальной политики.

Список литературы

1. *Lee N.* Memory Construction and the Politics of Time in Neoliberal South Korea. Durham, 2022.
2. *Klabjan B.* Borderlands of Memory: Adriatic and Central European Perspectives. L. ; N. Y. ; Berlin, 2018.
3. *Loytomaki S.* Law and the Politics of Memory: Confronting the Past. L. ; N. Y., 2014.
4. *Perkins Ch.* The United Red Army on Screen: Cinema, Aesthetics and The Politics of Memory. L. ; N. Y., 2015.
5. *Tileagă C.* Representing Communism After the Fall: Discourse, Memory, and Historical Redress. L. ; N. Y., 2018.
6. *Asavei M.A.* Art, Religion and Resistance in (Post-)Communist Romania: Nostalgia for Paradise Lost. L. ; N. Y., 2020.
7. *Stan L.* Transitional Justice in Post-Communist Romania: The Politics of Memory. Cambridge, 2012.
8. *Holocaust Public Memory in Postcommunist Romania* / ed. by A. Florian. Bloomington, 2018.
9. *Ciobanu M.* Repression, Resistance and Collaboration in Stalinist Romania 1944–1964: Post-communist Remembering. L. ; N. Y., 2020.
10. *Anghel F.* Memoria istorică a României Mari prin monumentele eroilor din Dobrogea // Cuget Liber. 2020. Noiembrie 25. URL: <https://cugetliber.ro/stiri-cultura-educatie-memoria-istorica-a-romaniei-mari-prin-monumentele-eroilor-din-dobrogea-417016> (дата обращения: 15.03.2023).
11. *Rottier P.* Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // Ab Imperio. 2004. №1. P. 467–486.
12. *Orban L.* Să ne asigurăm că memoria victimelor Holocaustului rămâne demnă și neîntinată de încercări de rescriere a istoriei // Bursa. 2020. Octombrie 9. URL: <https://www.bursa.ro/ludovic-orban-3939sa-ne-asiguram-ca-memoria-victimelor-holocaustului-ramane-demna-si-neintinata-de-incercari-de-rescriere-a-istoriei3939-69258048> (дата обращения: 15.03.2023).
13. *Tănăsescu A.* Ce prevede PNRR pentru cultură: digitalizarea pieței de carte, trasee turistice ale monumentelor istorice și muzee dedicate memoriei victimelor comunismului // Edupedu. 2021. Iunie 12. URL: <https://www.edupedu.ro/ce-prevede-pnrr-pentru-cultura-digitalizarea-pieteii-de-carte-trasee-turistice-ale-monumentelor-istorice-si-muzee-dedicate-memoriei-victimelor-comunismului-cultura-la-duba/> (дата обращения: 15.03.2023).
14. *Anghel F.* Memoria istorică a României Mari prin monumentele eroilor din Dobrogea // Cuget Liber. 2020. Noiembrie 25. URL: <https://cugetliber.ro/stiri-cultura-educatie-memoria-istorica-a-romaniei-mari-prin-monumentele-eroilor-din-dobrogea-417016> (дата обращения: 15.03.2023).
15. *Monumentele României Mari din București – o nouă expoziție la Palatul Suțu* // Historia. 2021. Noiembrie 26. URL: <https://historia.ro/sectiune/timp-liber/monumentele-romaniei-mari-din-bucuresti-o-noua-565319.html> (дата обращения: 15.03.2023).

16. *Friedman J.* History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. №1. P. 43.
17. *Stan A.* Artizan al Unirii, erou al românilor din Transilvania: Gheorghe Pop de Băsești și o Casă Memorială redată istoriei // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2020. Noiembrie 4. URL: <https://www.contributors.ro/artizan-al-unirii-erou-al-romanilor-din-transilvania-gheorghe-pop-de-basesti-si-o-casa-memoriala-re-data-istoriei/> (дата обращения: 15.03.2023).
18. *Șteț S.* "Bathory Fest 2021" la Șimleu Silvaniei cu trupe de reconstituire istorică // Radio România. 2021. Septembrie 17. URL: <https://www.romania-actualitati.ro/stiri/romania/bathory-fest-2021-la-simleu-silvaniei-cu-trupe-de-reconstituire-istorica-id156176.html> (дата обращения: 15.03.2023).
19. *Filmul "Regele Mihai: Drumul către casă" va fi prezentat Bucharest International Film Festival 2022* // Revista 22. 2022. Septembrie 14. URL: <https://revista22.ro/actualitate-interna/filmul-regele-mihai-drumul-catre-casa-va-fi-prezentat-bucharest-international-film-festival-2022> (дата обращения: 15.03.2023).
20. *Grajdeanu M.* Momente din istorie, Istoria comunismului in Romania. București, 2021.
21. *Diaconu M.C.* Romanul grafic istoric, un manual auxiliar // Zile și nopți. 2021. Decembrie 19. URL: <https://zilesinopti.ro/2021/12/19/b-d-romanul-grafic-istoric-un-manual-auxiliar/> (дата обращения: 15.03.2023).
22. *Hrytsak Y.* On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // Ab Imperio. 2004. №1. P. 229 – 254.
23. *Scrisoare* deschisă privind accesul istoricilor la documente din Arhivele Naționale // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/scrisoare-deschisa-privind-accesul-istoricilor-la-documente-din-arhivele-nationale/> (дата обращения: 15.03.2023).
24. *Баркоўскі П.* Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. №21 (2). С. 93 – 96.
25. *Suciu A.-I.* Cardinalul Lucian Mureșan reacționează: Demolarea lăcașului de cult istoric de la Ungheni, văzută ca o lipsă de respect față de memoria istorică a românilor din zonă // Unirea. 2023. Martie 30. URL: <https://ziarulunirea.ro/cardinalul-lucian-muresan-reactioneaza-demolarea-lacasului-de-cult-istoric-de-la-ungheni-vazuta-ca-o-lipsa-de-respect-fata-de-memoria-istorica-a-romanilor-din-zona-822675/> (дата обращения: 15.03.2023).
26. *Dobrincu D.* Noua direcție a adevărului: distrugerea memoriei istorice românești // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/noua-directie-a-adevarului-distrugerea-memoriei-istorice-romanesti/> (дата обращения: 15.03.2023).
27. *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. №3-4. С. 43 – 64.
28. *Constantinescu C.* Suntem prizonierii istoriei // Revista 22. 2021. Mai 25. URL: <https://revista22.ro/cultura/suntem-prizonierii-istoriei> (дата обращения: 15.03.2023).
29. *Constantinescu C.* Memoria problematică a obiectelor comuniste // Dilema Veche. 2022. №926. Ianuarie 6 – 12. URL: <https://dilemaveche.ro/sectiune/la-fata-timpului/memoria-problematica-a-obiectelor-comuniste-633904.html> (дата обращения: 15.03.2023).
30. *Кръстев Д.* Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Т. 3 : Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна, 2003. С. 416 – 449.

31. *Orban L.* Să ne asigurăm că memoria victimelor Holocaustului rămâne demnă și neîntinată de încercări de rescriere a istoriei // *Bursa*. 2020. Octombrie 9. URL: <https://www.bursa.ro/ludovic-orban-3939sa-ne-asiguram-ca-memoria-victimelor-holocaustului-ramane-demna-si-neintinata-de-incercari-de-rescriere-a-istoriei3939-69258048> (дата обращения: 15.03.2023).

32. *Dobrincu D.* Scandalul Arhivelor Naționale și ieșirea din paradigma sovietică // *Revista 22*. 2022. Iunie 14. URL: <https://revista22.ro/opinii/dorin-dobrincu/scandalul-arhivelor-nationale-si-iesirea-din-paradigma-sovietica> (дата обращения: 15.03.2023).

33. *Белов М. В.* Введение: «Историческая политика» или «политика памяти»? // *Историческая политика в странах бывшей Югославии* / ред. М. В. Белов. СПб., 2022. С. 3–26.

34. *Spânu A.* Memoria istoriei și discursul urii // *Viata Libera*. 2023. Ianuarie 28. URL: <https://www.viata-libera.ro/editorial/196599-memoria-istoriei-si-discursul-urii> (дата обращения: 15.03.2023).

35. *Dumitrescu I.-C.* Adevărata față a lui Nicolae Ceaușescu încă de la începuturile ascensiunii spre puterea supremă // *Historia*. 2021. Noiembrie 26. URL: <https://historia.ro/sectiune/general/adevarata-fata-a-lui-nicolae-ceausescu-inca-de-la-565336.html> (дата обращения: 15.03.2023).

36. *Outhwaite W., Ray L.* Modernity, Memory and Postcommunism // *Social Theory and Postcommunism* / ed. by W. Outhwaite, L. Ray. L.; N. Y., 2005. P. 176–197.

37. *Шерпер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. №3-4. С. 89–108.

38. *Саганювич Г.* Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // *Беларускі Гістарычны Агляд*. 2010. Т. 17, сш. 1–2 (32–33). С. 89–116.

39. *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М., 2003. С. 14–17.

40. *Dobrincu D.* Noua direcție a adevărului: distrugerea memoriei istorice românești // *Contributors. Texte cu valoare adaugată*. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/noua-directie-a-adevarului-distrugerea-memoriei-istorice-romanesti/> (дата обращения: 15.03.2023).

41. *Klaus Iohannis* a promulgat legea de înființare a Muzeului Național al Revoluției Anticomuniste din decembrie '89 // *Bursa*. 2022. Iulie 21. URL: <https://www.bursa.ro/klaus-iohannis-a-promulgat-legea-de-infiintare-a-muzeului-national-al-revolutiei-anticomuniste-din-decembrie-89-65601743> (дата обращения: 15.03.2023).

42. *Iacob V.* Elevii vor avea o nouă materie obligatorie de la anul. “O pagină recentă și dureroasă a istoriei României” // *Ziare*. 2023. Martie 4. URL: <https://ziare.com/scoala/materie-noua-scoala-2023-istoria-comunismului-1792197> (дата обращения: 15.03.2023).

43. *Dobrincu D.* Judecători care rescriu istoria. Perspectiva Securității în decizia din procesul Gheorghe Ursu // *Revista 22*. 2020. Februarie 4. URL: <https://revista22.ro/dosar/judecatori-care-rescriu-istoria-perspectiva-securitatii-in-decizia-din-procesul-gheorghe-ursu> (дата обращения: 15.03.2023).

44. *Arun G.* Recursul la memorie, un act de disciplină morală // *Adevarul*. 2021. Mai 5. URL: <https://adevarul.ro/blogurile-adevarul/recursul-la-memorie-un-act-de-disciplina-morala-2093999.html> (дата обращения: 15.03.2023).

Об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — д-р ист. наук, доц., Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

M. W. Kyrchanov

**HISTORICAL POLICY AND MEMORIAL CULTURE
OF MODERN ROMANIAN SOCIETY**

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Received 20 April 2023

Accepted 19 June 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7

84

To cite this article: Kyrchanov M. W., 2023, Historical policy and memorial culture of modern Romanian society, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 69–84. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7.

The aim of the research is to analyze the contemporary politics of memory in Romania in the early 2020s. The author examines the role and place of intellectual communities as key spaces of memory genesis and the functioning of memorial culture and collective historical memory in the contemporary social and political thought of Romania. The novelty of the study lies in exploring the current stage in the development of the historical politics of Romanian society in the context of an objective deficit of interdisciplinary research focused on the analysis of memorial cultures. The article demonstrates that: 1) the intellectual community, as one of the systemic segments of modern Romanian society, significantly contributes to the development and transformation of memorial culture; 2) the spectrum of memorial practices of Romanian intellectuals, as agents of historical memory politics and shapers of various versions of memorial culture, varies from historical revisionism to attempts to form a liberal memorial canon; 3) the memorial practices of the contemporary intellectual community are interconnected with the development of civil and ethnic nationalist discourse; 4) the participation of intellectuals in memory politics actualizes the political and ideological heterogeneity of modern society, contributing to the simultaneous coexistence and competition of different forms of historical memory. It is assumed that the role of Romanian civil society in the historical politics of contemporary Romania will increase, and the intellectual community will remain one of the active participants in the politics of collective memory.

Keywords: Romania, collective memory, intellectuals, historical politics, wars of memory, culture of memory

The author

Prof. Maksym W. Kyrchanov, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

М. А. Гасанов

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ВОЕННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 28.06.2023 г.

Принята к публикации 10.08.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-8

85

Для цитирования: Гасанов М.А. Перспективы новой интервенции военных в политические процессы в Турецкой Республике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-8.

Участие армии в политических процессах в Турции имеет неоднозначные последствия для социума. С одной стороны, на протяжении десятилетий армия поддерживала светский характер турецкой политики. С другой стороны, военные выступали в роли сильного фактора, замедляющего развитие турецкой демократии, опасаясь потерять влияние на государство. Каждый раз, когда возникали условия для политической эмансипации, армия брала власть в свои руки, организовывая массовые репрессии в стране. Последняя попытка захвата власти в 2016 г. подорвала уже ослабленное положение военных, однако твердой уверенности в том, что армия не попытается вернуть себе статус скрытого опекуна, нет. Целью предпринятого исследования стало прогнозирование условий, при которых военные попытаются осуществить переворот. При прогнозировании использовался метод сценариев. В результате получены три сценария развития Турецкой Республики: установление жесткого клерикального авторитаризма, демократический транзит и сохранение гибридного режима. Выявлено, что наибольшую вероятность военный переворот имеет при установлении жесткого авторитаризма, а наименьшую – при сохранении гибридного режима.

Ключевые слова: военный переворот, демократия, авторитаризм, светский режим, армия

С момента последней попытки государственного переворота в Турции прошло почти семь лет. За это время в стране была организована полномасштабная антитеррористическая операция, результаты которой не имели прецедентов с начала XXI в. Властями Турции был принят целый комплекс мер по тотальной чистке всех сфер турецкого общества от неугодных для правящей власти элементов: от закрытия СМИ до арестов высокопоставленных военных. При этом следует отметить, что тотальная чистка производилась при поддержке абсолютного большинства турецкого общества, а попытку государственного переворота осудили все крупные политические партии. Таким образом, правящий режим получил «зеленый свет» для закручивания гаек в стране. Государственная репрессивная машина начала с оппозиционных СМИ.

Одной из первых под санкции турецкой власти попала крупнейшая печатная газета страны с тиражом более 600 тыс. экземпляров в день — Zaman [22]. В газете было введено внешнее управление, что полностью изменило редакционную политику, и Zaman начала выпускать проправительственные статьи. Аналогичной была судьба информационного агентства Cihan. В общей сложности в результате закрытия агентств Cihan и Zaman было уволено более 400 их сотрудников [11]. Старейшая газета Турции Cumhuriyet, которая не имела публичных связей с ФЕТО, но активно выступала против усиления авторитаризма, также попала под репрессии. Издание было обвинено в связях с Гюленом и поддержке государственного переворота.

Усиление репрессий против представителей СМИ привело к еще большему ограничению свободы печати в Турции. Согласно данным Комитета по защите журналистов (СРЖ), в 2019 г. в Турции в местах лишения свободы находилось самое большое число женщин-журналистов — 14 [16]. По информации организации «Репортеры без границ» на 2023 г., Турция занимает 165-е место из 180 в рейтинге свободы прессы. Таким образом, Турция традиционно находится на одном из последних мест по уровню свободы печати в мировом рейтинге.

Под репрессии также попали представители бизнес-элиты, государственные чиновники, религиозные и общественные деятели, представители искусства и науки, которых обвиняли в связях с ФЕТО. В общей сложности за период антитеррористической операции было арестовано 2839 военных (включая 103 генералов и адмиралов), лишены работы 2745 судей (36 % от общего числа судейского корпуса страны), из них 755 были арестованы (включая двух судей Верховного суда), а также уволено 49321 госслужащих (включая 21 тыс. учителей) [4]. По решению судебных органов было закрыто множество организаций, включая госпитали и больницы (35), частные образовательные учреждения (1043), общежития и пансионаты, религиозные фонды (1229), университеты (15), промышленные и торговые союзы (19), а также расформированы все военные институты и училища, финансируемые фондом Гюлена. В сфере СМИ были закрыты три новостных агентства, 16 телеканалов, 23 радиостанции, 45 газет, 15 журналов и 29 издательств [4].

Таким образом, анализируя существующий информационный массив, мы можем убедиться, что путч 2016 г. стал не только поводом для ослабления позиций армии в политике, но и возможностью для подавления значения оппозиционных сил в стране. Несмотря на ослабление роли армии в качестве ключевого арбитра политических процессов, военные, будучи консервативной силой, не без боя согласятся на новый статус в государственных делах. Поэтому говорить о том, что гражданским властям Турции окончательно удалось взять армию под контроль, сложно, если помнить об исторических традициях и роли армии в стране.

Учитывая вышесказанное, постараемся с опорой на метод сценариев спрогнозировать, при каких условиях сохраняется вероятность новых вмешательств армии в политические процессы.

Метод сценариев на протяжении уже более тридцати лет доказал свою эффективность в вопросах прогнозирования. Если на начальном этапе метод преимущественно использовался для прогнозирования рисков коммерческих организаций, то на сегодняшний день построение сценариев является универсальным и междисциплинарным инструментом. Так, один из ведущих специалистов в области маркетинга, американский исследователь Дэвид АAKER, писал: «Сценарии – это способ анализа сложной среды, в которой присутствует множество значимых, к тому же влияющих друг на друга тенденций и событий» [1, с. 184]. Для построения сценариев дальнейшего развития турецкого государства мы воспользуемся рекомендациями Пола Шумейкера.

Согласно Шумейкеру, необходимо выявить и изучить факторы, влияющие на организацию [20, с. 195], в нашем случае это Турецкая Республика. В рамках сценариев мы выделили факторы, которые могут оказать влияние на политические процессы в стране: внешние и внутренние факторы и социальные сети. В рамках анализа внутренних факторов выделены три подгруппы: политические, экономические и социальные (табл.). Ключевыми акторами в политической сфере выступают турецкая оппозиция, бывшие соратники Эрдогана по Партии справедливости и развития и средства массовой информации.

Ключевые факторы политического процесса

Политические	Экономические	Социальные
Установление жесткого авторитаризма. Вероятность победы оппозиции на парламентских выборах. Вероятность санкций против Турции. Переоценка идей светскости в стране. Усиление давления на оппозиционные СМИ	Экономические санкции. Экономический кризис. Спад доходов населения. Девальвация национальной валюты. Попытка возрождения принципа этатизма	Обострение противостояния между Рабочей партией Курдистана и центральными властями. Поляризация турецкого общества. Обострение ситуации с сирийскими беженцами. Социальное расслоение в обществе

Отдельно скажем про СМИ, которые в современном обществе выполняют ревизионные функции по отношению к ветвям власти, в связи с чем часто становятся объектом нападений со стороны как преступных группировок, так и государства. Особенно ярко это проявляется в авторитарных странах, где любая критика воспринимается как преступление против государства и его интересов. В экономической сфере ключевым актором выступает турецкая бизнес-элита. Как показал путч 2016 г., даже ведущие бизнесмены не застрахованы от тюремных сроков и национализации бизнеса. Ведущий аналитик Global Source Research Атилла Есиллада отмечает, что уголовные дела против бизнесменов станут причиной сокращения иностранных инвестиций в Турцию и оттока капитала из страны [19]. По состоянию на 2017 г. в результате путча 879 компаний с общим капиталом в 40,3 млрд долл. были либо аресто-

ваны, либо переданы в Фонд страхования сбережений (SDIF) [21]. В социальной сфере ведущими акторами являются Рабочая партия Курдистана и аффилированные с ней организации, ультраправые организации во главе с «Серыми волками» как наиболее известной в медиапространстве, турецкая армия и мусульманское духовенство.

В числе внешних факторов были выделены США и ЕС. При этом данные акторы были отобраны на основе анализа исторического опыта, тех эпизодов, когда они так или иначе оказывали влияние на внутреннюю политику страны — особенно если принимать во внимание связь между военными переворотами в Турции и напряженными отношениями с Вашингтоном в XX в. Так, турецкий исследователь Мюрсел Байрам пишет о том, что первый военный переворот в Турции произошел в то время, когда правительство Аднана Мендереса пыталось диверсифицировать внешнюю политику путем налаживания отношений с социалистическим лагерем, особенно с СССР [18, с. 33]. Второй и третий военные перевороты, по мнению Байрама, также были связаны с ухудшением отношений с США [18, с. 41]. Немаловажной угрозой интересам Вашингтона в этот период, по мнению Байрама, являлась вероятность прихода к власти левых сил [18, с. 42]. Что же касается путча 2016 г., в медиапространстве Турции активно обсуждалась роль западных сил в организации мятежа. На сегодняшний день напряженность между Анкарой и Западом сохраняется по множеству вопросов, в частности из-за отказа Турции присоединиться к антироссийским санкциям, непоколебимости Анкары по вопросу вступления Швеции в НАТО и ряда других проблем.

В качестве отдельного фактора следует назвать сирийский конфликт и деятельность курдских партий в Сирии и Ираке. В частности, на последних президентских выборах в Турции тема беженцев, особенно сирийских, стала одной из ключевых для оппозиции. Все чаще в дискурсе турецких СМИ сирийские беженцы представляются в отрицательном свете, что во многом усиливает негативное отношение социума к ним. Также, с учетом того факта, что Анкара стремится не допускать институционализации курдского этнополитического движения в Северо-Восточных районах Сирии и Ирака, велика вероятность новых военных операций против курдов. Таким образом, в условиях социально-экономического кризиса, роста ксенофобных настроений и обострения сирийского конфликта приток беженцев в страну может увеличиться, а новые военные операции против курдов приведут к солидаризации турецких курдов с сирийскими и иракскими. В результате возникает высокая вероятность социальных потрясений в Турции. Таким образом, выделенные факторы позволяют спрогнозировать сценарии развития турецкого государства на ближайшие годы, при которых сохраняется вероятность новых попыток военных переворотов.

Первый сценарий — это процесс «эрдоганизации» Турецкой Республики. Прежде всего под «эрдоганизацией» понимается усиление авторитаризма в стране. Учитывая тенденции, наблюдаемые в Турции за последние десять лет, можно предположить, что усиление авторита-

ризма является одним из наиболее вероятных сценариев развития страны в ближайшем будущем. Достаточно вспомнить изменения, внесенные в Конституцию Республики в результате референдума 2017 г. В соответствии с ними парламент утратил ряд ключевых функций, необходимых для реализации принципа сдержек и противовесов в концепции разделения властей. В результате Великое национальное собрание Турции потеряло функцию надзора за Советом министров и министрами, а президент сосредоточил в своих руках всю полноту исполнительной власти [14]. Рассмотрим вероятное поведение ключевых акторов в первом сценарии. Согласно проведенному анализу, в качестве таковых выступают турецкая оппозиция во главе с НРП, СМИ и бывшие соратники Эрдогана по ПСР. Если авторитаризм в Турции продолжит ужесточаться, мы можем увидеть консолидацию оппозиционных сил, включая СМИ, вокруг Народно-республиканской партии как второй по численности политической силы в Турции.

В случае дальнейшей «эрдоганизации» вероятность сильной поляризации общества будет усиливаться. При этом опасность социального размежевания по идеологическим принципам может стать причиной новых социальных потрясений для Турецкой Республики, подобных тем, которые имели место в 70–80-е гг. XX в. Но если тогда основными источниками террора и беспорядков были столкновения между сторонниками левых и правых взглядов, то в будущем противостоящими силами станут сторонники секуляризма и клерикализма. В этих условиях возможны два варианта поведения оппозиции, включая бывших соратников президента Республики. В первом случае экс-союзники Эрдогана займут умеренную оппозиционную позицию по отношению к режиму, во втором, в случае активных политических репрессий, существует вероятность сохранения альянса оппозиционных сил. Несмотря на оказываемое колоссальное давление на СМИ и зачастую замалчивание некоторых неугодных для правящей власти фактов, как, например, ошибочный авиаудар по мирным жителям в провинции Ширнак в 2011 г. и массовые протесты в 2013 г., в Турции остаются крупные и авторитетные оппозиционные СМИ. В случае консолидации авторитаризма, поскольку большинство СМИ принадлежат частным корпорациям, во избежание санкций со стороны государства медиахолдинги начнут вводить самоцензуру. Такой вариант развития событий способствует маргинализации журналистской деятельности, что, в свою очередь, приведет к переходу в подполье наиболее одиозных представителей СМИ, как это было, например, с курдскими СМИ на протяжении десятилетий.

В социальной сфере усиление авторитаризма встретит как сторонников, так и оппонентов. С учетом активной происламской политики правящего режима в случае «эрдоганизации» Турции абсолютное большинство исламского духовенства окажет всяческую поддержку этому процессу. На сегодняшний день духовенство уже активно поддерживает ПСР и лично Эрдогана. Сопrotивление процессу «эрдоганизации» оказывают левые курдские организации. Усиление авторита-

ризма и репрессий в отношении курдской интеллигенции станет хорошей возможностью для восстановления былого авторитета РПК и обретения ею поддержки среди широких слоев курдского населения. Что касается ультраправой организации «Серые волки», то здесь возможны два варианта развития событий. Прежде всего это связано с тем, что политическое ядро Партии националистического движения является ключевым союзником правящего режима. При первом варианте развития событий организация продолжит сохранять верность курсу партии и лично лидеру Девлету Бахчели. В этом случае основной акцент насильственных действий организации будет направлен на оппонентов режима и этноконфессиональные меньшинства. При втором варианте произойдет раскол организации, если принимать во внимание идеологические различия между «Серыми волками» и ПСР.

«Эрдоганизация» Турции однозначно не встретит поддержки среди ключевых союзников по НАТО. В частности, усиление авторитаризма станет причиной ухудшения и без того напряженных отношений между Анкарой и Брюсселем. В случае усиления репрессий в отношении противников власти ЕС может ввести экономические и политические санкции против правящего режима. Что же касается ключевого союзника Турции, США, то здесь два варианта развития ситуации. В первом случае, если будет сохранена зависимость внешней политики Анкары от Вашингтона, никаких кардинальных перемен не стоит ожидать. Во втором случае Анкара попытается проводить независимую внешнюю политику, что, возможно, также приведет к санкциям и, как результат, усилит вероятность вмешательства США во внутренние дела Турции.

Таким образом, установление жесткого авторитаризма вызовет еще большую поляризацию турецкого общества. Особенно рост социальной напряженности усилится в крупных городах, где возможны столкновения между консервативной происламской частью общества и сторонниками идеологии кемализма. В свою очередь, для стабилизации обстановки в стране власти усилят репрессии, что приведет к еще большему насилию на улицах городов. В этих условиях под предлогом восстановления законности и порядка армия вновь попытается захватить власть в стране при негласной поддержке оппозиции и ключевых внешних акторов.

Второй сценарий развития турецкого государства — это демократический транзит власти. Прежде всего основой для такого кардинального поворота турецкой политической системы может послужить экономический кризис. Следует иметь в виду, что, в отличие от соседних Сирии, Ирака и Ирана, Турецкая Республика не располагает большими запасами природных ресурсов, особенно углеводородными, поэтому основой экономического роста являются прямые иностранные инвестиции. А для привлечения инвестиций необходимо создать условия, при которых финансы будут в безопасности. Прямые иностранные инвестиции в экономику Турции с 2015 по 2019 г. сократились более чем на 6,8 млрд долл. [10].

Таким образом, в условиях экономического кризиса и спада производства правящий режим уже начал терять поддержку избирателей. Так, впервые с момента прихода к власти ПСР потеряла ключевые города страны — Анкару и Стамбул, где должности градоначальников заняли кандидаты из оппозиционной НРП. Несмотря на победу правящей партии на парламентских выборах в 2023 г., рассмотрим поведение ключевых акторов в этом процессе. Безусловно, процесс демократизации страны абсолютное большинство ключевых акторов встретит с воодушевлением. Особенно благоприятно он скажется на бизнесе, поскольку будет способствовать повышению уровня конкуренции и придаст бизнесу правовые гарантии. В Турцию активно начнет возвращаться как этнический турецкий, так и иностранный бизнес, который покинул страну в период усиления авторитаризма.

Процесс демократизации станет причиной ослабления оппозиционных сил. Главная оппозиционная партия, НРП, потеряет ряд своих избирателей в традиционно сильных приморских провинциях, что послужит причиной смены курса партийной политики. НРП попытается занять умеренную позицию для сохранения избирателей. Также высока вероятность распада Национального альянса между НРП и Хорошей партией в результате борьбы за голоса избирателей. Демократизация может привести к тому, что Хорошая партия сместит свои взгляды в сторону радикализма с целью привлечь избирателей ПНД. Если прокурдская политика Анкары изменится, Демократическая партия народов, вероятнее всего, также потеряет своих избирателей (особенно если учесть грандиозные планы правительства Эрдогана по развитию курдских районов, в частности строительство ГЭС «Илису» на реке Тигр). В этом случае ДПН рискует не преодолеть 10%-ный барьер для прохождения в ВНСТ, что может привести к более радикальной партийной программе, например созданию курдской автономии. Что же касается бывших соратников Эрдогана, то демократизация ослабит их позиции. Демократизация также поставит под угрозу вероятность прохождения Партии Давутоглу в Парламент, так как конкурировать с ПСР она не сможет либо, если сможет пройти, займет консервативную позицию. СМИ в процессе демократизации поддержат правящий режим, как это было в первые годы правления ПСР в противостоянии с генералитетом. В социальной сфере процесс демократизации станет стабилизирующим фактором. В частности, улучшение прокурдской политики приведет к тому, что РПК окончательно потеряет поддержку среди широких слоев курдского населения, исключением могут стать труднодоступные районы, где симпатия к идеям партии останется стабильной.

Потеря поддержки может способствовать тому, что РПК в большей мере переориентируется на соседние страны, особенно на Сирию. Для праворадикальной организации «Серые волки» кардинальных изменений не предвидится, что прежде всего связано с характерной для нее идеологией шовинизма. «Серые волки» как совершали террористические акты против этноконфессиональных меньшинств и своих оппонентов, так и будут продолжать эту политику. Исламское духовенство

выступит против демократизации страны, если она будет происходить в ущерб религии. В качестве ответной реакции духовенство окажет поддержку более консервативным партиям. Демократический транзит в Турции однозначно поддержит ЕС как ключевого торгового партнера Анкары. В частности, ЕС будет содействовать демократизации и способствовать наращиванию экономических связей с Анкарой, как это происходило в 1990–2000-х гг. Либерализация турецкой политической системы поспособствует и либерализации отношений с Брюсселем, особенно в вопросах возобновления переговорных процессов о членстве Анкары в ЕС, при условии что последняя откажется от обострения кипрского вопроса. Относительно США не ожидается кардинальных изменений, если процесс демократизации не затронет интересы Вашингтона в регионе.

Принимая во внимание, что вооруженным силам во всем мире присущ авторитаризм, ожидать, что армия поддержит процесс демократического транзита, не приходится. Прежде всего демократизация окончательно подорвет влияние армии на государственные дела. Поэтому возможны два варианта развития ситуации, связанных с вооруженными силами. В первом случае армия под предлогом защиты принципов унитарной республики, а также идей гражданской нации совершит очередную попытку военного переворота с целью захватить власть, во втором — попытается оказать давление на режим с целью сворачивания демократизации, поддержав более радикальные секуляристские силы. При этом в случае вмешательства армии в политику в условиях демократизации она столкнется с консолидированным сопротивлением всего турецкого народа.

Третий сценарий — нелиберальная демократия. При таком сценарии кардинальных изменений не ожидается в силу прежде всего относительной стабильности политической системы Турецкой Республики. Что же касается позиций ключевых акторов, можно ожидать следующих действий.

Крупнейшая оппозиционная сила, Национальный альянс, вероятно, продолжит свое существование несмотря на имеющиеся разногласия (в частности, союзники НРП по альянсу требуют прекратить сотрудничество с прокурдской Демократической партией народов). Ключевым фактором в вопросе сохранения единого оппозиционного блока станет вопрос смены лидера, так как Кемаль Кылычдароглу не пользуется абсолютным авторитетом среди членов альянса.

СМИ как один из ключевых акторов сохранят свое разделение на провластные и оппозиционные. Лояльные к режиму продолжают восхвалять политику властей, а оппозиционные сохранят свое умеренно критичное отношение к власти.

В социальной сфере кардинальных изменений ожидать не стоит. Абсолютное большинство исламского духовенства продолжит оставаться опорой режиму, особенно в вопросах возрождения ислама как неотъемлемой части политики. При сохранении нынешней прокурдской политики ПСР можно предположить, что взаимоотношения РПК с турецким правительством останутся в рамках пассивного противостояния.

Сохранение гибридного режима приведет к еще большему напряжению во взаимоотношениях между Брюсселем и Анкарой. В частности, ЕС попытается оказать давление на Турцию в вопросах демократизации страны; высока вероятность новых санкций в отношении Анкары в связи с обострением кипрского вопроса.

Турция, в свою очередь, предпримет новые попытки повлиять на ЕС с целью получить дивиденды. Для получения новых траншей Анкара попытается открыть границы для сирийских беженцев, находящихся на ее территории, что приведет к очередному миграционному кризису в ЕС. Качество турецко-американских отношений, как и в предыдущих сценариях, будет зависеть от самостоятельности внешней политики Анкары. Если правительство Эрдогана продолжит во внешней политике независимый курс, это приведет к ухудшению отношений между двумя союзниками. Как результат, Вашингтон попытается принудить Анкару к повиновению.

Итак, для прогнозирования новых попыток военной интервенции в политику мы построили три сценария развития турецкой политической системы:

- установление жесткого клерикального авторитаризма;
- демократический транзит;
- сохранение гибридного режима.

В ходе анализа вероятности новых попыток военных переворотов в рамках построенных сценариев мы определили, что вмешательство армии наименее возможно при сохранении гибридного режима. Наиболее вероятен государственный переворот при установлении жесткого клерикального авторитаризма. Во многом это будет зависеть от способности армии получить поддержку от внешних акторов (США и ЕС), а также от негласной солидарности турецкой элиты в своих действиях при условии, что ее интересы не пострадают. В случае же демократического сценария армия попытается изменить ситуацию в свою пользу, но вероятность успешного захвата власти крайне мала. Это обусловлено прежде всего отсутствием поддержки со стороны внешних акторов и консолидацией турецкого общества вокруг лидера, как это было во время путча 2016 г.

Таким образом, мы видим, что как при жестком авторитаризме, так и при демократии армия рискует окончательно потерять роль скрытого «опекуна» турецкой государственности.

Список литературы

1. Аакер Д. А. Стратегическое рыночное управление. СПб., 2002. С. 182—189.
2. Аватков В. А. Турецкая Республика накануне своего столетия. URL: <http://www.svom.info/entry/1286-tureckaya-respublika-nakanune-svoego-stoletiya/> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Аватков В. А., Польшалов А. О. Вооруженные силы Турецкой Республики: процесс становления // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №3. С. 1—13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22779 (дата обращения: 05.05.2023).
4. Анкара идет к Магомету // Коммерсант. 15.08.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3048171> (дата обращения: 17.04.2023).

5. *Асальюглу А.* Остановить утечку капитала из Турции никак не получается. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2809109.html> (дата обращения: 20.05.2023).

6. *Инфляция в Турции замедлилась впервые за полтора года.* URL: <https://www.forbes.ru/finansy/482043-inflacia-v-turcii-zamedlilas-vpervye-za-poltora-goda> (дата обращения: 20.05.2023).

7. *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. М., 2007.

8. *Колесниченко К. Ю.* Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа. Владивосток, 2014.

9. *Отток капитала из Турции в 2018 году увеличился на треть* // МК Турция. 24.01.2019. URL: <https://mk-turkey.ru/economics/2019/01/24/mo-ottok-kapitala-iz-turcii-v.html> (дата обращения: 25.05.2022).

10. *Прямые иностранные инвестиции, чистый приток, в текущих ценах (долл. США) // Мировой атлас. Турция.* 2019. URL: <https://knoema.ru/cdn.ampproject.org/v/s/knoema.ru/atlas/> (дата обращения: 25.03.2023).

11. *Турецкая газета Zaman опровергла сообщения СМИ о подготовке к ее закрытию* // РИА новости. 06.05.2016. URL: <https://ria.ru/20160506/1427719791.html> (дата обращения: 20.04.2023).

12. *Хасанов Р. Ш.* Партийная система современной Турции: факторы трансформации и тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2018.

13. *Markedonov S.* Kompetitive Kooperation. Russlands und die Türkei im Südkaukasus // Osteuropa. 2018. №10-12. S. 353–365.

14. *Anayasa Değişikliği Teklifi'nin. Karşılaştırmalı ve Açıklamalı Metni // Türkiye Barolar Birliği'nin Değerlendirme Yaptığı Hükümler.* URL: http://anayasadegi sikligi.barobirlik.org.tr/Anayasa_Degisikligi.aspx (дата обращения: 25.04.2023).

15. 2020 World Press Freedom Index: «Entering a decisive decade for journalism, exacerbated by coronavirus». URL: <https://rsf.org/en/2020-world-press-freedom-index-entering-decisive-decade-journalism-exacerbated-coronavirus> (дата обращения: 27.05.2022).

16. *China, Turkey, Saudi Arabia, Egypt are world's worst jailers of journalists.* URL: <https://cpj.org/reports/2019/12/journalists-jailed-china-turkey-saudi-arabia-egypt/> (дата обращения: 05.05.2022).

17. *Çakır M. Ö., Çalkaya M.* İşsizlik rakamları açıklandıhttps. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/issizlik-rakamlari-aciklandi/1799502> (дата обращения: 28.04.2022).

18. *Bayram M.* Soğuk Savaş Dönemi Türk-Amerikan İlişkilerinin Sürekliliğinde Askeri Darbelerin Rolü // Ahi Evran. Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2015. С. 2, S. 1. S. 31–43.

19. *Özdem Ö.* 15 Temmuz darbe girişimi: Türkiye ekonomisinin kısa süren 'kötü rüyası'. URL: <https://clck.ru/34qPZp> (дата обращения: 14.04.2020).

20. *Schoemaker P. J. H.* Multiple Scenario Development: its conceptual and behavioral foundation // Strategic Management Journal. 1993. Vol. 14, №3. P. 193–213.

21. *Temmuz'dan bu yana 879 şirket TMSF'ye devredildi.* URL: <https://clck.ru/34qPbY> (дата обращения: 17.04.2020).

22. *Zaman.* URL: https://inosmi.ru/zaman_com_tr/ (дата обращения: 15.04.2020).

23. *Akça İ., Balta Paker E.* 'Beyond military tutelage? Turkish military politics and the AKP government' // Debating Security in Turkey. Challenges and Changes in the the Twenty-First Century / ed. by E. Canan-Sokullu. N. Y., 2013. P. 77–92.

Об авторе

Мраз Авдалович Гасанов – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: muraz-2021@mail.ru

M. A. Gasanov

**PROSPECTS FOR A NEW INTERVENTION BY MILITARY
IN THE POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TURKEY**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 28 June 2023

Accepted 10 August 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-8

To cite this article: Gasanov M. A., 2023, Prospects for a new intervention by military in the political processes in the Republic of Turkey, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 85—95. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-8.

95

The military's involvement in political processes in Turkey has ambiguous consequences for society. On the one hand, for decades, the army has supported the secular character of Turkish politics. On the other hand, the military has acted as a strong force slowing down the development of Turkish democracy, fearing a loss of influence over the state. Whenever conditions for political emancipation arose, the military took control, organizing mass repression in the country. The last attempted coup in 2016 undermined the already weakened position of the military, but there is no firm certainty that the army will not attempt to reclaim its role as a hidden guardian. The goal of the undertaken research was to forecast the conditions under which the military might attempt a coup. Scenario analysis was used for the prediction. As a result, three scenarios for the development of the Republic of Turkey were obtained: the establishment of a rigid clerical authoritarianism, democratic transition, and the preservation of a hybrid regime. It was identified that the highest likelihood of a military coup exists under the establishment of rigid authoritarianism, and the lowest likelihood is under the preservation of a hybrid regime.

Keywords: military coup, democracy, authoritarianism, secular regime, army

The author

Mraz A. Gasanov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: muraz-2021@mail.ru

И. П. Максимов, М. Смирнов

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ЭСТОНИИ:
ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И БУДУЩЕЕ
РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.05.2023 г.

Принята к публикации 30.06.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9

96

Для цитирования: Максимов И. П., Смирнов М. Языковая политика Эстонии: достигнутые результаты и будущее русскоязычного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 96–105. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9.

Языковая политика Эстонии вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе, осложняемые политической заряженностью данной темы. В работах эстонских авторов можно встретить безоговорочное постулирование влияния России на эстонское общество, а самим русскоязычным меньшинствам уделяется относительно мало внимания. Отечественные исследователи сосредоточивают внимание на негативных аспектах интеграционной и языковой политики – нарушении прав национальных меньшинств, ассимиляционном характере языковой политики Эстонии, – но при этом в силу языкового барьера редко привлекают эстоноязычный эмпирический материал. Отсюда вытекают часто прямо противоположные выводы о перспективах языковой политики Эстонии: от неизбежной ассимиляции русскоязычного меньшинства до его успешной интеграции в эстонское общество с сохранением языковой и культурной самобытности. В статье рассматриваются результаты языковой политики Эстонской Республики на 2023 г. и перспективы русскоязычного образования в стране, делается вывод о возможностях трансформации интеграционной политики в действительно ассимиляционную.

Ключевые слова: языковая политика, ассимиляция, этнополитика, национальный вопрос, национальные меньшинства

Двенадцатого декабря 2022 г. парламент Эстонии принял поправки в Закон об образовании, которые фактически полностью ликвидировали государственное образование в стране на русском языке. Согласно обновленному закону, единственным языком обучения в государственных учреждениях в стране становится эстонский, а в отношении работников образования вводится требование к уровню владения государственным языком. Разумеется, переход школ на эстонский язык не является сиюминутным, каждое учреждение осуществляет этот процесс в своем темпе, но должно уложиться в крайний срок – до 2031/32 учебного года [12]. Подобный шаг можно рассматривать как окончательный

переход к политике ассимиляции в отношении русскоязычного населения, хотя с подобным взглядом категорически не согласны эстонские политики и исследователи, которые убеждены, что перевод образования на эстонский язык лишь поспособствует улучшению позиций русскоязычной молодежи на рынке труда [4]. В данном контексте разумно оценить текущие успехи языковой политики Эстонии и положение русскоязычного меньшинства в эстонском обществе.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на новые поправки в Закон об образовании, у русскоязычных жителей Эстонии по-прежнему сохраняется возможность получать образование на русском языке, но уже на базе частных школ. Поправки не затронули Закон о частных школах и, как следствие, частные учебные заведения по-прежнему могут самостоятельно выбирать язык обучения. Единственное требование — обязательные уроки эстонского языка как иностранного. В сфере высшего образования страна уже знает примеры учреждения учебных заведений с преимущественно русским языком обучения (бизнес-школа «Майнор»).

Хотя Закон о языке от 2011 г. [3] не признает государственными никакие языки, кроме эстонского, он выделяет ряд привилегий для языков национальных меньшинств, среди которых русский выделен отдельно на основании Закона о культурной автономии национальных меньшинств [2]. Согласно данному закону, национальные меньшинства имеют право объединяться в культурные самоуправления со своими представительствами, учебными заведениями и культурными центрами, если численность национального меньшинства составляет не менее 3 тыс. человек. При этом русские, немцы, шведы и евреи выделены в законе отдельно как народы, исторически проживающие на территории Эстонии. Объединившись в культурную автономию путем составления национальных списков и проведения выборов в культурный совет согласно распорядку, установленному в законе, национальное меньшинство получает право на создание национальных учебных заведений (при этом ст. 37 Конституции Эстонской Республики отдельно защищает язык преподавания в подобных учебных заведениях), приходо-в, организаций, на выпуск печатных изданий и проведение культурных мероприятий. Отдельно следует отметить право на использование своего языка в делопроизводстве, что означает обслуживание в государственных учреждениях на языке национального меньшинства при условии, что оно составляет не менее 50 % от населения местного самоуправления. Официально зарегистрированное самоуправление национального меньшинства может претендовать и на финансовую поддержку из государственного бюджета помимо иных источников финансирования [2].

В данном контексте проблемой является то, что на официальном уровне русскоязычное меньшинство не имеет своего представительства или самоуправления, в отличие, например, от проживающих на территории Эстонии финнов и шведов. Подобная ситуация ставит русскоязычное меньшинство в Эстонии в довольно уникальную ситуацию: с

одной стороны, это позволяет властям на законных основаниях отклонять ходатайства об использовании русского языка в делопроизводстве даже в преимущественно русскоязычных районах, с другой — на практике эстонское государство косвенно признает статус русскоязычного меньшинства и даже поддерживает его культурную жизнь, например финансирует Русский театр с полностью русскоязычной программой, различные русскоязычные теле- и радиопрограммы, проекты в области культуры и языка. В стране по-прежнему издается русскоязычная литература, а в кинотеатрах показываются фильмы как в русском дубляже, так и с русскими субтитрами. И даже в сфере делопроизводства обслуживание на русском языке распространено повсеместно, хотя языком документов остается эстонский [7].

Что касается интеграционных программ Эстонии, то со временем они претерпели значительные изменения. Так, программа «Интеграция в эстонское общество 2000—2007» по большей части была сосредоточена на так называемых русофонах — русскоязычном населении Эстонии в лице иммигрантов, прибывших в страну в советский период, вне зависимости от их национальности. Главной составляющей таких программ являлся языковой вопрос: объединение общества должно было осуществляться вокруг эстонского языка и культуры, что свидетельствовало об ассимиляционном характере программы. Основными ее пунктами обозначались реформа эстонской системы образования путем полного ее перевода на эстонский язык и создание инфраструктуры для преподавания эстонского языка взрослому населению [10].

Актуальная программа Министерства культуры подходит к вопросу интеграции и сплочения эстонского общества гораздо шире, нежели исключительно в плоскости языковой политики и культурной ассимиляции. В качестве основных проблем эстонского общества в программе «Стратегия сплоченной Эстонии 2030» [14] выделяются низкий уровень сплоченности, языковая сегрегация, старение населения, высокий уровень иммиграции молодежи с последующей утратой культурных связей с родиной, низкий уровень поддержки гражданских объединений и некоммерческих организаций, несовершенство системы сбора информации о населении. Таким образом, большая часть программы посвящена не столько языковой политике, сколько другим аспектам интеграции общества — от поддержки и стимуляции релокации соотечественников за рубежом обратно на родину до развития IT-сектора в сфере опросов, электронных переписей и сбора информации о народонаселении [14].

В сфере непосредственно языковой политики и культурной интеграции акцент смещен с русофонов на мигрантов в целом, и хотя упоминания русскоязычного меньшинства как наиболее крупной лингвистической группы иммигрантов все еще встречаются, сама программа нацелена прежде всего на интеграцию любого иностранца, пребывающего в республику, вне зависимости от его родного языка или культуры. Первоочередной задачей является социальная интеграция иностранца в общество, где у него есть неотъемлемое право полноценно

участвовать в общественной жизни вне зависимости от происхождения или родного языка. Особое внимание в рамках стратегии уделяется обеспечению равных возможностей иммигрантам на рынке труда, в сфере образования и социального благополучия. В конечном итоге иммигрант должен осознать свою принадлежность к эстонской нации и культуре, сохранив при этом свои культурные и языковые корни.

Если же рассматривать результаты языковой политики Эстонии на сегодняшний день, то, несмотря на определенную положительную динамику и постепенное искоренение острых социальных проблем в обществе, нельзя говорить о каких-то крупных успехах на данном поприще. В эстонском обществе по-прежнему остается нерешенным ряд проблем: культурная и языковая сегрегация, неравное положение эстонцев и неэстонцев на рынке труда, институт «негражданства».

Вопрос «неграждан», или «серопаспортников», часто поднимается в российских [5] и иностранных [15] исследованиях. На 1 января 2021 г. в Эстонии проживало 66 тыс. «неграждан», которые составляли 5 % от общего населения страны. Гражданами России являются 6,1 % жителей Эстонии, или 81 тыс. человек, гражданами Эстонии — 84,7 %, или 1,1 млн человек, 4,2 % населения приходится на граждан других государств [1].

Следует отметить, что ситуация с «серопаспортниками» значительно улучшилась за прошедшие годы: их доля среди жителей страны сократилось с 32 % в начале 1990-х гг. до 5 % на начало 2021 г. На сегодняшний день есть ряд причин, по которым определенную часть оставшихся «неграждан» вполне устраивает их положение. В первую очередь «серый» паспорт позволяет легко перемещаться как по территориям стран СНГ (включая Россию, для въезда в которую «серопаспортникам» не требуется виза), так и по территории Европейского союза. Впрочем, некоторые «неграждане» не могут получить гражданство Эстонии в виду слабого владения государственным языком или по идеологическим причинам, так как получение гражданства требует принесения присяги на верность эстонскому государству [6].

Что касается сегрегации, то эстоноязычное и русскоязычное общества до сих пор слабо пересекаются друг с другом: около трети эстонцев не имеют в своем близком кругу общения ни одного русского, а десятая часть русских — ни одного эстонца. При этом межличностные связи за пределами работы / учебы и вовсе близятся к нулю. Впрочем, нельзя не отметить и определенные положительные тенденции в данной сфере: так, в 2020 г., даже в период пандемии коронавируса, 64 % неэстонцев и 62 % эстонцев имели регулярные контакты с людьми другой национальности. Для сравнения, в 2017 и 2015 гг. данные показатели составляли соответственно 81 и 80 % для неэстонцев и 64 и 72 % для эстонцев [9, lk.38].

Другой проблемой является неравное положение эстонцев и «неэстонцев» на рынке труда: по-прежнему сохраняется языковая и национальная сегрегация по части видов работ (низкоквалифицированные и малооплачиваемые, как правило, достаются «неэстонцам»), уровень без-

работицы среди «неэстонцев» в полтора раза выше, чем у эстонцев, сохраняются тенденции, при которых даже длительно проживающий в стране резидент, не принадлежащий к национальному большинству, сталкивается с трудностями при устройстве на работу. Подобная ситуация складывается по причине того, что подавляющее большинство вакансий на рынке труда требуют высокого уровня владения эстонским языком, в то время как без его знания можно устроиться лишь на очень ограниченный спектр работ по остаточному принципу. Не ликвидировано неравенство и по части зарплат: в 2020 г. средний годовой доход эстонца составил 14297 евро, в то время как доход неэстонца — 12213 евро. Таким образом, доход неэстонцев составляет только 85 % от дохода эстонцев, что является довольно ощутимой разницей [1].

Определенные положительные тенденции наблюдаются в сфере распространения эстонского языка. На январь 2021 г. эстонский язык был родным для большинства населения страны — на нем говорят 895 тыс. человек, или 67,2 %. Русский же является родным для 379 тыс. человек (28,4 % от всего населения страны). С 2011 г. доля граждан, считающих русский родным языком, сократилась с 29,5 до 28,4 % [1]. Тем не менее маловероятно, что падение доли на 1 % за десятилетие может свидетельствовать о насильственной политике ассимиляции или ассимиляционном характере языковой политики. Что же касается непосредственно тенденций в овладении русскоязычного меньшинства эстонским языком, то здесь можно говорить о некоторых успехах.

Доля тех неэстонцев, кто владеет эстонским языком на очень высоком уровне и считается полноценно интегрированным в эстонское общество, выросла с 32 % в 2008 г. до 41 % в 2017 г. и остается с тех пор неизменной. Более положительная картина наблюдается среди тех, кто не владеет эстонским языком вовсе: их доля в последние годы стабильно уменьшается (с 20 % в 2008 г. до 8 % в 2021 г.). Это может свидетельствовать об определенных успехах в популяризации и преподавании эстонского языка. Впрочем, важно отметить и тот факт, что в период с 2017 по 2020 г. темп уменьшения доли лиц, не владеющих эстонским языком, резко сократился [9, лк. 29]. Впрочем, данное сокращение может быть обусловлено и тем, что оставшиеся жители, не владеющие эстонским языком, в большинстве своем представлены пенсионерами, для которых изучение языка уже не имеет особого смысла.

Вместе с тем большинство неэстонцев по-прежнему не владеют государственным языком в должной мере: свободно говорить, читать, писать и воспринимать на слух речь умеют только 41 % неэстонцев. При этом на протяжении времени прирост в данной категории был достаточно скромным — с 2011 г. рост составил всего 5 %, а в период с 2017 по 2020 г. и вовсе был нулевым [9, лк. 30]. Данный факт может говорить об определенных изъянах в преподавании продвинутого уровня языка и/или отсутствии необходимых условий для практики и совершенствования навыков владения языком.

При более детальном анализе можно выявить следующие закономерности: наиболее «проблемным» регионом по-прежнему остается

Ида-Вирумаа (северо-восточная Эстония), в котором проживает наибольшее количество тех, кто не знает язык вовсе (20 %), и наименьшее количество тех, кто владеет им на хорошем уровне (21 %). Для Таллина, напротив, характерен крайне низкий процент не владеющих языком (5 %), в то время как абсолютное большинство (50 %) владеет им хорошо. Подобная ситуация не удивительна ввиду того, что в Ида-Вирумаа по-прежнему сохраняются целые сферы труда и предприятия, не требующих знания эстонского языка при приеме на работу, а также потому, что регион заселен преимущественно русскоязычным населением. Таллин же, будучи столицей, предоставляет огромное количество рабочих мест, которые требуют знания эстонского языка, что вынуждает местных жителей и приезжих учить государственный язык для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Кроме того, в столице лучше развита система обучающих курсов эстонскому языку.

Остальная Эстония, будучи преимущественно моноэтническим и моноязыковым сообществом, показывает наилучший результат по количеству тех, кто не владеет языком вовсе (4 %), но немного уступает Таллину в количестве владеющих им на хорошем уровне (47 %) [9, lk. 30].

Что касается возрастных групп, то наилучших успехов в освоении эстонского языка достигло молодое поколение в возрасте от 15 до 34 лет: на 2021 г. 62 % представителей этой группы владеют государственным языком на хорошем уровне. Самый низкий уровень владения эстонским языком у старшего поколения (от 65 лет) — только 27 % владеют им хорошо. У среднего поколения (35–64 года) похожие результаты — 37 % владеют языком на должном уровне. Тем не менее все три группы имеют хорошую динамику и по прошествии лет стабильно повышают свой уровень владения эстонским языком [9, lk. 31].

Интересно рассмотреть показатели использования русского языка неэстонцами в повседневной жизни — как в рабочей / учебной обстановке, так и в ходе неформального общения в свободное время. Во втором случае русский язык сохраняет стабильно высокие показатели использования (от 96 %). Гораздо более любопытны результаты в первом случае: по прошествии лет использование русского языка в рабочей и учебной деятельности значительно возросло — с 57 % в 2008 г. до 71 % на начало 2021 г. Стоит отметить, что вместе с тем возросло и использование эстонского языка — с 41 % в 2008 г. до 48 % в 2020 г., а также английского — с 12 до 21 % [9, lk. 34]. Исходя из этого можно говорить о развитии мультязыковой среды в стране и об определенных успехах в интеграции русскоязычного населения в эстонское общество. Любопытно отметить и то, что знание русского языка среди эстонцев остается на стабильно высоком уровне — на 2020 г. 54 % эстонцев владели русским языком свободно (в 2011 г. этим могли похвастаться 44 % эстонцев). Вообще не владеют русским языком только 5 % эстонцев [9, lk. 30]. Следует отметить, что использование русского языка среди эстонцев в свободное время также возросло — с 24 % в 2008 г. до 33 % в 2020 г. [9, lk. 34].

В контексте перевода русскоязычных школ на эстонский язык обучения стоит обратить внимание и на ряд статистических показателей в

сфере образования. Так, в числе негативных факторов, связанных с обучением по программе языкового погружения, русскоязычные ученики чаще всего указывали чрезмерные нагрузки и стресс (51 %) и ухудшение знаний по изучаемому предмету (51 %). Реже отмечали ухудшение навыка владения родным языком (37 %) и потерю культурной идентичности (35 %). В то же время в качестве положительных факторов учащиеся называют улучшение навыков владения эстонским языком (85 %), повышение конкурентоспособности на рынке труда в будущем (80 %), улучшение отношений и налаживание контактов с эстонцами и другими жителями страны (85 %), развитие когнитивных способностей у ученика (63 %) [9, lk. 21]. Таким образом, хотя положительное влияние языковой политики выражено ярче, не следует пренебрегать и серьезными проблемами, беспокоящими учеников (прежде всего это повышение учебной нагрузки и ухудшение знаний по изучаемому предмету). И хотя проблема ассимиляции выражена не столь явно, показатели опасения утраты национальной идентичности и ухудшения навыков родного языка слишком высоки, чтобы их игнорировать.

Что касается ситуации с высшим образованием, то на 2021 г. 37 % русскоязычных жителей страны имели диплом бакалавра или выше. Среди эстонцев данный показатель чуть ниже — 34 %. Это говорит о том, что образование на рынке труда играет второстепенную роль, а решающим фактором при приеме на должность является знание государственного языка. Если же проанализировать наличие высшего образования среди молодого поколения 19–29 лет, которые получали образование уже полностью на эстонском языке, то можно увидеть зеркальную ситуацию. В возрастной группе 19–29 лет 24 % эстонцев и 21 % русских имеют диплом бакалавра или выше. Если же учесть и другие национальности, то доля неэстонцев с высшим образованием возрастает до 25 % [2]. Таким образом, в сфере высшего образования действительно можно констатировать однозначный успех интеграционной политики, который характеризуется абсолютным равенством между эстонцами и неэстонцами. Тем не менее следует иметь в виду, что приведенные данные не учитывают того, где именно было получено образование — в Эстонии или за границей, что, безусловно, искажает результаты статистики.

В контексте перевода государственного образования на эстонский язык любопытно изучить уже имеющийся опыт русскоязычных учеников в эстоноязычных школах. К сожалению, официальная государственная статистика не проводит регулярных исследований данного вопроса, полагаясь на частные научные исследования [11]. Если же говорить об общих тенденциях, то русскоязычные дети, обучающиеся в полностью эстоноязычной среде, действительно показывают лучшие навыки владения как государственным языком, так и учебным материалом, нежели их сверстники в русскоязычных школах. Вместе с тем серьезные опасения вызывает тот факт, что далеко не все учащиеся, поступившие в эстонские школы, справляются с учебной нагрузкой. Около 40 % русскоязычных учащихся начинают отставать в процессе обучения и меняют школу, при этом неустановленное количество детей и

вовсе не проходят собеседование на прием в эстонскую школу. Более того, в качестве основных факторов улучшения навыков владения эстонским языком были выделены личные качества ученика, его мотивация, условия обучения в каждой конкретной школе и индивидуальный подход к изучению языка, а не только наличие полностью эстоноязычного процесса обучения как такового [8]. Подобные данные не внушают оптимизма по поводу перехода на полностью эстоноязычный процесс обучения, который может стать шоком для неподготовленных детей и только сильнее увеличить сегрегацию и межэтнический раскол в обществе.

Таким образом, поправки в Закон об образовании от декабря 2022 г., которые фактически ликвидировали государственное русскоязычное образование в стране, выглядят как чересчур поспешный и непродуманный шаг, на что указывают и члены эстонского парламента в ходе обсуждений [13]. Как уже упоминалось ранее, даже старое языковое законодательство было сопряжено с негативными тенденциями среди русскоязычных учащихся. Имелись жалобы на ухудшение усвоения учебного материала, отмечались падение успеваемости, высокие нагрузки и уровень стресса. Подобные проблемы встречались и среди русскоязычных обучающихся в эстонских школах. В итоге массовый перевод образования на эстонский язык может стать шоком для неподготовленных детей, что выльется в кризис языковой политики и испортит уже достигнутые результаты и в других сферах. Поэтому вероятность вырождения интеграционной политики в действительно ассимиляционную, а также маргинализации и люмпенизации русскоязычного населения достаточно высока. Погружение в языковую среду вряд ли пойдет на пользу русскоязычным детям, если учитывать имеющиеся на текущий момент тенденции. Надо надеяться, что эстонское государство подойдет к воплощению в жизнь новых поправок с большой осторожностью, а в идеале — отзовет изменения и доработает законопроект.

Список литературы

1. *Департамент статистики ЭР. Демографические и культурные показатели.* URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel_vordlus__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad/RLV421/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 12.04.2023).
2. *Департамент статистики ЭР. Образование.* URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__haridus/RL21303/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 15.04.2023).
3. *Закон о культурной автономии меньшинств (принят 26.10.1993).* URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/182796> (дата обращения: 14.02.2023).
4. *Закон о языке (принят 23.02.2011).* URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/102072013009> (дата обращения: 14.02.2023).
5. *Кая Каллас: унификация эстоноязычного образования нужна, чтобы не возникло сегрегации.* URL: <https://rus.err.ee/1608103171/kaja-kallas-unifikacija-jestonojazychnogo-obrazovanija-nuzhna-chtoby-ne-vozniklo-segregacii> (дата обращения: 24.04.2023).
6. *Михайлов Д. А. Проблемы изучения русскоязычного населения Эстонии // Общество: политика, экономика, право. 2019. №7. С. 16–20.*
7. *Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, №2. С. 144–157.*

8. Урмас Паэт: в Эстонии нет необходимости в культурной автономии для русских. URL: <https://rus.postimees.ee/6415920/urmas-paet-v-estonii-net-neobhodontimosti-v-kulturnoy-avtonomii-dlya-russkih> (дата обращения: 24.04.2023).

9. *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring* 2015. URL: https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/Eesti_integratsiooni_monitooring_20151.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

10. *Eesti ühiskonna lõimumismonitooring* 2020. URL: <https://www.kul.ee/media/3240/download> (дата обращения: 15.04.2023).

11. *Integratsioon Eesti ühiskonnas 2000–2007*. Tallinn, 2006. URL: <https://integratsioon.ee/ru/riikliku-programmi-integratsioon-eesti-uhiskonnas-2000-2007-vahehindamisaruanne> (дата обращения: 11.04.2023).

12. *Põder K., Lauri T., Rahnu L.* Challenges facing the Estonian school system: the achievement gap between language-stream schools and school choice by immigrants // Estonia at the Age of Migration: Estonian Human Development Report 2016/2017. URL: <https://2017.inimareng.ee/en/immigration-and-integration/challenges-facing-the-estonian-school-system/> (дата обращения: 17.04.2023).

13. *Põhikooli- ja gümnaasiumiseaduse ning teiste seaduste muutmise seadus* (eestikeelsele õppele üleminek) 722 SE. URL: <https://tinyurl.com/yc2nayun> (дата обращения: 17.02.2023).

14. *Riigikogu arutelu fookuses olid eestikeelsele õppele ülemineku probleemid*. URL: <https://www.riigikogu.ee/istungi-ulevaated/riigikogu-arutelu-fookuses-olid-eestikeelsele-oppele-ulemineku-probleemid/> (дата обращения: 17.04.2023).

15. *Sidusa Eesti Arengukava* 2030. URL: <https://www.kul.ee/siduseesti2030> (дата обращения: 15.04.2023).

16. *Sotirović V. B.* The Russian Minority Question In Estonia. URL: https://www.researchgate.net/publication/329372339_The_Russian_Minority_Question_In_Estonia (дата обращения: 14.04.2023).

Об авторах

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iliamaks@mail.ru

Максим Смирнов — магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: maksmirn@inbox.ru

I. P. Maksimov, M. Smirnov

LANGUAGE POLICY OF ESTONIA: ACHIEVEMENTS AND THE FUTURE OF EDUCATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 May 2023

Accepted 30 June 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9

To cite this article: Maksimov I.P., Smirnov M., 2023, Language policy of Estonia: achievements and the future of education in the Russian language, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 96–105. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-9.

Estonia's language policy sparks serious debates in the academic community, further complicated by the politically charged nature of the topic. In the works of Estonian authors, there is unequivocal postulation of Russia's influence on Estonian society, while relatively little attention is given to the Russian-speaking minorities themselves. Domestic researchers focus on the negative aspects of integration and language policies – violations of the rights of national minorities, the assimilative nature of Estonia's language policy – yet, due to the language barrier, rarely incorporate Estonian-language empirical material. This often leads to diametrically opposite conclusions about the prospects of Estonia's language policy, ranging from the inevitable assimilation of the Russian-speaking minority to its successful integration into Estonian society while preserving linguistic and cultural distinctiveness. The article examines the results of Estonia's language policy as of 2023 and the prospects for Russian-language education in the country, drawing conclusions about the potential transformation of integration policy into a genuinely assimilative one.

Keywords: language policy, assimilation, ethnopolitics, national question, national minorities

The authors

Dr Ilya P. Maksimov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: iliamaks@mail.ru

Maksim Smirnov, Master Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: maksmirn@inbox.ru

УДК 340.111.5

Т. К. Примаков, С. В. Лонская

Рец. на кн.: *Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. Ч. 1 : Правовая доктрина и меры правовой политики. — М. : Норма, 2023. — 872 с. ; Ч. 2 : Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. — М. : Норма, 2023. — 672 с.*

106

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 25.01.2023 г.
Принята к публикации 27.03.2023 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-10

Для цитирования: *Примаков Т. К., Лонская С. В.* Рец. на кн.: *Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. Ч. 1 : Правовая доктрина и меры правовой политики. — М. : Норма, 2023. — 872 с. ; Ч. 2 : Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству. — М. : Норма, 2023. — 672 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 106—110. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-10.*

В последние годы правовая наука не может похвастаться крупными исследованиями в сфере теории правоотношений, тем более в аспекте связи последних с правовой политикой. Появление новой работы П. П. Серкова тем более заметно, поскольку она охватывает именно эту проблему соотношения двух фундаментальных правовых явлений и научных категорий. При этом тематика, выбранная автором, никогда не теряла своей актуальности, но, к сожалению, сегодня ученые-юристы предпочитают заниматься более прикладными вопросами, фактически приспособившись к нуждам практической деятельности. У них не остается времени на размышления и глубокие теоретические обобщения, что приводит к невостребованности фундаментальных исследований, утрате того необходимого научного и смыслового потенциала, который питает и обогащает знания о государственно-правовых явлениях, является основой для создания новых доктринальных, правотворческих, правоприменительных решений.

Но нет ничего практичнее хорошей теории, выступающей самостоятельным институциональным фактором общественного развития. При этом сам автор довольно скептически относится к теории права, отмечая, что ее возможности фактически исчерпаны¹. Однако это не помешало ему значительно расширить исследовательское поле, с новых

¹ *Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики) : монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023. Ч. 2. С. 9.*

позиций подойти к осмыслению юридических проблем, в том числе теории и практики правоотношений, правовой политики, правового регулирования, а также проблем правопонимания, истории права, онтологии, гносеологии, аксиологии права.

Представленное монографическое исследование написано широко известным, именитым автором – ученым и практиком, Первым заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации. Поэтому в работе присутствует необходимая диалогичность фундаментального и прикладного, что проявляется в ярко выраженной направленности содержания: право – это сложная и высокая материя, постановка и решение познавательных задач не исчерпываются потребностями совершенствования текущего законодательства и судебной практики. Без уяснения теоретических, мировоззренческих, социологических, культурно-исторических и других аспектов юриспруденция лишается перспектив развития и не может претендовать на ведущую роль в общественном развитии.

Рецензируемый научный труд, соединяя в себе фундаментальные построения, концептуальные идеи и решения, имеет комплексный характер, отличается глубокой проработкой излагаемого материала, выдержанностью стиля, последовательностью и логичностью изложения. Монография продолжает серию работ П.П. Серкова, посвященных теории правоотношения², органически связана с предыдущими исследованиями ученого, но в то же время и открывает новые ракурсы исследуемой проблематики.

Работа состоит из двух частей. Первая часть посвящена правовой доктрине и мерам правовой политики, вторая часть обобщает юридические опыты восхождения к человеку, обществу и государству.

В первой главе части первой «Конкретика справедливости. Неведомые закономерности и утопия» П.П. Серков раскрывает правовую действительность как объективную реальность и субъективное восприятие (сознание и психику человека) через их единение, которое происходит с помощью многочисленных и разноплановых конкретных идей, слов и дел, в том числе о справедливости³. Автор приходит к выводу о необходимости в уяснении права системно конкретизировать то, что происходит каждый день и многократно, что возможно «прочитать» с помощью идей, слов и дел через призму субъектов механизма индивидуальных конституционных правоотношений⁴, раскрывает тему правовой действительности в контексте идей, слов и дел в разных ракурсах⁵. На наш взгляд, позитивное значение такого подхода заключается в том, что в

² Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : в 3 ч. М. : Норма, 2018 ; *Он же*. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М. : Норма, 2020.

³ Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Ч. 1. С. 63–64.

⁴ Там же. Ч. 1. С. 85.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 164–305.

таком контексте право рассматривается не как некая абстрактная конструкция, а как вполне живой организм, существующий для человека, имеющий свои «заболевания», которые необходимо изучать и лечить.

Во второй главе части первой «Сущность правовой политики» автор рассматривает исторические начала, методологические основы, понимание правовой политики, отмечает ее некоторую сакральность, взаимосвязь с правовой социализацией, правосознанием, правовой культурой, правовой идеологией и т.д.⁶ Исследование столь широкого круга проявлений сущности правовой политики следует отнести к несомненным достоинствам работы.

Вторая часть монографии критически оценивает проявления неопределенности и определенности в различных аспектах. Так, в первой главе части второй право анализируется как пространство неопределенностей, во второй главе части второй — как пространство определенности правового регулирования. Пожалуй, вторая часть монографии получилась наиболее полемичной, прежде всего благодаря поставленным проблемам и предлагаемым решениям.

Особого внимания во второй части монографии заслуживает анализ определенности механизма правоотношений как основной юридической закономерности правового регулирования⁷, где достаточно интересно представлен механизм правоотношений в виде естественных принципов взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей во взаимосвязи с нравственностью и самоорганизацией. При этом из-за сложности и многогранности проблематики теоретико-методологическое осмысление категорий «определенность» и «неопределенность» в праве, безусловно, еще требует дальнейших исследовательских усилий правоведов. В частности, спорным остается ответ на вопрос, можно ли считать, что определенность не подвергается изменениям.

Представляется дискуссионным и суждение автора о том, что «за истекшее столетие предложено не так много новых идей о праве», равно как и о том, что психологическая теория Л. И. Петражицкого не получила развития⁸. Во-первых, постнеклассическая наука последнего столетия дала импульс развитию интегративных концепций правопонимания, вклад в разработку которых вносят, в частности, В.В. Лазарев, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, И.Л. Честнов и другие отечественные ученые-правоведы, причем по большей части в духе Петербургской школы философии права, основы которой заложены Л.И. Петражицким⁹. Так что идеи последне-

⁶ Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Ч. 1. С. 305–870.

⁷ Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Ч. 1. С. 598–634.

⁸ Там же. Ч. 2. С. 392.

⁹ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. №2. С. 20–29; Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. №5 (328). С. 144–155; Timoshina E. The Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law of Leon Petrażycki in the Context of the Analytical-Phenomenological Tradition // Russian Legal Realism / ed. by B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Springer, 2018; Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016.

го (и И. Канта, который повлиял на Петражицкого определяющим образом) не только развиваются именно в творческом ключе.

Во-вторых, научное знание всегда основывалось на предшествующих идеях, их критическом осмыслении. «Мы стоим на плечах гигантов», да и принцип историзма требует от исследователя придерживаться исторического контекста¹⁰. Социогуманитарная наука в целом (и не только история права) не вполне справляется с прогностической функцией — в этом с автором можно согласиться. Однако вряд ли оправданно, на наш взгляд, полагать, что «конкретный перечень научных точек зрения, гипотез и теорий, получивших общее признание юридической научной общественности и одновременно прикладное использование»¹¹, как-то приблизит нас к более объективному познанию и преобразованию правовой действительности. «Единственно верное учение» как монополярная парадигма науки, равно как и отрицание развития социогуманитарных наук в рамках сосуществования различных парадигм и научно-исследовательских программ, приведет к свертыванию научного дискурса и, как следствие, к деградации научного знания. Наука должна развиваться в условиях преемственности и дискуссий: примером тому служит рецензируемая монография, которая не обманула ожиданий и побудила к размышлениям.

В заключение важно отметить, что новая монография П. П. Серкова вносит значительный вклад в развитие юридической науки. Это, несомненно, оригинальное, интересное, всестороннее и актуальное фундаментальное правовое исследование. Монография будет полезна ученым и практикам, аспирантам и студентам не только юридических, но и иных специальностей (историкам, политологам, психологам и другим социогуманитариям), а также всем заинтересованным читателям. Надеемся, что в будущем автор продолжит свои исследования, а юридическая наука пополнится новыми фундаментальными трудами ученого.

Список литературы

1. Корнев А. В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. 2023. №8. С. 47–56.
2. Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. №2. С. 20–29.
3. Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. №5 (328). С. 144–155;
4. Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016.
5. Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М. : Норма, 2020.
6. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : в 3 ч. М. : Норма, 2018.

¹⁰ Корнев А. В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. 2023. №8. С. 47–48.

¹¹ Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Ч. 2. С. 407.

7. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики): монография : в 2 ч. М. : Норма, 2023.

8. Timoshina E. The Logical and Methodological Foundations of the Theory of Law of Leon Petrażycki in the Context of the Analytical-Phenomenological Tradition // Russian Legal Realism / ed. by V. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. Springer, 2018.

9. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. №2. С. 20–29.

Об авторах

Татьяна Клавдиевна Примак — д-р юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TPrimak@kantiana.ru

Светлана Владимировна Лонская — д-р юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

T. K. Primak, S. V. Lonskaya

Rev.: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennoj pravovoj politiki): monografiya: v 2 ch. Ch. 1: Pravovaya doktrina i mery pravovoj politiki. — M.: Norma, 2023. — 872 p.; Ch. 2: Obobshchenie yuridicheskikh opytov voskhozhdeniya k cheloveku, obshchestvu i gosudarstvu. — M.: Norma, 2023. — 672 p.*

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Received 25 January 2023

Accepted 27 March 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-10

To cite this article: Primak T.K, Lonskaya S.V. 2023, Rev.: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennoj pravovoj politiki): monografiya: v 2 ch. Ch. 1: Pravovaya doktrina i mery pravovoj politiki. — M.: Norma, 2023. — 872 p.; Ch. 2: Obobshchenie yuridicheskikh opytov voskhozhdeniya k cheloveku, obshchestvu i gosudarstvu. — M.: Norma, 2023. — 672 p., Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science, №3. P. 106–110. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-10.*

The authors

Prof. Tatyana K. Primak, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: TPrimak@kantiana.ru

Prof. Svetlana V. Lonskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: SLonskaya@kantiana.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА**

Серия: Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематики;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2023

№3

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 30.11.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,9
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 125
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14